

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Абишева М.А., Шаймергенов Т.Т. Возможные пути урегулирования проблемы
Корейского полуострова в рамках инициативы СВМДА 3

Марзиев И.З. Исламский фактор на Северном Кавказе:
призрак «исламизма» добрался до России? 8

Федосеев С.Г. Современная военная конфликтология о военной безопасности:
проблемы и перспективы 16

Тусупбаева Г.А. Геополитические факторы обеспечения национальной безопасности –
составные параметры государственной политики Республики Казахстан 23

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Кульжанова Г. Некоторые аспекты проблемы политической модернизации
местного государственного управления 33

Ишмухамедов Ш.А. Этнический аспект на выборах в Мажилис Республики Казахстан 40

Уалтаева А.С. Численность оралманов в малых городах и поселках городского типа
Восточно-Казахстанской области (1991–2002 годы) 45

Италмасова Р.Б. К вопросам влияния экологического кризиса на социальное состояние
населения в трансформационный период (на примере Кызылординского региона) 48

ЭКОНОМИКА

Рахматулина Г.Г. Основные проблемы и перспективы развития транзитного потенциала
государств ЕврАзЭС 51

Панзабекова А.Ж. Государственное регулирование внешних заимствований 58

Мабиев Б.Н. Проблемы самофинансирования и банковского кредитования инвестиций 65

Жунисбекова Л.С. Проблемы волатильности международных потоков
финансового капитала для Казахстана при их либерализации 71

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Текенов У.А., Дауренбекова А.Н. Теоретические аспекты формирования механизма
взаимодействия регионов и предприятий во внешнеэкономической сфере 76

Темербеков А.А. Организованная преступность в современных условиях 84

Судейменова Г.К. Административные барьеры в развитии предпринимательства 91

Бырбаева Г.Б. Политико-культурологические детерминанты евро-американской
историографии в освещении истории Центральной Азии 1970–1980-х годов 98

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т. Burghart D.L., Sabonis-Helf Th. (eds.) In the Tracks of Tamerlane.
Central Asia's Path to the 21st Century 104

SUMMARY 110

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 117

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Шеф-редактор Шоманов А.Ж., и.о. директора КИСИ при Президенте РК
Редакционный совет: Абишева М.А., Ашимбаев М.С., Ертсыбаев Е.К., Косиченко А.Г.,
Лаумулин М.Т., Султанов Б.К., Сыроежкин К.Л., Шоманов А.Ж.

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Нысанбек У.М.
Корректор: Шестаков Н.И. Дизайн и верстка: Байбергенов К., Садуақасов А.
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95 E-mail: office@kisi.kz
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ОО ДООИВА Медуского района г. Алматы. Тираж 1000 экз.

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Abisheva M.A., Shaimergerenov T.T. Possible ways of Korean peninsula problem in frameworks of Conference on Interaction and Confidence-building measures in Asia	3
Marziev I.Z. Islamic factor in North Caucasus: phantom of «Islamism» reached Russia?	8
Fedoseev S.G. Contemporary military conflictology about military security: problems and prospects	16
Tussupbayeva G.A. Geopolitical factors of national security maintenance – component parameters of state policy of Republic of Kazakhstan	23

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Kulzhanova G. Some aspects of the problem of political modernization of local state government	33
Ishmukhamedov Sh.A. Ethnic aspect on the elections in Mazhilis of the Republic of Kazakhstan	40
Ualtaeva A.S. Number of oralmans in towns and urban-type communities of Eastern-Kazakhstan region (1991-2002)	45
Italmasova R.B. To the question of ecological crisis influence on social condition of population in transformation period (on example of Kyzyl-Orda region)	48

ECONOMY

Rakhmatulina G.G. Main issues and perspectives of development of transit potential of Eurasian Economic Community (EEC) member states	51
Panzabekova A.Zh. State regulation of the external loans	58
Mabiev B.N. Problems of self-financing and bank investment loans	65
Zhunisbekova L.S. The volatility problems of international flows of financial capital for Kazakhstan during their liberalization	71

THEORETICAL PAPERS

Tekenov U.A., Daurenbekova A.N. Theoretical aspects of the formation of mechanism of interaction between regions and corporation in the external economy sphere	76
Temerbekov A.A. Organized crime in the modern conditions	84
Suleimenova G.K. Administrative barriers to the development of entrepreneurship	91
Byrbaeva G.B. Political-cultural determinants of euroamerican historiography in the describing Central Asia history 1970-1980 years	98

REVIEWS

Laumulin M.T., Burghart D.L., Sabonis-Helf Th. (eds.) In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century	104
---	-----

SUMMARY

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

**Казахстан
Спектр**
2005 2

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief A. Shomanov, Acting Director of KazISS under the President of RK

Editorial Board: M. Abisheva, M. Ashimbayev, Ye. Yerzysbayev, A. Kossichenko, M. Laumulin, B. Sultanov, K. Syroyezhin, A. Shomanov

Responsible for publication D. Utashev, U. Nysanbek.
Corrector: N. Sheetalova. Design & Layout: K. Bakbergenov, A. Sadvakasov
Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (3272) 64-34-04, Fax (3272) 64-49-95, E-mail: office@kiss.kz
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 6, 1997. Registration certificate №844.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PA DOIVA, Medeu district, Almaty city. Copies 1000.

Возможные пути урегулирования проблемы Корейского полуострова в рамках инициативы СВМДА

АБИШЕВА М.А., ШАЙМЕРГЕНОВ Т.Т.

На сегодняшний день Корейский полуостров оказался втянутым в геополитическое противостояние крупных держав региона, где в одном узле переплелись интересы России, США, Китая и Японии, причем у каждой из стран имеется свое собственное видение проблемы. Исторически сложилось, что корейский народ был разьединен по идеологическому признаку более 50 лет назад, и хотя на современном этапе складываются обстоятельства для сближения двух государств единого народа, данные процессы создают трудно понимаемые конфликты интересов внешних сил.

Корейский полуостров находится в центре Северо-Восточной Азии – субрегиона, обладающего огромным потенциалом. В свою очередь, он составляет значительную часть Азиатско-Тихоокеанского региона, тем самым определяя заинтересованность очень многих малых и больших стран, по существу всего мирового сообщества, в стабильном развитии этого региона. Это, в первую очередь, зависит от политики таких держав, как США, КНР, Япония и Россия, у каждой из которых исторически сложилась своя система интересов на полуострове, различные отношения с корейскими государствами. Эти различия особенно проявляются в отношениях с Северной Кореей, спектр которых – в диапазоне от партнерства до открытой враждебности. Вместе с тем есть и нечто общее, что может объединять политику этих стран на Корейском полуострове. К общим моментам можно отнести заинтересованность в мирных отношениях между двумя странами и стабильной обстановке на Корейском полуострове и СВА, соблюдении безъядерного статуса полуострова, развитии экономического сотрудничества между странами региона как составной части глобализационных процессов.

Актуальность данного вопроса для нашего государства определяется геополитичес-

ким положением Казахстана, который граничит с Россией и Китаем, с одной стороны, и, с другой – является стратегическим партнером для внешнеполитической траектории США. Хотя у Казахстана нет прямых границ с государствами Корейского полуострова, он находится в зоне стратегических интересов государств, пытающихся повлиять на «корейскую проблему», и, в случае «взрыва» ситуации на полуострове, Казахстан будет испытывать огромное негативное влияние общей нестабильности Азиатского региона.

Казахстан заинтересован в решении проблемы Корейского полуострова мирным путем, что подтверждается в заявлениях МИД РК, и активно выступает за мирное решение всех межгосударственных конфликтов, выступив с инициативами по формированию механизма мер доверия и безопасности в Азии.

Своевременность идеи создания СВМДА определяется вопросами обеспечения безопасности континента: в Азии издавна существует проблема территориальных разногласий между отдельными государствами. Пограничные споры и конфликты представляют угрозу безопасности и стабильности на континенте, создают напряженность в межгосударственных отношениях. Другой проблемой является ситуация, сложившаяся в сфере разоружения и контроля над вооружениями. Имеющиеся недоверие государств друг к другу ведет к накоплению вооружений, включая оружие массового уничтожения.

За десять лет процесса осуществления инициативы Казахстана по созданию самой масштабной на Азиатском континенте межгосударственной структуры удалось добиться поддержки ведущих азиатских государств, включая Россию, КНР, Индию, Иран и другие.

Особенностью этого процесса является тот факт, что главным инициатором столь беспрецедентного проекта выступает не самое круп-

ное и авторитетное в мировых и даже континентальных масштабах государство, имеющее лишь десятилетнюю историю независимого существования. Некоторые наблюдатели склоняются к мнению, что данное мероприятие имело бы большие перспективы, исходя оно от региональных держав вроде России, или Китая, тем более что в новейшей истории континента уже были подобные примеры.

Стоит вспомнить концепцию нового международного политического порядка, выдвинутую КНР, предложения Индии по созданию свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Однако, принимая во внимание сложившуюся в Азии ситуацию, в нынешней роли Казахстана можно найти ряд логических преимуществ. Сам статус региональной державы предполагает стремление к расширению традиционной зоны своего влияния. Отличительной особенностью Азиатского континента является наличие спорных вопросов в самых разных сферах между рядом крупных государств (КНДР – Республика Корея, Индия – Китай и прочие).

Все предложения, исходящие от одного из них, могут рассматриваться его конкурентами сквозь призму имеющегося соперничества, а порой – и прямого противостояния. Многовекторная внешняя политика Казахстана и его невмешательство в крупные межгосударственные конфликты, сохраняющиеся в Азии, позволяют развивать процесс СВМДА в максимально перспективной плоскости. Весьма показательна в этой связи позиция Казахстана по вопросу необходимости отказа от концепции «сфер влияния», что пока является одним из основополагающих принципов нынешнего международного порядка.

Таким образом, Казахстан имеет реальные шансы стать «мостом» в решении «Корейского вопроса» посредством инициатив СВМДА, однако с учетом интересов таких держав, как США, Япония, Китай и Россия, которые имеют свое отношение к данной проблеме.

Прежде всего, рассмотрим политику США в отношении Корейского полуострова, так как они являются стратегическим партнером Республики Корея, находятся в «холодной» конфронтации с КНДР и во многом от американской политики зависит исход данного вопроса.

Корейский полуостров находится от территории США на многие тысячи километров, но занимает важное место в их геополитической стратегии, является неотъемлемым звеном в их расчетах на закреплении позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Это имеет под собой немалые основания:

отсюда исходила против США единственная за всю их историю яростная агрессия; здесь для них был основной театр военных действий во время второй мировой войны, в которой они вместе с союзниками одержали победу над главным своим противником – Японией.

Американская стратегия в регионе четко просматривается в политике сохранения Японии и Южной Кореи в качестве сильных союзников США, готовых играть по американским правилам в противодействии воссоединению Тайваня с Китаем.

В официальном докладе Конгрессу США определена формула отношений с Южной Кореей, служащих жизненным интересам обеих сторон, как «сильные, многоплановые, союзнические» [1]. Эти отношения также весьма прочны и устойчивы, как и экономическое сотрудничество сторон. Конечно, между ними возникают проблемы, в частности, связанные с присутствием американских войск и полчишкой США в отношении КНДР. Но они далеки от того, чтобы их называть противоречиями, и не колеблют тесного сотрудничества двух стран.

Не вызывает сомнения огромная заинтересованность Соединенных Штатов – и политическая, и экономическая – в стабильном развитии и процветании Южной Кореи как одной из своих опор в Северо-Восточной Азии.

В то же время в течение более полувека сохраняется открытое неприязненное отношение США к КНДР. По-видимому, причиной этому является корейская война, все еще не изгладившаяся из памяти. Северная Корея для США есть реликт противника в холодной войне с сохраняющимся тоталитарным строем, пренебрежением правами человека. И, конечно же, сказывается демонстративная, а порой и провокационная активность КНДР в области разработок оружия массового уничтожения.

Правительству США удалось внушить американскому населению, что ядерная и ракетная программа КНДР представляет реальную угрозу США. Тем более что существуют реальные факты: продолжается экспорт северокорейских ракет, в том числе Пакистану, который, в свою очередь, как полагают в Пентагоне, делится с КНДР ноу-хау по производству обогащенного урана. После 11 сентября к этому добавился пересмотр всей концепции национальной безопасности США «под углом зрения ответственности за все происходящее на Земле» и причисление Северной Кореи к «оси зла», что лишь усугубило ситуацию.

В июне 2001 года Джордж Буш публично изложил эту линию США в отношении КНДР:

невыполнение Северной Кореей «Рамочного соглашения» 1994 года и ее Соглашения с МАГАТЭ 1992 года (хотя это невыполнение, по меньшей мере, было двусторонним) стало основанием для требования всеобщей и глубокой инспекции ядерной программы КНДР на регулярной основе, а также отвода от демилитаризованной зоны тяжелой артиллерии и установок ракет малой дальности [2].

По утверждению северокорейских властей, их действия, в первую очередь, направлены на обеспечение безопасности КНДР (на самом же деле, они подвергают эту безопасность серьезному риску). Ким Чен Ир, как известно, требует от США в обмен на отказ КНДР от ракетно-ядерных программ признать ее суверенитет и заключить Договор о ненападении и неприменении силы в отношении его страны. Ответ США остается неизменным: переговоры после разоружения. По заявлению министра обороны США Д.Рамсфелда, США способны не только одержать победу в Ираке, но и быстро нанести поражение Северной Корее [3]. Действительно, пока «корейская проблема», наряду с ситуацией в Афганистане и в Ираке, составляет серьезную аргументацию в пользу развертывания новой системы ПРО и контртеррористического направления всей внешней политики США.

Конечно, если бы у США сохранялась уверенность в том, что единое корейское государство продолжало бы служить оплотом их влияния в регионе, в Вашингтоне вряд ли противились бы объединению Кореи. Но, как видно, такой уверенности нет. По мнению некоторых ученых, при дальнейшем быстром развитии Китая, Японии и самой Кореи вполне реальной станет тенденция «азиатизации» региона и вытеснения американского влияния. Об опасениях на сей счет американцев, рассматривающих корейскую проблему в значительной степени сквозь призму своих отношений с Китаем, говорят и некоторые южнокорейские общественные деятели [4].

Корейский полуостров является для США зоной стратегических, но не жизненно важных интересов. Он представляет собой гораздо более удобный плацдарм по сравнению с Японией. Причины две: во-первых, в Корее отсутствуют предпосылки для сдерживания «аппетитов» Соединенных Штатов, в то время как Япония в состоянии ограничивать их своевластие; во-вторых, полуостров, являющийся частью континента, безусловно, – лучшая база для продвижения своих интересов в СВА и в целом в АТР.

С этой позиции американцам неважно, в какой из двух Кореи они находятся. На Севере, естественно, было бы предпочтительней, ибо при закреплении американцев в непосредственной близости от Владивостока, Россия теряет возможность свободного выхода в Тихий океан.

Не стоит забывать и об американском принципе «стратегического высидения», который заключается в жертвовании подопечной страной части своего суверенитета в обмен на помощь и защиту со стороны Соединенных Штатов. А это значит, что, с точки зрения США, страна, которую защищает Америка, не должна иметь высокую обороноспособность. Она должна быть достаточной для того, чтобы это государство могло поддерживать порядок на своей территории и противодействовать серьезной агрессии некоторое время, необходимое для того, чтобы «большой брат» мог оказать свою поддержку. Южная Корея является тому достаточно четким примером.

Сближение с КНДР нужно США, дабы поддержать репутацию всеобщего миротворца и одновременно оказать давление на Сеул.

Существует, однако, и другой вариант. После объединения Кореи и исчезновения КНДР американские войска потеряют главный козырь своего присутствия на полуострове – наличие на Дальнем Востоке агрессивной и недемократической Северной Кореи, от которой США обязаны всех защищать. Их правовая база, таким образом, ослабнет, в то время как объединенная Корея получит новый стимул для проявления национальной независимости и может потребовать прекращения или заметного ослабления американского военного присутствия. Напрашивается вывод: США отчасти заинтересованы в поддержании условий существования КНДР на определенном уровне и именно поэтому не торопятся с решительными мерами в отношении этой страны.

Кроме того, американцы не имеют полного представления о внутренних резервах и возможностях этой страны. Как следствие, они предпочли ждать, пока в условиях организованной ими экономической блокады КНДР постигнет острый экономический кризис и когда страна, растратив все свои ресурсы, будет вынуждена обратиться за внешней помощью.

Воздействие на Северную Корею при помощи силы также не принесет Соединенным Штатам желаемых результатов, так как, в отличие от Ирака или операции в Косово, такие действия на полуострове будут иметь серьезные последствия. Во-первых, в геополити-

тическом смысле Балканы являются зоной интересов России, которая на текущий момент слаба, и вторжение на территорию ее интересов не даст особой реакции. КНДР же находится на территории интересов Китая, последствия реакции которого несопоставимы с российской. Во-вторых, военное давление на Югославию или Ирак является для США способом упрочения своих позиций в этом регионе, а также создания и развития своей инфраструктуры. На Корейском же полуострове позиции американцев достаточно сильны и они не нуждаются в их форсированном усилении подобными методами. Предполагается, наконец, нейтральная реакция Японии и Республики Корея, которые осознают последствия возможного крупномасштабного конфликта. Кроме того, нельзя забывать о геополитических интересах прочих сверхдержав в регионе и относительно высоком уровне боеспособности северокорейской армии.

Рассмотрев основные направления политики США на Корейском полуострове, становится ясно, что перспективы мирного сближения двух Корейских государств посредством американских инициатив представляются туманными.

В отличие от США, Россия, которая входит в состав СВМДА и занимает реалистичную позицию в отношении региона, заинтересована в объединении Корейского полуострова, однако при условии независимости Кореи от различных военных союзов. России необходим политически стабильный партнер в регионе, с которым можно поддерживать добрососедские отношения и развивать взаимовыгодное сотрудничество в интересах мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Россия заинтересована, чтобы у ее восточных границ в конечном счете появилось единое, крупное демократическое государство, играющее важную самостоятельную роль в регионе, поддерживающее с Россией партнерские отношения, тесно сотрудничающее с ней в сфере экономики и культуры, в развитии дальневосточных районов.

Российско-американское взаимодействие по корейской проблеме пока едва заметно. Дух сотрудничества и партнерства между США и Россией в поиске решений узловых проблем мировой политики создает некоторые возможности для последней выступать в качестве медиатора противоречий, существующих на Корейском полуострове и в СВА. Россия, судя по последним событиям, готова занять более ак-

тивную позицию по вопросу северокорейской ракетно-ядерной программы, которая, по мнению американцев, является основным препятствием в деле нормализации отношений между США и КНДР. Однако в этом не заинтересованы ни Вашингтон, ни Пекин, ни Токио.

Отношение Казахстана к «корейскому вопросу» не выходит за рамки его внешнеполитического курса, определенного Президентом Республики Казахстан, направленного на обеспечение стабильности, формирование добрососедских отношений со всеми государствами мира.

Данная позиция схожа с позицией руководства Республики Корея и проводимой им политикой «Мира и Процветания», которая основана на принципах мирного решения межгосударственных конфликтов, недонуждения использования ядерного оружия и других. Ее основная концепция основана на взглядах президента Республики Корея на проблему государственного развития, ставящего конечной целью создание всех условий для мирного объединения Кореи и выступающего за создание организации по поддержанию мира в Северо-Восточной Азии.

С такой задачей вполне могло бы справиться реформированное СВМДА, став важным инструментом мирного разрешения конфликтов во всем Азиатском регионе. Каким образом?

Во-первых, с учетом современной американской политики в данном регионе США явно не будут выступать в роли миротворца. Имея сильное геополитическое влияние в регионе, США не будут решать проблему Корейского полуострова, т.к. зависимы от своих внешнеполитических стратегических амбиций и стереотипов в отношении Северной Кореи. (Тем более что сейчас Соединенным Штатам необходимо справиться с огромным блоком долговременных военных проблем в Ираке.) Соответственно, урегулирование Корейской проблемы лежит «на плечах» именно азиатских государств.

Во-вторых, определенную поддержку можно ожидать от России, которая является участником СВМДА и заинтересована в мирном решении «корейского вопроса». Здесь необходимо учитывать добрососедские отношения Казахстана и России и налаживающееся сотрудничество России с КНДР. В этом смысле первоочередное значение могло бы иметь заключение нового политического договора с Пхеньяном, который, исключая автоматическое вовлечение России в возможный конфликт на стороне КНДР, одновременно

но мог бы дать северокорейскому режиму разумные политические гарантии его безопасности против, например, беспояющих его попыток силового свержения извне.

В-третьих, немаловажную роль может сыграть Япония, которая принимает участие в СВМДА в роли наблюдателя. Нужно отметить, что позиции Казахстана и Японии в вопросах региональной безопасности очень близки. На наш взгляд, в вопросе казахстанско-японских отношений на современном этапе доминирующим приоритетом становится региональная безопасность. Япония приветствовала присоединение Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), решение нашего государства уничтожить ядерное оружие на своей территории. Япония, подтверждая свою поддержку усилий Казахстана по продвижению процесса СВМДА, на самом Совещании присутствует в качестве наблюдателя.

В-четвертых, можно объединить усилия с Китаем, который также является участником СВМДА, имеет большое политико-экономическое влияние в Азиатском регионе и находится в хороших отношениях с КНДР. Китай открыто заявляет о том, что хотел бы видеть Корейский полуостров зоной, свободной от ядерного оружия. Следовательно, Китай может оказать положительное влияние на разрешение проблемы между Севером и Югом на Корейском полуострове и в обеспечении гарантий безопасности в регионе.

СВМДА следует также привлечь международные организации – такие, как ООН, ОБСЕ, к разработке стратегии мирного урегулирования. Международные организации могут сыграть свою роль в отказе от стереотипов в отношении КНДР и имиджа страны «оси зла». Диалог между Севером и Югом потребует и огромных финансовых вливаний в экономику полуострова ввиду значительной разницы в развитии двух Кореи, и международные организации смогут оказать реальную поддержку в этом направлении.

В целом возможны следующие направления деятельности Республики Казахстан и СВМДА в решении проблем на Корейском полуострове:

- ♦ обеспечение поддержки международного сообщества;
- ♦ осуществление всестороннего сотрудничества Севера и Юга с проведением практической дипломатии;
- ♦ оздоровление международного климата путем содействия нормализации отношений КНДР – США и КНДР – Япония;

♦ получение реальных гарантий соседних государств и выработка системных механизмов для обеспечения поддержания мира на полуострове.

По нашему мнению, СВМДА могло бы сыграть важную роль в осуществлении стратегических этапов реализации политики «Мира и Процветания» Республики Корея, которые заключаются в следующем:

Этап 1. Разрешение проблемы ядерного оружия Севера. Укрепление мира на полуострове.

Этап 2. Укрепление межкорейского сотрудничества. Создание условий для установления прочного мира.

Этап 3. Заключение Мирного соглашения Севера и Юга. Упрочение мира на полуострове.

Таким образом, внешнеполитическая инициатива Республики Казахстан может быть с пользой применена в обеспечении региональной безопасности, в частности, в решении так называемого «корейского вопроса» – для этого есть все предпосылки, начиная с подходов к самой проблеме и заканчивая схожестью позиций по методам ее решения. С этой позиции Казахстану необходимо активно развивать сотрудничество в рамках СВМДА, привлекая именно азиатские государства к разрешению ситуации на Корейском полуострове, так как традиционные игроки рассматривают данную проблему сквозь устаревшие стереотипы и следуют традиционным подходам (здесь необходима смена участников мирного процесса). В связи с этим актуальным становится вопрос об интенсификации сотрудничества Казахстана с государствами Корейского полуострова и их привлечении к участию в СВМДА с целью обеспечения всех условий для мирного диалога. С учетом всех аспектов сложившейся ситуации данное направление казахстанской политики открывает большие перспективы для нашей страны в деле продвижения мира в Азиатском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. National Security Strategy. President Bush. White House. Washington. September 17, 2002.
2. President Bush. Transform America's National Security Institutions to meet the Challenges and Opportunities of the Twenty-First Century. – September 20, 2002.
3. Congressional Research Service. Korea: US-South-Korean Relations. – December 6, 2001. – P. 10.
4. Sharif M. Shuja. Perspectives on US and Japan's Strategy in Korea: Interests, Ambitions and Objectives // Korea Observer. – Vol. XXVII. – No.2. – Summer 1996. – P. 207–208.

Исламский фактор на Северном Кавказе: призрак «исламизма» добрался до России?

МАРЗИЕВ И.З.

В последние десятилетия XX века весьма заметным стало влияние исламского фактора на общественно-политическую жизнь многих государств. В последнюю декаду прошлого столетия этот процесс приобрел особую остроту. Если на протяжении 40-летнего периода после второй мировой войны политологи строили свои рассуждения в рамках действовавшей биполярной системы, то в начале 90-х встал вопрос поиска новой парадигмы развития международных отношений. Поскольку напряженность по линии «Запад – Восток», казалось, сошла на нет, а противоречия, возникшие в период формирования новой глобальной системы, для своего решения требовали новых подходов, было высказано мнение, что новый фронт противостояния пройдет по линии «Север – Юг» или «Юг – Запад».

Возрастающая роль религии в политике – это тренд, не меняющийся с конца 70-х годов прошлого века, когда свершилась исламская революция в Иране. Отчасти под влиянием этой тенденции профессором С.Хантингтоном была выдвинута идея столкновения цивилизаций, вызвавшая широкий резонанс в научном сообществе. В академических кругах на Западе широкое распространение получило мнение, что новую угрозу западному блоку может представлять политический ислам. Американский вице-президент Дэн Куэйл на конференции в Вашингтоне в 1990 году перечислял ислам наравне с нацизмом и коммунизмом как вызовы, которые западная цивилизация должна рассматривать комплексно [1]. Воздействие его ощущает на себе не только более чем миллиардный мусульманский мир, но и государства регионов, граничащих со странами, население которых исповедует ислам, а также великие державы. Этот процесс, получивший название исламского возрождения или исламского ренессанса, представляет собой сложное и многогранное явление и требует внимательного изучения. Для России как страны со значи-

тельной долей мусульманского населения, страны, граничащей с Центральной Азией, проблема исследования роли исламского фактора в политике особенно актуальна.

В зависимости от позиции исследователя, от того под каким углом он смотрит на проблему, используются различные формулировки: исламская угроза, исламский экстремизм, исламский фундаментализм, исламский терроризм, обозначая, таким образом, нового пока еще формирующегося «врага» Запада. И если Джон Эспозито факт существования «исламской угрозы» ставит под сомнение, поставив вопросительный знак в конце названия своей книги [2], а Ф.Хасянов [3] заключает его в кавычки, то такие авторы, как Е.Сатановский [4], Д.Пайпс [5], А.Алексиев [6] пишут об этом явлении в изыскательном наклонении.

По моему мнению, религиозная составляющая в идеологии той или иной формы экстремизма носит квазихарактер. Восточная мудрость гласит: «Сколько ни говори халва-халва, во рту сладко не станет», но даже человек, никогда не вкушавший этого продукта, твердо знает, что халва – это нечто сладкое. Постоянное употребление словосочетания «исламский экстремизм» закрепляет в сознании людей связку «ислам – экстремизм – террор». Что касается исламского фундаментализма, то это понятие слишком широкое и многогранное, чтобы рассматривать его как единое явление. К примеру, взгляды фундаменталиста-суннита и фундаменталиста-шиита имеют в основе своей различия, не позволяющие их объединить в одну группу. Поэтому автор статьи предпочитает термин «исламский фактор» как более точную и всеобъемлющую формулировку рассматриваемого явления. Термин «исламизм» также приемлем, если подразумевается *«использование политическими группировками исламских лозунгов и элементов учения ислама как идеологической платформы, отличающих их от других общественных формирований,*

в ходе борьбы за власть со своими политическими противниками» [7]. Маргарет Тэтчер даже назвала исламизм «новым большевизмом» [8]. Вместе с тем все предлагаемые варианты названия рассматриваемого явления не универсальны, поскольку отсутствует единый субъект международной политики, по отношению к которому применяются вышеперечисленные формулировки. Исламские политические группировки различны по своим целям и истокам.

Особо следует отметить, что в последние годы растет число религиозных движений и политических партий, апеллирующих к исламу как к универсальной идеологии. Поэтому исламский фактор и приобрел политический оттенок. Мощным толчком для активизации исламских политических течений послужила исламская революция в Иране. Среди других причин можно выделить советское вторжение в Афганистан и крах эксперимента по построению социализма в Ираке, Сирии и Египте. И, конечно же, нельзя не упомянуть арабо-израильский конфликт, который стал своеобразной политической константой во всех уравнениях, описывающих конфликты с участием мусульман. Но есть еще одна причина, о которой я не упомянул, – это упразднение халифата Ататюрком в 1924 году. Это одна из глубочайших травм, испытанных мусульманским миром в XX веке.

В чем видят преимущества концепции исламской альтернативы ее проводники перед всеми прочими моделями общественно-экономического развития? Отчасти ответ на этот вопрос мы можем найти в знаменитом девизе «Братев-мусульман»: «Аллах – наш Бог, Пророк – наш вождь, джихад – наш путь, смерть во имя Аллаха – наше высшее стремление». Поскольку в исламе нет разделения на светское и религиозное, и шариат регламентирует все сферы деятельности социума, призыв жить по законам шариата находит широкий отклик в среде мусульман. Идея исламского возрождения преподносилась ее идеологами как альтернатива капиталистической и социалистической системам, а также всем разновидностям национализма. Более того, противоположные цели националистов и сторонников исламского государства, поскольку националисты, по утверждению второй группы, пытаются воздвигнуть барьеры между мусульманскими народами.

Попытки искусственно насадить либеральные модели в целом ряде исламских стран не привели к демократизации их политических систем. А в ряде случаев дали об-

ратный результат, когда пришедшие к власти правители тормозят проведение демократических реформ, объясняя это угрозой прихода к власти радикально настроенных исламистов. Напомню, что попытки искусственно насадить секулярные режимы в странах с мусульманским населением заканчивались неудачей в разных уголках исламского мира. Так было в Алжире и Иране, а в Турции светская форма правления обусловлена влиянием армии на политическую жизнь страны. Как уже было отмечено выше, для ислама характерно слияние духовного и светского начал, в отличие от западной демократии, игнорирующей духовные потребности человека. Провал всех попыток построить процветающее государство на основе импортированных с Запада моделей подвигнул наиболее активных индивидов исламского мира искать ответ на вызовы современности в собственной истории.

Роль ислама в политической ситуации на Северном Кавказе уже давно приковывает к себе внимание ученых, политологов, журналистов. Возможно, сказывается тот факт, что регион, пользуясь терминологией профессора С.Хантингтона, находится на линии разлома, по которой проходит фронт противостояния между цивилизациями [9].

Северный Кавказ сегодня – это регион с высоким уровнем социальных и политических противоречий, межнациональных конфликтов, причины которых кроются в экономическом и политическом неравенстве, несправедливом распределении земель, желании найти справедливое решение всех этих вопросов. Особый отпечаток на ситуацию в регионе накладывает тот факт, что отдельными деятелями предпринимаются попытки придать межнациональным конфликтам религиозную окраску.

Толчок возрождению ислама в России дала перестройка, из чисто бытовой сферы ислам начал выходить на политическую арену. Важной вехой в становлении политического ислама на Северном Кавказе стало создание в 1990 году Исламской партии возрождения (ИПВ). Среди ее основателей наибольшую известность приобрели Ахмад-кади Ахтаев и братья Кебедровы, больше известные как лидеры различных модификаций «обновленческого» ислама в Дагестане, который также называют ваххабизмом. Ваххабизм выступает как часть более широкого движения, именуемого салафизм (*от арабского ас-салаф ас-салих – праведные предки*). Перефразируя политолога И.П.Добаева, использую-

всех, включая сотрудников администрации второго президента России, учили в средней школе, убить нельзя» [17].

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Дагестанские исламистские течения изначально не имели связей с чеченскими и развивались автономно. В республике существовали внутренние причины для их возникновения, прежде всего это межэтнические трения и связанный с ними принцип разделения государственных должностей по этническому принципу. Другой причиной является кризис, который переживал «официальный» ислам в республике. В Дагестане произошло втягивание властей в конфликт между «официальным» исламом и салафитами.

Ситуация в Чечне развивалась по иному сценарию. Конфликт здесь возник между властью и политической оппозицией, которая активно начала эксплуатировать исламскую риторику. Однако нужно признать, что исламский фактор играет важную роль в чеченском конфликте. Как известно, толчок развитию национально-освободительного движения в Чечне дал популярный в конце 80-х годов прошлого века Народный фронт, поднимавший проблемы коррупции, экологии, но при этом лидеры фронта избегали националистических и исламских лозунгов. После того как номенклатурной верхушке ЧИАССР удалось «приручить» лидера оппозиции Х.Бисултанова, поставив его во главе одного из предприятий, на передний край борьбы с партократами вышли лидеры Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН). Но последним явно не доставало харизмы, чтобы привлечь людей, и тут появляется генерал Дудаев¹. В тот период, как и в последующем, Джохар Дудаев не был сторонником исламской формы правления. На встрече со студентами и преподавателями Грозненского нефтяного института во время предвыборной кампании ему был задан вопрос: «Какое государство Вы собираетесь строить в случае победы на выборах: исламское или советское»? Ответ генерала был по-военному лаконичен: «Светское»². Кстати лидером исламского движения в тот

¹ О том, как и почему генерал Д.Дудаев оказался в Грозном, высказываются разные версии: по одной из них генерала позвали лидеры ОКЧН (это можно рассматривать как инициативу «снизу»), согласно второй версии, приезд Д.Дудаева в ЧИАССР был санкционирован из Москвы (так называемая революция «сверху»).

² Стильстика вопроса и ответа передана точно, автор статьи присутствовал на описанной встрече.

период был не кто иной, как Беслан Гантамиров, возглавлявший партию «Исламский путь» [18], а затем перекрасившийся в борца за территориальную целостность Российской Федерации. А впервые с призывом восстановить «чистоту ислама» в начале 90-х выступил Адам Дениев [19], который впоследствии также стал горячим противником исламских радикалов.

Однако все призывы новоявленных псевдоисламистов «очистить» ислам от местных наслоений не нашли широкого отклика у народа. Тому было несколько причин. Во-первых, население республики еще «не созрело» для восприятия этих идей, протестный потенциал людей был ориентирован националистической оппозицией на построение независимого светского государства. Во-вторых, так называемые исламисты по сути таковыми не являлись. Спектр оппозиционных политиков Чечни в начале 90-х был широко представлен националистами, среди которых было немало ярких фигур. Оставалась незанятой одна ниша, заняв которую, можно было включиться в политические процессы в республике, — это политический ислам. В Чечне традиционно господствует суфийский ислам, наибольшее распространение получили ордена Кадирийя и Накшбандийя. В постперестроечный период суфийские ордена вышли из полунелегального существования. Как уже было отмечено выше, выходцы из горных районов Чечни, придерживавшиеся кадирийского тариката, были опорой Джохара Дудаева и националистов из ОКЧН. Лидеры накшбандийских братств выступали против отделения от России, поэтому эта паства не могла быть объектом агитации. Единственной не монополизированной ни одной из групп сферой оставалась проповедь «чистого» ислама, ето и «оседлали» чеченские псевдоисламисты. Однако политических дивидендов им это не принесло.

В основе чеченского конфликта лежит борьба центра и местных элит за политический статус республики. Становлению ислама в качестве политического фактора способствовала война в Чечне. Ввод войск в Чечню в декабре 1994 года вызвал сопротивление не только сторонников, но и противников президента Дудаева; чтобы сформировать из них единую силу, требовалась объединяющая идеология. Первая чеченская война велась Кремлем за сохранение целостности России, чеченская сторона предстала в образе борцов за создание собственного государства, основанного на светских принципах. По мере

разрастания конфликта и ожесточения сторон возрастала роль исламской составляющей в риторике сепаратистов. В интервью журналу «Тайм» Д.Дудаев утверждал, что причиной активизации исламистов является российская политика в отношении Чечни [20].

В ходе вооруженного конфликта в республику устремились боевики из мусульманских стран, многие из них оставались в Чечне и после прекращения боевых действий в 1996 году. Возглавляемые широко известным Хаттабом они стали превращаться в самостоятельную политическую силу, использующую ваххабитскую идеологию. Ислам стал играть важную роль в общественно-политической жизни республики, что было отражено в Конституции независимой Чечни. Однако процессы эти носили скорее поверхностный характер. Об этом говорит тот факт, что среди проповедников исламского пути не было ни одного авторитетного теолога. А шариатский уголовный кодекс Чечни был списан с кодекса Судана, разработанного на основе маликитского мазхаба, в то время как в Чечне и на всем восточном Северном Кавказе получил распространение шафийский мазхаб. В период между первой и второй войнами в республике резко обострились отношения между сторонниками суфизма и ваххабитами. Кульминацией этого противостояния стало вооруженное столкновение в Гудермесе летом 1998 года, после которого А.Масхадов дистанцировался от ваххабитов.

Рассматривая причины роста популярности радикальных идей в Чечне, следует указать на внешние факторы. Ни для кого не секрет, что лидеры ваххабитов в Чечне получали финансовую помощь из-за рубежа. Бывший министр МВД РФ А.Куликов утверждал, что чеченские мафиозные группировки на территории России также «отстегивают» процент от своих доходов [21], однако ни одного доказательства в подтверждение этого утверждения предъявлено не было. Аслан Масхадов обвинял опального олигарха Б.Березовского в целенаправленной деятельности по финансированию группировок, занимавшихся похищениями людей [22].

Радикальное крыло чеченских сепаратистов, возможно, имеет связи с международными террористическими организациями. Однако я не стал бы утверждать, основываясь на этих фактах, что в Чечне мы столкнулись с международным терроризмом. Придание чеченскому сопротивлению религиозной окраски стало результатом эскалации военных действий в республике. Ислам дал

движению сепаратистов идеологию, способную объединить их в единую силу для противостояния России. На основании того факта, что местный терроризм использует риторику «Аль-Каиды»³, нельзя делать вывод о связях чеченских исламистов с Бен Ладеном. Критики могут упрекнуть автора статьи в односторонности взгляда на исследуемую проблему, поэтому приведу мнение профессора М.Сэйджмена, бывшего сотрудника ЦРУ, который в 80-е годы прошлого века работал с афганскими моджахедами, а в последнее время является советником правительства США по борьбе с терроризмом. В интервью журналу «Эксперт» он заявил: «Вы видите похожие вещи и хотите, чтобы они были связаны... В таких местах, как Чечня и Палестина, есть люди, которые симпатизируют "Аль-Каиде". Но это не значит, что это одна и та же организация» [23].

С другой стороны, если войну нам объявил международный терроризм, то почему за пределами России ни один российский объект не был атакован одной из многочисленных группировок, использующих исламистскую идеологию? Захват парохода «Аврасия» не может служить опровержением вышеназванного тезиса по двум причинам: во-первых, группа, захватившая пароход, требовала начала переговоров с сепаратистами, не выдвигалось никаких требований исламистского характера; во-вторых, захват был произведен задолго до начала похода против международного терроризма.

Напротив, в Ираке к российским гражданам было проявлено уважительное отношение. И еще один аргумент в подтверждение моего предположения: каждый теракт, совершенный сепаратистами, сопровождается требованиями начать переговоры и вывести войска из республики, и никаких заявлений об объявлении войны «крестоносцам и иудеям». На мой взгляд, катализатором событий на Северном Кавказе является не внешний фактор, а наоборот, наличие в этом регионе неурегулированного конфликта способствует вовлечению сюда внешних сил.

Да и начало второй чеченской войны, как выяснилось, заслуга не одних только ваххабитов. По признанию Сергея Степашина «План активных действий в этой республике разрабатывался, начиная с марта... это про-

³ В данном случае название «Аль-Каида» используется не для обозначения глобальной международной организации, а как олицетворение образа «врага цивилизованного мира».

изошло бы, даже если бы не было взрывов в Москве» [24]. Провокационный поход дагестанских и чеченских ваххабитов на Дагестан во главе с Басаевым и Хаттабом послужил катализатором, ускорившим начало второй войны в Чечне.

Очагом салафизма на Северном Кавказе был Дагестан, где он стал распространяться стремительными темпами. Во второй половине 90-х руководство республики перестало играть на противоречиях между оппозиционерами от религии и представителями официального ислама и окончательно приняло сторону ДУМД. Настроенные на диалог с властями салафиты, таким образом, были вычеркнуты из политического процесса. В этот период начинается переселение дагестанских радикалов в соседнюю Чечню, где ваххабизм носил исключительно военный характер. В отличие от дагестанских салафитов, среди лидеров чеченских ваххабитов не было людей, имевших духовное образование. Так, братья Кебедровы и Ахмад Ахтаев еще в 70-е годы преподавали в нелегальных медресе [25]. Чеченские же ваххабиты были в первую очередь ориентированы на политику, а отдельные деятели использовали эту идеологию для оправдания своей откровенно криминальной деятельности. Основным их занятием были похищения людей, особенно отличились на этом поприще братья Ахмадовы и А. Бараев.

Итак, в Москве приняли решение покончить с «очагом терроризма и сепаратизма» на Северном Кавказе. После того, как стало очевидно, что война в очередной уже раз затягивается, была предложена политика «чеченизации», смысл которой заключается в формировании прокремлевских институтов власти в республике и постепенной передачи им рычагов управления; все это должно было проходить при одновременном уничтожении отрядов сопротивления. Проблема, однако, заключается в том, что процесс урегулирования конфликта остается в тени. В результате мы наблюдаем, как границы конфликта расширяются, распространяясь на соседние республики.

Тревожная ситуация складывается в Кабардино-Балкарии. На основании того, что ту или иную мечеть посещают личности, вызывающие подозрение у правоохранительных органов, власти объявляют мечеть ваххабитской и затем закрывают ее [26]. А в последнее время установили единый день и час молитвы, когда мечеть может быть открыта [27]. Не имея местной прописки, вы не сможете со-

вершить намаз в мечети, за этим бдительно следят представители правоохранительных органов. Власти республики закрыли большинство мечетей, загоняя ислам в подполье. В столице республики Нальчике действует только одна соборная мечеть [28]. Получивший в последнее время широкую известность джамаат «Ярмук», образно выражаясь, является лишь видимой частью проблемы. Мусульманская община республики расколота на две группы, одну из которых возглавляет ДУМ, лидером второй группы является Муса Мукожев, изучавший ислам в Саудовской Аравии и Иордании. Заместитель Председателя ДУМ КБР Хазратали Дзасешев причины раскола связывает «не столько с ваххабизмом, сколько с конфликтом поколений» [29]. В начале 90-х группа молодых людей из республики отправилась изучать ислам в арабские страны. После их возвращения между старшим поколением имамов и молодой порослью возник конфликт. Молодежь обвиняла мулл, не владевших арабским языком, в искажении смысла и неправильном трактовании исламских источников.

По-моему, есть еще одна причина – это политика властей в отношении религии. После обстрела в 1998 году здания МВД республики вместо поиска настоящих преступников были задержаны более ста человек, которых подвергли избиениям, некоторым насильно обстригли бороды [30]. Никто не оспаривает того факта, что правоохранительные органы должны проводить работу по борьбе с экстремизмом и его профилактике, не понятно только, на основании какого критерия производится отбор кандидатов для оперативной разработки. В список религиозных экстремистов попал даже бывший соратник А. Лебедева Руслан Нахушев, который по собственному признанию не посещает мечеть и употребляет алкогольные напитки [31]. В русле проводимой политики по борьбе с религиозным экстремизмом на съезде мусульман республики, прошедшем в апреле 2004 года, в устав ДУМ были внесены изменения, теперь все имамы мечетей должны назначаться муфтием республики – местный вариант попытки построения «вертикали веры». Это решение дало право руководству ДУМ отстранять неудобных имамов мечетей. Таким образом, в одну группу были объединены радикалы и критически настроенные по отношению к ДУМ религиозные деятели. Результатом подобного нежелания проводить различие между экстремистами и умеренными станет расширение социальной базы радикалов.

В Ингушетии проблема противостояния между «традиционалистами» и салафитами стояла не так остро, как в Дагестане и Чечне. Отчасти этому способствовала взвешенная политика властей республики. В декабре 1997 года в Ингушетии был принят Закон о «мировых» судах, предписывавший им руководствоваться в своей деятельности нормами адата и шариата [32], успешно действовала примирительная комиссия. Однако текущая ситуация в республике сохраняет высокую степень напряженности, сказывается не только территориальная и этноконфессиональная близость к Чечне, но и внутренние проблемы. По официальным данным, уровень безработицы в республике составляет 32,4% [33]. В условиях малоземелья, высокой плотности населения и жесткой конкуренции на рынке труда уровень жизни людей продолжает свое движение вниз. Наконец, неурегулированный конфликт с Северной Осетией усугубляет и без того непростую ситуацию в республике.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что политический ислам, начав свое развитие на Кавказе с возрожденческих течений, постепенно перешел на более активные позиции. Этот процесс протекал на фоне все более углубляющегося кризиса вокруг Чечни. После неудачного опыта полусамостоятельного существования Чечни во второй половине 90-х сепаратистские настроения на Северном Кавказе пошли на спад. Исламистские же идеи, напротив, приобретали все большее количество сторонников, одна из причин этого, на мой взгляд, крылась в провале попытки построения светского государства в Чечне. Сегодня идея достижения независимости, тем более какой-либо формы автономии в составе России, для исламистов утратила свою актуальность. Их цель – построение государства от Каспия до Черного моря, основным законом которого должен стать шариат.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Abdus Sattar Ghazali. Islam in the Post-Cold War Era // <http://www.ghazali.net>.
2. Esposito, J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality? – N.Y.: Oxford University Press, 1992.
3. Хасянов Ф.Ж. «Исламская угроза» Западу и меры по ее предотвращению / Исламизм и экстремизм на Ближ-

4. Сатановский Е. Глобализация исламского терроризма // Еврейские новости. – 10 марта 2004 года; Сатановский Е. Компромиссы бессмысленны // Россия в глобальной политике. Т. 2. – 2004. – №5. – С. 18–26.
5. Пайпс Д. // www.DanielPipes.org.
6. Алексеев А. «Таблиги-джамаат»: невидимый легион джихада // Отечественные записки. – 2003. – №5 // <http://www.strana-oz.ru>.
7. Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России. Научный отчет Российского института стратегических исследований / Под общ. ред. Е.М.Кожокина. – М., 1995. – С. 13.
8. Малашенко А. Ислам: последнее предупреждение Западу // Pro et contra. Т. 8. – 2004. – №3. – С. 88.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – №1. – С. 42.
10. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ / Отв. ред. А.В.Малашенко. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – С. 32.
11. Степанов А. Исламская угроза: миф или реальность? // Труд. – 2 октября 2002 года.
12. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Под ред. А.Малашенко, М.Б.Опкотт. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. – С. 209.
13. Ислам и исламизм на Юге России. Под общ. ред. Ю.Г.Волкова. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. – С. 78–79.
14. Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане. Дисс. к. п. н. – М., 2002. – С. 197.
15. Казенин К. От «тариката» до «джамаата» // Время новостей. – 9 января 2003 года.
16. Ханбабаев К.М. Ваххабизм в Дагестане / Ислам и политика на Северном Кавказе. Сб. научных статей. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2001. – С. 46.
17. Малашенко А. Ошибка аналитиков. О предсказуемости кавказского ислама. // Независимая газета. – 18 мая 2000 года.
18. Дерлугьян Г. Чеченская революция и чеченская история // <http://www.sakharov-center.ru>.
19. Ислам и исламизм на юге России. – С. 106.
20. Zarakovich Y. Terms of War and Peace // Time. – March 4, 1996. – P. 19.
21. Шерматова С. Так называемые ваххабиты // <http://www.sakharov-center.ru>.
22. Там же.
23. Чернов М. Марк Сэйджмен: ударить мечом по террору // Эксперт. – 2004. – №38 // <http://www.archipelag.ru>.
24. Правосудов С. Блока ОВР вообще могло не быть // Независимая Газета. – 14 января 2000 года.
25. Ислам на постсоветском пространстве... – С. 82.
26. Петров А. Неосмотрительные действия властей провоцируют радикалов // ИГ Религии. – 1 декабря 2004 года.
27. Ярлыкапов А. Ваххабиты поневоле // <http://www.islam.ru>.
28. Фатуллаев М. «Наведение мостов» с помощью бэтэров // Независимая Газета. – 2 февраля 2005 года.
29. Хассель Ф. Зона террора расширяется // <http://www.inopressa.ru>.
30. Оразаева Л. Кабардино-Балкария: некоторые проблемы в исламе // <http://kavkaz.memo.ru>.
31. Хассель Ф. Зона террора расширяется.
32. Ислам на постсоветском пространстве... – С. 83.
33. Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001. – С. 6.

Современная военная конфликтология о военной безопасности: проблемы и перспективы

ФЕДОСЕЕВ С.Г.

На протяжении всего XX века в мировой военной науке доминировало определение войны, данное в свое время широко известным военным мыслителем К.Клаузевицем, как общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами. Со ссылкой на В.И.Ленина говорилось, что «именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, рассматривавших каждую войну как продолжение политики данных заинтересованных держав – в разных классах внутри их – в данное время» [1]. При этом в философском аспекте такие категории, как «война» и «вооруженный конфликт», не различались.

Соответственно вооруженный конфликт, как и война, представлялся в виде динамичной картины военных действий противостоящих сторон, которые, исходя из своих политических и стратегических целей, экономических и военных возможностей, а также взглядов на военное искусство, ведут вооруженную борьбу, используя различные способы и формы применения вооруженного насилия.

Однако, как отмечал известный русский военный теоретик А.А.Свечин, «одинаковых войн не бывает, каждая война – частный случай, требующий установления особой логики, особой линии стратегического поведения, а не приложения какого-то шаблона» [2]. В конце XX века, когда, кроме вооруженных конфликтов, шедших под вышеуказанные представления, произошёл целый ряд вооруженных столкновений, характер которых плохо согласовывался с устоявшимися взглядами, эта истина в очередной раз подтвердилась.

Начался очередной поиск причин и механизмов возникновения таких «нестандартных» вооруженных конфликтов, который привел к настоящему ренессансу старых науч-

ных школ. Так, их причины стали находить в биологических особенностях человека (инстинкт драчливости или, согласно З.Фрейду, врожденный инстинкт агрессии), либо в культурных факторах (особенности воспитания, этноцентризм, двойные моральные стандарты в системе «свой – чужой» и другие), а сам вооруженный конфликт стал рассматриваться как явление, стоящее в одном ряду с эволюционными изменениями и экологическими катастрофами [3]. К причинам, вызывающим вооруженные конфликты, стали относить случайности и неуправляемое развитие событий, а также иррациональную деятельность групп лиц, в первую очередь политических лидеров, которые при принятии жизненно важных для своей страны решений руководствуются «своим личным выбором» [4]. Вооруженные конфликты рассматривались и исходя из утверждения, что любой жизнеспособный социальный институт должен выполнять определенные важные функции, в числе которых война представляет собой инструмент сохранения гомеостаза и обеспечения экономического, демографического, карательного (восстановление социального порядка), психологического и прочих балансов [5]. При этом считалось, что государство «живет» по объективным законам развития, среди которых особо выделялось стремление к занятию некоего оптимального положения, которое способствовало бы обеспечению длительного его существования [6].

При таких подходах любая война должна рассматриваться как вооруженный конфликт, одновременно не всякий вооруженный конфликт может быть соотнесен с войной. Более того, одно и то же вооруженное столкновение каждой из противостоящих сторон может классифицироваться совершенно по-разному. Так, для малой, слабой в военном и экономическом отношении, страны даже ло-

кальный вооруженный инцидент становится полномасштабной войной, в то время как другая страна, обладающая развитой оборонной промышленностью и мощными вооруженными силами, оценивает это же событие как не заслуживающее особого внимания.

Таким образом, отличия вооруженного конфликта от войны стали связываться, главным образом, с оценкой этого события со стороны вовлеченной в него общественности. Если вооруженная борьба затрагивает безопасность каждой личности, всех слоев общества и государства, определяет все сферы их жизнедеятельности, становится главным, решающим средством (способом) достижения основных социальных и политических целей, то в этом случае речь идет о войне. Если же военный фактор затрагивает только часть общества, а достижение основных целей, не вовлеченных в столкновение социальных групп, осуществляется в других формах борьбы (идеологическая, дипломатическая, психологическая, экономическая, политическая и так далее), то предпочитают говорить о вооруженном конфликте. Соответственно если в ходе войны предполагается перестройка всей общественно-политической жизни общества, то для условий вооруженного конфликта такой глубокой перестройки в деятельности государственных и общественных структур не предполагается.

Очевидно, что в реальной жизни, исходя из такого подхода, очень сложно провести грань между войной и вооруженным конфликтом. Причем такая некорректность ведет к тому, что формы и способы ведения вооруженных конфликтов начинают копировать с «большой» войны, но только в уменьшенных масштабах. Однако в конце XX века характер вооруженных конфликтов, особенно внутренних, стал все менее походить на такую уменьшенную копию войны. Следовательно, практика военного строительства нуждается в более четкой идентификации современных войн и вооруженных конфликтов, для чего необходимо рассматривать их как своего рода процесс, имеющий определенные стадии возникновения, созревания, реализации и трансформации.

Исходя из самого определения «конфликт», в основе вооруженного конфликта должны лежать некие объективные противоречия, приобретшие глубокий антагонистический характер, когда вооруженное насилие воспринимается как приемлемый способ достижения намеченных целей, а группы, участвующие в нем, убеждены в достаточности у них

для этого сил. Поэтому большую теоретическую важность представляет рассмотрение факторов и условий, в результате которых те или иные группы, ощущающие социальный дискомфорт, начинают осознавать необходимость конфронтационных действий и организуются для них. Только на основе выявления этих факторов и условий может быть разработана методология определения вероятности, остроты и пространственно-временных параметров гипотетического вооруженного конфликта будущего, что, в свою очередь, необходимо для выработки научно обоснованных рекомендаций по военному строительству.

Статистика показывает, что во второй половине XX века на нашей планете было зафиксировано более 400 всевозможных вооруженных столкновений, которые не достигли масштабов закончившейся в 1945 году второй мировой войны и поэтому обычно рассматриваются в терминах «локальная война» и «вооруженный конфликт». Причем их среднегодовое количество имеет тенденцию к постоянному росту. Так, за период с 1990 года по 2000 год среднестатистическое число вооруженных конфликтов возросло по сравнению с периодом 1945–1990 годов почти в пять раз [7], причем в последнее десятилетие XX века происходило уже порядка двадцати-тридцати учитываемых (в результате военных действий погибало не менее тысячи человек) вооруженных столкновений ежегодно [8].

Все крупные вооруженные столкновения второй половины XX века характеризуются тенденцией к наращиванию качественных и количественных показателей задействованных в них средств вооруженной борьбы. Например, в ходе корейской войны вооруженные силы США и Южной Кореи насчитывали более одного миллиона человек, около 1 тыс. танков, 1,6 тыс. самолетов и свыше 200 боевых кораблей 7-го флота США. Во Вьетнаме в 1968 году американо-сайгонские войска насчитывали 1,4 млн человек, свыше 4,5 тыс. орудий, 500 танков, 4,1 тыс. самолетов и вертолетов. В четвертой арабо-израильской войне (1973 год) с обеих сторон участвовало 1,7 млн человек, свыше 6 тыс. танков, 1,8 тыс. боевых самолетов. К концу ирано-иракской войны (1988 год) на линии фронта находилось 1,5 млн человек, свыше 5 тыс. танков и БТР, почти 4 тыс. орудий, несколько сот самолетов. В войне в Персидском заливе (1991 год) с обеих сторон было задействовано 1,5 млн солдат и офицеров, 10 440 танков, 12 300 артиллерийских систем, около 3 тыс. боевых самолё-

тов и 2 тыс. боевых вертолетов, более 200 военных кораблей [9]. Причем всегда существовала еще и угроза возможности применения оружия массового поражения.

Такие масштабы применения военной силы потребовали колоссальных финансовых затрат: три года войны в Корее обошлись США в 20 млрд долларов; расходы на войну во Вьетнаме достигли 146 млрд долларов; экономический ущерб от ирано-иракской войны составил 500 млрд долларов.

Огромны и понесенные в таких локальных войнах и вооруженных конфликтах людские потери. Так, например, в корейской войне (втянувшей в свою орбиту 21 государство, в том числе 18 – под флагом ООН) КНДР потеряла 2,5 млн человек (в том числе 500 тыс. военнослужащих), Китай – 1 млн военнослужащих, Республика Корея – 1,47 млн человек, США – 54 046 военнослужащих, Великобритания – 686 человек, другие страны – 2508 человек [10].

Одновременно, наряду со столь масштабными межгосударственными вооруженными столкновениями, окончание XX века ознаменовалось ростом числа вооруженных конфликтов совсем иного рода, что связывается в первую очередь с проблемой националистического сепаратизма, ведущей к появлению пусть и непризнанных, но *de facto* существующих государств.

Наибольшее распространение в понимании причин вооруженных конфликтов получил подход, основанный на анализе противоречий, ведущих к разобщению человеческого сообщества «по различным осям социальных координат». Такое разобщение на протяжении веков связывалось с неравномерностью экономического развития, фрагментацией мироустройства по распространяемым мировым религиям, процессами колонизации и ассимиляции народов, возникновением этнических конгломератов. Однако в начале XX века развитие мирового капитализма на базе европейской цивилизации привело к интеграционным процессам. В этих условиях конфликтогенные факторы стали связывать в первую очередь с ресурсным обеспечением экономического развития. Активизации такого подхода способствовало обострение ряда мировых мегатенденций, связанных с тем, что на послевоенный период пришелся как бурный рост численности населения на планете (1900 год – 1,6 млрд человек, 1990 год – 5 млрд человек, 2000 год – 6,5 млрд человек, прогноз на 2020 год – 8 млрд человек), так и неконтролируемая интенсификация его производ-

ственной деятельности (за последнюю четверть века «переработано» сырья больше, чем за всю предшествующую историю). Однако, несмотря на то, что с момента образования Римского клуба и появления в 1972 году его первого доклада «Пределы роста» не было недостатка в самых мрачных прогнозах «конца мира» в виде экологического коллапса, энергетического и сырьевого кризиса, фатальной экономической депрессии, мир и в конце XX века продолжал развиваться поступательно и динамично.

В то же время в мире проявился целый ряд новых мегатенденций, которые породили (или обострили не замечавшиеся ранее) противоречия, порождающие вооруженные конфликты.

Во-первых, не подтвердились оптимистические прогнозы о том, что в процессе своего развития человечество уверенно идет к единой планетарной цивилизации с общим языком, единой экономической системой и переходом к некоей монорелигии. Так, например, не оправдываются ожидания относительно того, что английский язык станет общепризнанным языком межнационального общения (в 1913 году на этом языке говорило около 9,8% населения Земли, а в 2000 году – менее 7,6, при этом доля населения Земли, говорящего на китайских диалектах, составила 18,8%) [11]. На протяжении всего XX века соотношение между христианами, буддистами, атеистами (примерно по 20%) и мусульманами (25%) практически не менялось. На сегодняшний день процессы глобализации экономики наиболее интенсивно и органично протекают только в ареале высокоразвитых государств (где проживает порядка 15% населения Земли), сколько-нибудь существенно вовлекая в свою орбиту лишь единичные развивающиеся страны. При этом на финансовых рынках возникла, благодаря взрывному развитию коммуникационных технологий, ситуация, определяемая термином «кредитный взрыв» (*credit explosion*): всемирный объем торговли безналичной валютой, составляющий 1,2 трлн долларов в день [12], более чем в десять раз превышает потребности финансирования торговли. Номинальный объем деривативных сделок, составлявший в конце 1985 года 16 млрд долларов, вырос к концу века до невообразимой суммы в более чем 60 трлн долларов. В то же время валютные резервы всех национальных банков мира, которые можно было бы использовать в целях стабилизации, исчислялись цифрой всего лишь в 1,4 трлн долларов.

Эти данные наглядно показывают, что процесс глобализации привел не к мировой интеграции, а к появлению «глобальных игроков», которые вполне могут помериться силами с отдельными государствами. Одновременно складывающееся в результате глобализации экономики транснациональное государство, заметно снижая возможности государственного управления и регулирования, приводит к тому, что принятие многих важных решений контролируется не столько политическими, сколько экономическими институтами. Параллельно протекает процесс фактической денационализации экономики.

Во-вторых, сохраняется разделение человечества по культурно-этническому (культурологическому) и конфессиональному векторам. Культурологическое разделение попытался теоретически осмыслить профессор Гарвардского университета С.Хантингтон в своей нашедшей работе «Столкновение цивилизаций» [13], где причины вооруженных конфликтов выводятся из наличия так называемых «культурных разломов». При этом Хантингтон подчеркивает, что центральной осью будущего мирового конфликта может стать не столкновение отдельных цивилизационных общностей, а тотальное противостояние западной цивилизации всем остальным цивилизациям (так называемая концепция «Запад против всех» – «*The West against the Rest*»).

В основе конфессионального вектора разделения человечества лежат соображения о том, что весь строй современной жизни входит в явное противоречие со старым представлением о правильном мироустройстве, одними из выразителей которых выступают различные религиозные конфессии. Они активно подключились к проблеме осмысления складывающегося мироустройства. Вопрос, однако, заключается в том, что различные религии очень уж по-разному смотрят на это самое мироустройство.

В-третьих, современные мировые демографические тенденции указывают (помимо беспрецедентно быстрого роста численности населения Земного шара) на быстрое уменьшение относительной величины населения в «индустриально развитых государствах». По прогнозам демографов, к 2025 году ни одно из этих государств не будет числиться в списке пяти наиболее населенных стран мира и только две (США и Япония) – в списке из двадцати таких стран, причем в этот список не войдет даже объединенная Германия. По оценкам ООН, к 2025 году численность

населения США будет чуть ниже, чем в Нигерии, Иран сравняется с Японией, число жителей Эфиопии в два раза превысит число жителей Франции, а Канада пропустит вперед Мадагаскар, Непал и Сирию. Доля населения всех развитых стран Запада в общем населении Земного шара упадет с 1/5 в 1950 году до 1/10 в 2025 году и не будет превышать численность населения одной такой страны, как Индия. Неблагоприятна для развитых стран и динамика наращивания демографического потенциала, что видно, например, при сравнении такого показателя, как число лет, необходимое для удвоения населения. Таким образом, следует отдавать отчет в том, что нынешние крупные державы, за исключением Китая и Индии, автоматически превратятся в «средние» (а то и в «малые») страны со всеми вытекающими отсюда последствиями: их претензии на доминирование в мире или на роль полноценных региональных лидеров будут подвергнуты сомнению.

В-четвертых, усилилась борьба за рабочие места в глобальном масштабе. В настоящее время в мире насчитывается 800 млн полностью или частично безработных, причем их количество каждый год увеличивается на несколько миллионов человек. Специалисты в области мировой экономики отмечают здесь две принципиально новые тенденции. Со времен индустриальной революции впервые появляются массовые технологии [в первую очередь – информационно-компьютерные технологии (ИКТ) и биотехнологии], которые ликвидируют больше рабочих мест, чем создают. Одновременно наблюдается космополитизация труда, то есть перенос рабочих мест в страны с более дешевой рабочей силой. В результате если раньше основные потоки миграции шли в направлении из развитого мира в слабо освоенные регионы, то теперь они идут в обратном направлении. На сегодня за пределами стран, где они родились, но с которой сохраняется этническая идентичность, уже находится свыше 100 млн человек, что вызывает как так называемую «демографическую агрессию», так и «оборонительный расизм».

Наблюдается взрывообразный рост урбанизации. В конце прошлого столетия лишь 5% населения Земли жили в городах, в конце же XX века горожанами были уже порядка 45%. Ожидается, что к 2025 году эта цифра возрастет до 61%. Городская жизнь приводит к разрушению традиционных семейных и родовых связей, к падению уровня социальной защищенности. Учитывая тот факт, что судьба го-

рода все в большей степени определяет судьбу наций и регионов, эта проблема может приобрести глобальный характер.

В-пятых, на пороге XXI века налицо не просто рост народонаселения, а его качественное изменение как субъекта политических процессов. Важнейшими составными частями и одновременно катализаторами процесса перехода количества в качество стали специфические формы массовой культуры, стандарты духовной жизни, связанные с возникновением и функционированием в обществе принципиально новых видов массовой информации. В частности, многие исследователи указывают на роль телевидения, которое дает не осмысленное восприятие, а импульсное реагирование, в результате чего создается стереотип хаотического поведения, свойственного участникам массовых беспорядков и стихийных политических акций [14]. Социологи отмечают и такой феномен, как «революция притязаний», связанный с развитием массового досуга, обеспеченного к тому же современными техническими средствами его заполнения. Досуг стал не просто временем, свободным от работы, но и самоцелью. Причем если ранее досуг был доступен достаточно узкому кругу состоятельных людей, то теперь он стал доступен практически всем. При этом такой доступ к досугу сформировал стремление людей к символическому участию в важнейших политических процессах.

Научный анализ рассмотренных выше основных мегатенденций требует определенной систематизации противоречий, определяющих процесс развития человечества. Поэтому в прикладной политологии эти противоречия стали классифицировать по трем основным типам политических конфликтов: интересов, ценностей и идентификации [15].

Конфликты интересов связаны в первую очередь с экономическим неравенством. Так, например, в социально-экономическом аспекте английские философы на рубеже XVI–XVII веков видели основные человеческие мотивации. Все остальные, вплоть до высших духовных запросов, относились к числу средств, которые человек использует для обеспечения своего экономического благополучия. Марксистская теория развития общества также исходит из первичности материального производства, что же касается морали, культуры, религии, то «у них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой сво-

ей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» [16]. Политику марксизм также относит к области «надстройки», отражающей и обслуживающей экономико-производственный базис.

Применительно к современным условиям, например в «Концепции национальной безопасности» США 1994 года, на официальном уровне было введено положение о том, что способность США успешно осуществлять экономическое доминирование и поддерживать высокую конкурентоспособность своей экономики имеет наивысший приоритет в обеспечении их национальной безопасности. При этом концепция явилась в определенной мере современной интерпретацией так называемой «манчестерской теории» безопасности, которая имела хождение в середине XIX века, утверждавшей, что мир в действительности – это всего лишь «рынок», для которого важно «свободное движение товаров и идей». Если подобный процесс обеспечен, то автоматически происходит «улучшение нравов» людей, исчезновение «предрасудков» в отношениях между нациями, что само собой ведет к установлению долгого мира и согласия.

Однако история учит как раз обратному. Большинство крупных военных столкновений второй половины XIX и всего XX века имело место именно в период значительного экономического роста стран-участниц этих столкновений.

Кроме того, главным результатом реализации современных экономических моделей, рекламируемых как универсальные, является дальнейшее обогащение богатых и обнищание бедных. Причем если число первых уменьшается, то число вторых увеличивается. Так, по данным американских исследователей, если всего тридцать лет назад совокупный доход 20% наиболее богатой части населения Земного шара превышал совокупный доход 20% беднейших слоев населения в 30 раз, то к концу XX века этот разрыв достиг социально опасной черты – превышение составило 60 раз. При этом концентрация богатства происходит за счет относительной люмпенизации «среднего класса» [17].

Экономисты отмечают фундаментальные факторы, приведшие к обострению экономических противоречий на уровне политических неформальных всегосударственных структур [18]. Прежде всего, это структурные и политические искажения в экономиках различных регионов, в результате которых на макроэкономическом уровне финансовые

системы «бедного Юга» оказались чрезмерно зависимыми от «богатого Севера».

Мировой и региональный рынки в определенной мере контролируются такими мощными американскими и западноевропейскими олигополистическими структурами, как транснациональные корпорации и финансовые империи. Одновременно в результате экономических интеграционных процессов американские и западноевропейские транснациональные корпорации и финансовые империи сами начинают «растворяться» в других региональных структурах, приобретающих черты самодостаточных экономических конгломератов. Например, Азиатско-Тихоокеанский регион, включающий США, Японию, Китай, а также более двух десятков развивающихся азиатских государств, уже аккумулирует, по данным МВФ, более половины мирового ВВП, около половины оборота внешней торговли и не менее 60% общемирового инвестиционного потенциала.

Жизненный уровень стран и народов различных регионов продолжает разительно отличаться. Так, например, если на охрану здоровья 250 млн американцев ежегодно затрачивается около 800 млрд долларов, то на 4,1 млрд жителей бедных стран – лишь 170 млрд долларов. Подавляющая часть бедняков, не имея ни участка земли, необходимого для обеспечения семьи, ни доступа к кредиту, ни возможности получить адекватно оплачиваемую работу, вынуждена во все возрастающем масштабе использовать свой единственный ресурс – физическую силу, тогда как в США свыше 25 млн акров занято газонами и лужайками, на поливку которых расходуется больше половины потребляемой в мире пресной воды [19].

Конфликты ценностей связываются с сохраняющимися культурными и конфессиональными различиями. Совместное их проявление с конфликтами интересов привело к тому, что мир все более разделяется на два полюса, которые на Западе определяются как противоборство «христианской англосаксонской цивилизации богатого Севера» и «афроазиатской мусульманской цивилизации бедного Юга». Этот процесс наблюдается не только на уровне «полюсов», но и в регионах, и даже в отдельных государствах.

Одновременно конфликты ценностей связываются и с все более явственно проступающим верховенством США в международных делах как единственной (после развала СССР) сверхдержавы. В результате, как полагают в Соединенных Штатах, Америка заняла

доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями; в области экономики, где ее доля в общем объеме мирового промышленного производства составляет более 30%, Америка является основной движущей силой мирового развития; в технологическом отношении имеет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется беспрецедентной привлекательностью. И хотя в США все еще продолжается теоретический диспут о том, отвечает ли интересам самих Соединенных Штатов их мировое лидерство, на практике укрепляются позиции тех политиков, которые процесс глобализации рассматривают как выполнение Америкой трех обязанностей типичной имперской геостратегии: постоянное расширение своего влияния на вассалов, создание системы зависимости безопасности этих вассалов от безопасности метрополии и недопущение объединения варваров [20].

Однако одновременно укрепляются позиции тех стран, которые, с одной стороны, считают, что, перефразируя известную формулу Роберта Браунинга, «возможности Америки достигаются до чего-либо не должны автоматически давать им возможность это что-то схватить», а с другой – обеспокоены наличием нестабильных регионов. Поэтому возникают альтернативные США геополитические центры, где лидерами являются государства, авторитет которых вытекает не столько из сопоставимости их экономических и военных возможностей с США, сколько из важности местоположения в регионе. Так, например, в Западной Европе такими ключевыми державами являются Франция и Германия, в Евразии – Россия, а на Дальнем Востоке – Китай и Япония.

Еще одним знаковым явлением конфликтов ценностей стала утрата властными структурами многих государств способности удовлетворительно решать проблемы, стоящие перед их согражданами. Даже в стабильной и относительно благополучной Европе всегда существовало такое опасное явление, как стремление определенной части населения самоопределиваться. Причины для подобных настроений могут быть самыми различными – от радикализма относительно малочисленных непримиримых фундаменталистских религиозных групп до неудовлетворенности большей части населения моральными каче-

ствами общественных слуг. Важно только, что «язвы общества» бросают вызов общественной гармонии.

Конфликты идентификации наиболее ярко проявляются в таком явлении, как националистический сепаратизм, активизация которого способствует наблюдающийся кризис Вестфальской системы международных отношений, признавшей в 1648 году государство верховной властью в сфере его территориальной юрисдикции, а все страны – равными друг другу.

По мнению видного представителя либеральной школы в американской политической науке Стэнли Хоффманна, традиционная система суверенных государств подвергается ревизии как «снизу», так и «сверху». Пересмотр «снизу» связывается с увеличением числа стран, где органы государственной власти не могут в полной мере противостоять сепаратистским движениям. Пересмотр «сверху» объясняется тем, что часть функций суверенитета переходит к возникшему негосударственному и интернациональному механизму экономического регулирования. Так, например, создание наднационального Европейского союза имеет следствием для стран-членов очевидное «размывание» их государственного суверенитета и самого государства как политико-правовой сущности. Европа, являвшаяся до недавнего времени оплотом традиций национальной государственности, ныне представляет собой яркий, но не единственный пример этого нового явления. Мировые политическая и экономическая системы в условиях развития процесса глобализации оставляют отдельным государствам все меньше места для самостоятельности, то есть для суверенитета. Одновременно перераспределение государственных функций происходит и на уровне более мелких административно-территориальных единиц самих государств.

Ранее традиционными субъектами политики были правящие элиты и все взаимоотношения в системе международных отношений сводились к взаимоотношениям между ними. При этом правящие элиты олицетворяли и национально-государственную безопасность, и фактор внешней военной угрозы. Соответственно и вооруженная борьба в конфликтах была ориентирована на правящие элиты (не требует, например, доказательств то, что во время второй мировой войны восстали не против немецкого народа, а против фашистского режима). Однако в настоящее время субъектами политики стали выступать

общественные образования, в которых отсутствуют традиционные, узаконенные с позиций международного права политические элиты. Одновременно и легитимные правящие элиты управляют политическими процессами только в стабильной системе. Во времена же кризисов и переходных периодов, когда перемены в общественном сознании рядовых граждан приобретают характер тектонических сдвигов, ситуация кардинально меняется и все начинает решаться внизу.

В результате появились новые категории государств, которые, согласно Хоффманну, определяются как: во-первых, «несостоявшиеся» (failed) государства, в которых не функционирует никакая бы то ни была центральная власть; во-вторых, «кризисные» (troubled) государства, где органы центральной власти долгое время не могут установить хотя бы номинальный контроль над значительной частью своей территории.

В этой связи если говорить о самых общих тенденциях развития международной ситуации в контексте военной конфликтологии, то здесь научная мысль уже пришла к нескольким, как представляется, бесспорным видам.

Во-первых, вооруженные конфликты в начале XXI века могут иметь место в самых различных регионах Земного шара. При этом следует ожидать увеличения частоты их возникновения и снижения их предсказуемости.

Во-вторых, наиболее вероятно, что в вооруженные конфликты ближайшего будущего будут вовлечены в первую очередь иррегулярные, но высоко мотивированные вооруженные формирования. При этом в настоящее время в мире вряд ли можно найти какие-либо национальные вооруженные силы, которые были бы должным образом организованы и вооружены для эффективного противостояния подобным формированиям.

В-третьих, возрастает вероятность возникновения вооруженных конфликтов за счет действия транснациональных факторов (религиозные различия, идеологический догматизм и прочее), которые весьма трудно парировать обычными политическими средствами. При этом не только различные религиозно-политические движения, но и демагогический тезис о необходимости обеспечения «победы демократии» используется как эффективный механизм удаления с политической сцены национальных правительств.

Надо быть готовым к тому, что произойдет схождение общих, глобальных, мировых и

региональных противоречий на территории, ранее занимаемой Советским Союзом. Казахстан, занимающий одну из центральных позиций на евразийском пространстве, в XXI веке объективно столкнется со многими угрозами, чреватými вооруженными конфликтами. В этой связи военному строительству должна принадлежать особая роль в определении конфигурации будущей судьбы Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. – М., 1988. – С. 151.
2. Свечин А.А. Стратегия. Изд. 2-е. – М., 1927.
3. Rapoport, A. The origins of violence: Approaches to the study of conflict. – N.Y.: Paragon House. 1989. – XVIII. – Pp. 379–414.
4. Fearon, J.D. Rationalist Explanations for War // International Organization. – Summer, 1995. – V. 49. – №3. – Pp. 379–414.
5. Шияков Ю. О механизме переходов в мировом сообществе // ИМЭМО. – 1995. – №12.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
7. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Под ред. В.А.Золотарева. – М.: Институт

военной истории МО РФ, Кучково Поле. Полиграфресурсы, 2000.

8. Соллленберг М., Валленстин П., Жато А. Крупные вооруженные конфликты. Ежегодник СИПРИ 1999. – М.: Наука, 2000. – С. 35.
9. Золотарева В.А. – М.: Институт военной истории МО РФ, Кучково Поле, Полиграфресурсы, 2000. – С. 16.
10. Holliday, J., Cumling, B. Korea. The Unknown War. – N.Y., 1982. – P. 10.
11. Уткин А. Глобальная структура XXI века // Независимая газета. – 01.09.2000.
12. Вальтер В. Великие кризисы нашего времени. Может ли еще политика справиться с ними? // International Politik. – 1997. – №12. – С. 9–10.
13. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – Summer, 1993. Русский перевод см.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – №1.
14. Marcuse, G. One-dimensional Man. 1964.
15. Основы политологии. Краткий словарь. – М.: МГУ. Общество «Знание», 1993. – С. 58.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.
17. Broad, R. and Cavanagh, J. Don't Neglect the Impoverished South // Foreign Policy. – Winter, 1995–1996. – №101.
18. Вэнь-жэнь Се. Азиатский финансовый кризис: политико-экономическое развитие Восточной Азии // Информационно-аналитический бюллетень «Стратегические проблемы экономической реформы в России». – М.: РИСИ, 1999. – №9.
19. Udayakumar, S.P. The futures of the poor. Futures. – Guildford. – 1995. – Vol. 37. – №3. – P. 335–351.
20. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения. – С. 36.

Геополитические факторы обеспечения национальной безопасности – составные параметры государственной политики Республики Казахстан

ТУСУПБАЕВА Г.А.

Присходящие события в современном мире по-иному заставляют взглянуть на проблемы безопасности Казахстана. Вопросы внешней политики, обороны и политической стабильности осложнились новыми угрозами и рисками: социально-экономические кризисные явления, экологические и техногенные катастрофы, социальные, демографические, межэтнические проблемы внутри страны и в ближнем зарубежье, повсеместный рост уровня преступности, в том числе ее организованных форм, наркобизнеса; возникли уг-

розы политической, экономической и информационной безопасности.

Что же означает «обеспечение национальной безопасности»? Безусловно, это меры по созданию гражданам страны необходимых условий для нормальной, цивилизованной, здоровой и безопасной жизни. Отсюда национальную безопасность Казахстана можно определить как защищенность жизненно важных интересов граждан, общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни [1].

Актуальность данной проблемы обусловлена рядом факторов. Прежде всего, в условиях суверенитета происходит активизация внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Республики Казахстан, что, несомненно, повышает требования к системе национальной безопасности государства, при изучении которой возникает двойной смысл. С одной стороны, это составная часть правовой основы страны, без четкого формирования которой существование Казахстана как полноправного субъекта международных отношений окажется невозможным, а с другой – это основополагающий момент внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государства.

События, происходящие на постсоветском пространстве, вызывают коренные изменения не только на геополитической и военно-стратегической картах планеты, но решительно влияют на взгляды, подходы и идеологию политической стабильности в современном мире. Они приводят к пониманию необходимости обеспечения мира каждого государства на основе формирования общественного и межгосударственного согласия, комплексного решения острых проблем безопасности, исходя из региональных и глобальных измерений.

Произошли качественные изменения характера нашего общества. Оно становится все более открытым внешнему миру, прежде всего в плане широкого вовлечения экономики и политики в международные связи. Это сопровождается появлением многочисленных новых проблем и рисков, от которых теперь Казахстан не отгорожен, как прежде.

Согласно Закону РК «О национальной безопасности» от 26 июня 1998 года, под национальными интересами Казахстана следует понимать совокупность общих для членов казахстанской социально-культурной общности потребностей и интересов, удовлетворение и защита которых является необходимым условием не только ее физического выживания, но и прогрессивного развития. Эти потребности вытекают из особенностей социально-экономического и политического устройства республики, уровня ее экономического развития, исторически сложившегося места в международном и региональном разделении труда, специфики географического положения, национальных и культурных традиций, то есть всего того, что составляет спектр геополитических факторов.

Значительное влияние на процесс кристаллизации собственных национальных интересов, национальных ценностей и образа

жизни, а также выявление реальных и потенциальных внешних и внутренних угроз для Казахстана оказали существующие геополитические факторы. Акцент на геополитические факторы при рассмотрении основных параметров национальной безопасности государства является отнюдь не случайным, так как они определяют потенциал страны, от которого в конечном счете зависят возможности Казахстана в отстаивании своих национальных интересов.

К числу таких факторов можно отнести следующие:

1. Географический фактор.

Казахстан представляет крупное континентальное государство, расположенное между Азией и Европой и имеющее границы с пятью государствами, два из которых являются ядерными державами.

К географическим недостаткам Казахстана можно отнести его расположение в нестабильном и взрывоопасном регионе, где уже началась своя ядерная гонка. Не стоит забывать и о близком соседстве с двумя ядерными силовыми центрами в лице России и Китая, которые могут иметь свои виды на будущее развитие республики.

При анализе географического положения Казахстана необходимо учитывать также объективную уязвимость республики от всякого рода природных катаклизмов, которая определяется особенностями природно-климатического расположения и структурой материковой платформы.

Обширная территория Казахстана при недостаточной развитости коммуникационной инфраструктуры может выйти из-под контроля Центра. Для унитарного государства, находящегося в нестабильном регионе, такое положение вещей может представлять значительную опасность.

Несмотря на наличие богатых минерально-сырьевых месторождений, Казахстан испытывает острый дефицит водных и лесных ресурсов. То же самое касается и земельных ресурсов, чей потенциал снижается в связи с сокращением пахотных земель, эрозией почвы и процессом опустынивания [2].

2. Политический фактор.

Специфика геополитического положения государства находит свое непосредственное отражение и в его государственно-политическом устройстве.

Большие размеры государства, протяженные границы с Россией (6467 км) и Китаем

(1460 км), соседство с горячими точками, небольшое, но полиэтничное и поликонфессиональное население – все это оказало свое влияние на становление того типа внутриполитического устройства, который мы сейчас имеем.

Согласно Конституции 1995 года в Казахстане была закреплена президентская республика. Наличие сильного президентского режима в рамках унитарного государства логически предполагает жесткую исполнительную вертикаль от центра до периферии, которая жизненно необходима в условиях большой территории и возможных региональных амбиций акимов. Но, как показала политическая реальность, эта вертикаль кончается на уровне министерств и фактически мало затрагивает региональную элиту. И хотя все акимы областей назначаются президентом и проявляют лояльность к нему, деятельность многих из них часто вступала в противоречие с общей государственной политикой. Это говорит о существовании опасной тенденции выпадения административно-территориальной единицы из общего правового пространства. Проявление амбиций представителями региональных элит может нести угрозу для безопасности Казахстана не в меньшей степени, чем для той же федеративной России.

В свою очередь, это грозит серьезными внутриполитическими проблемами для Казахстана, которые усложняют и без того кризисную ситуацию в социально-экономической сфере республики. Как считают многие западные и отечественные аналитики, основную (реальную, а не гипотетическую) угрозу национальной безопасности Казахстана представляет нарушение именно внутриполитической стабильности. И хотя, согласно данным Всемирного банка, по уровню политической стабильности Казахстан занимает прочное среднее место среди других республик бывшего Союза и стран Восточной Европы, уровень социальной напряженности имеет тенденцию к росту. Ситуацию усугубляет отсутствие сильной, конструктивной оппозиции, способной плавно и без эксцессов перевести эту напряженность в созидательное русло.

К разряду политических факторов, оказывающих влияние на уровень обеспечения национальной безопасности Казахстана, можно отнести и характер межгосударственных отношений, эффективную реализацию международно-правовых договоров, наличие реальных и потенциальных трений с соседями, характер границ и режим их функционирования.

С момента обретения независимости Казахстан провозгласил многовекторную политику во внешнеполитической деятельности. Суть этой политики заключается в балансировании между интересами различных государств, имеющих стратегический интерес в Центральной Азии. Фактически Казахстан пытается вести тонкую игру, используя конкуренцию ведущих держав мира за влияние в регионе и доступ к его ресурсам. Специфика геополитического положения республики, ее военная слабость оправдывают такую политику. Однако, как считают эксперты, рано или поздно Казахстану придется определиться в своих внешнеполитических приоритетах, а для этого требуется уяснить весь спектр возможных внешних угроз безопасности республики [3].

Опираясь на системный анализ политического фактора, можно выделить **несколько источников внутриполитических угроз:**

- чрезмерный разрыв между властью и обществом, отсутствие надежных каналов взаимодействия между государственными и социальными институтами;
- отсутствие конструктивной оппозиции и аморфность партийной системы, исключаящей процесс регулирования социального напряжения;
- нестабильность государственных институтов власти, рост бюрократического аппарата, ведущий к снижению эффективности государственного управления;
- снижение доверия к государственной власти, сомнение в ее легитимности;
- усиление социального расслоения населения, рост асоциальных, агрессивных маргинальных групп;
- рост безработицы, особенно среди молодежи, и сокращение занятости;
- замедление формирования стабилизирующего фактора в лице среднего класса;
- тотальное проникновение коррупции и увеличение должностных преступлений в органах государственной власти, сращивание криминальных структур с чиновниками всех уровней, проникновение организованной преступности в различные ветви власти;
- возможная угроза сепаратизма, вызванная сильной региональной диспропорцией;
- создание внутри государства экстремистских, военизированных организаций и групп, занимающихся политическим терроризмом, диверсией, саботажем, направленными на дискредитацию конституционного строя, деморализацию общества и нагнетание всеобщего страха.

Согласование интересов населяющих страну народов, налаживание их всестороннего сотрудничества, проведение ответственной и взвешенной государственной национальной политики – все это является основой для обеспечения внутривнутриполитической стабильности и единства страны. Комплексное решение этих задач должно составлять основу внутренней государственной политики и обеспечивать развитие Казахстанского государства как многонационального демократического государства.

Наряду с вышеперечисленными внутривнутриполитическими угрозами безопасности, существуют и **внешние угрозы политической стабильности**, такие, как:

- действия других государств, направленные на подрыв государственного суверенитета и территориальной целостности Казахстана;
- действия государств, направленные на дискредитацию внутренней и внешней политики Казахстана и преследующие цель нарушить сложившийся региональный баланс сил;
- предъявление территориальных претензий со стороны соседних государств;
- отсутствие полноценной и эффективной региональной системы безопасности;
- использование выгодного географического положения государства для транзита наркотиков и оружия, контрабанды сырья, ядерных материалов и изделий «двойного назначения»;
- использование территории Казахстана для подготовки террористических групп, чья деятельность направлена против третьих стран или против конституционного строя страны;
- использование территории и республики в качестве арены боевых действий между третьими странами;
- втягивание Казахстана в региональные или международные конфликты, не учитывающие национальные интересы страны и подрывающие его экономический потенциал.

В процессе рассмотрения политической безопасности Казахстана следует обратить большое внимание на проблему соотношения национальных интересов республики с национальными интересами других государств. Это, в свою очередь, даст возможность сформировать представление о геополитической обстановке, которая на данный момент может характеризоваться как неспокойная.

При этом наибольшую опасность для политической безопасности Казахстана представляют скорее внутренние, чем внешние угрозы. В первую очередь речь идет о нарас-

тании разрыва между властью и обществом, снижении доверия к государственной власти, усилении тенденций роста социального и политического радикализма и тотальной коррупции госаппарата [4].

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР.

Экономическая безопасность является ключевым элементом общенациональной системы безопасности государства.

В сфере экономики угрозы имеют комплексный характер и обусловлены, прежде всего, структурной деформированностью внутреннего валового продукта, снижением инновационной активности и научно-технического потенциала, стагнацией аграрного сектора, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, тенденцией к преобладанию в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импортных поставках – продовольствия и предметов потребления, включая предметы первой необходимости.

В этой связи целесообразно выделить наиболее вероятные **угрозы экономической безопасности Казахстана**:

- структурная деформированность экономики, которая характеризуется неравномерностью, диспропорциями в развитии добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности Казахстана;
- теневизация хозяйственной деятельности, составляющая более 40% от всей отечественной экономики;
- диспропорции социально-экономического развития регионов, обусловленных, прежде всего, качественным изменением структуры валового регионального продукта; быстрым переходом страны от аграрной структуры к индустриальной, а также усиливающейся региональной разницей в доходах населения, что влечет за собой нарастание угрозы безопасности, то есть увеличение бедности, безработицу, ухудшение качества жизни населения, сокращение доступа к образованию и здравоохранению;
- бедность, усиление дифференциации в доходах населения, снижение качества жизни (четвертая часть казахстанского общества имеет доходы ниже прожиточного минимума).

При этом необходимо отметить, что в последние годы задачи по обеспечению экономической безопасности Казахстана постоянно усложняются. На смену одним вызовам и угрозам экономической безопасности республики, отходящим на второй план, приходят другие, не менее сложные и опасные [5].

4. ВОЕННЫЙ ФАКТОР.

Этот фактор является одним из важных в обеспечении национальной безопасности государства. Он включает в себя уровень развития боеготовности и боеспособности стратегических сил и сил общего назначения, развитие инфраструктуры тыла, уровень военно-теоретической и военно-прикладной подготовки, состояние военно-промышленного комплекса [6].

Эффективность взаимодействия, боеспособность и боеготовность Вооруженных Сил Казахстана напрямую зависят от бюджетного финансирования, адекватного потребностям армии. Вооруженные Силы республики находятся в состоянии недофинансирования, что сказывается на военном потенциале Казахстана. Средств, выделяемых Министерству обороны, хватает лишь на выплату пенсий, денежного довольствия военнослужащим, на питание и обмундирование солдат. Что касается боевой подготовки и модернизации военной техники, то на эти нужды средств уже не хватает.

Такая же кризисная ситуация сложилась и в военно-промышленном комплексе Казахстана. Как заявил на одной из пресс-конференций председатель Комитета оборонной промышленности, нужды Вооруженных Сил республики способны удовлетворить 15 промышленных предприятий и 3 НИИ. Но все они находятся в тяжелом финансовом положении по причине отсутствия государственного заказа, неплатежей и наличия всех тех проблем, которыми страдают многие гражданские предприятия. Специфика военного производства заключается в том, что оно может выжить только за счет госзаказов.

Отсутствие средств на военную подготовку, модернизацию вооружения, социальное обеспечение военнослужащих, а самое главное – прочного идейно-патриотического фундамента, наносит тяжелый морально-психологический урон Вооруженным Силам республики. Казахстанская армия перестает выполнять свою главную функцию – обеспечение надежной защиты государства от внешних угроз. Более того, от Вооруженных Сил стала исходить опасность для всего общества в плане роста криминальных преступлений среди военнослужащих, ожесточения неуставных отношений, дезертирства, хищения оружия.

Учитывая изложенное, необходимо обозначить **внутренние угрозы военной безопасности**, к которым относятся:

- хроническое недофинансирование Вооруженных Сил;

- снижение боеспособности Вооруженных Сил, их мобилизационных сил и боеготовности страны;

- промедление в проведении военной реформы, направленной на создание небольшой, мобильной, высокопрофессиональной, хорошо вооруженной армии быстрого реагирования;

- слабо развитые инфраструктуры тылового обеспечения;

- снижение сохранившегося военно-промышленного потенциала Казахстана, ведущее к материально-технической деградации Вооруженных Сил;

- отсутствие долгосрочных программ развития вооружения и военной техники;

- отсутствие механизмов действенного политического и гражданского контроля за деятельностью Вооруженных Сил;

- усиление морально-идеологического разложения в армейских структурах, рост количества неуставных отношений, преступлений среди военнослужащих, хищение оружия;

- ухудшение демографического состояния в республике и снижение показателей здоровья у молодых людей призывного возраста;

- чрезмерное увеличение армейской бюрократии при параллельном снижении уровня компетенции и профессионализма в высших военных кругах, рост должностных преступлений и коррупции.

Наибольшую опасность для военной безопасности республики представляет увеличение разрыва между потребностями безопасности, с одной стороны, и экономическими возможностями государства – с другой.

Рассматривая существующие внутренние угрозы военной безопасности, нельзя игнорировать **внешние угрозы военной безопасности**, такие, как:

- соседство с двумя крупными ядерными державами, имеющими, вполне возможно, свои представления о будущем развитии Казахстана;

- наличие уже существующих и потенциальных локальных вооруженных конфликтов в непосредственной близости от границ Казахстана;

- международный терроризм и его развитие связаны с политическими экстремистскими группировками в Казахстане или у его региональных соседей;

- распространение ядерных технологий и других видов оружия массового поражения в сочетании с попытками их использования отдельными государствами или террористическими группами против Казахстана;

- нарушение международной договоренности в области ограничения и сокращения вооружений, качественного и количественного вооружения другими странами;

- вооруженное нападение на одно из государств СНГ, подписавшее Договор о коллективной безопасности.

В условиях становления мирового информационного пространства перед Казахстаном встала задача создания надежной защиты собственного информационного пространства от любого вида информационной агрессии. Как заметил российский аналитик А.Поздняков, «информация теперь считается стратегическим национальным ресурсом, одним из богатств страны» [7].

Понятие «информационная безопасность» означает возможность и способность государств свободно получать и распространять информацию любого плана, что в то же время предполагает надежную защиту от искажений, от дезориентирующей, агрессивной информации, способной негативно воздействовать на общественное сознание, на внутриполитическую, межэтническую и религиозную обстановку.

5. СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР.

Казахстан по размерам территории и полиэтничности занимает одно из ведущих мест среди стран – членов Содружества. Пестрый этнический состав – одна из основных характеристик республики. На формирование этнической структуры народонаселения Казахстана существенное влияние оказали устойчивые миграционные процессы, вызванные столыпинской реформой начала XX века, коллективизацией 20-х и этноцидом 30-х годов, депортацией и военной эвакуацией 40-х, освоением целинных земель 50–60-х годов.

На данный момент наиболее значительными по численности этносами Казахстана являются: казахи (50,6%), русские (32,2%), украинцы (4,5%) и немцы (1,9%).

Массовая миграция населения, проходившая в 90-х годах, привела к снижению численности населения республики. За период с 1992 по 2003 годы страну покинуло, по официальным данным, 2,9 млн человек, или около одной пятой ее населения, и Казахстан безвозвратно потерял 2,1 млн человек. Среди выбывших в 90-е годы 63–65% составили группы трудоспособного возраста; около 45% населения (старше 15-ти лет) – люди с высшим и средним специальным образованием [8].

В связи с выездом большого числа высококвалифицированных специалистов и рабо-

чих на рынке труда республики наблюдается нехватка трудовых ресурсов в промышленности, сельском хозяйстве, сфере образования и других отраслях.

Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы семьи с тремя и более детьми составляли более половины общего числа семей. Но казахстанские женщины, ввиду серьезных социальных проблем и ухудшения показателей здоровья, ограничиваются рождением 1–2-х детей. При этом растут показатели материнской и младенческой смертности. Особую тревогу вызывает также увеличение смертности в трудоспособном возрасте у мужчин. Наличие таких показателей говорит о существовании большой и реальной, а не гипотетической угрозы для демографической безопасности Казахстана, который фактически находится на грани депопуляции. Опасность укрепления такой тенденции тем более реальна, если принять во внимание нынешнее состояние системы здравоохранения.

За последние 8–9 лет идет процесс неуклонного снижения количества лечебных заведений и ухудшения качества медицинских услуг. Особенно сильны эти тенденции в сельской местности, где еще проживает почти половина населения Казахстана (7 млн 112 тыс.). Здесь более 1500 сел и аулов не имеют никакого медицинского учреждения, что ставит под угрозу жизнь многих граждан Казахстана и создает благоприятные условия для ухудшения эпидемиологической обстановки [9].

Состояние физического здоровья населения представляет одну из важнейших составляющих внутреннего потенциала государства, от которого в конечном счете зависят возможности претендовать на статус значимого субъекта международных отношений.

В отличие от той же послевоенной Японии или Тайваня у Казахстана есть неплохой стартовый капитал в лице образованного населения. Но одним из преимуществ этих государств перед Казахстаном явилось то, что они не обладали богатыми природными ресурсами, это заставило их сделать ставку на развитие именно человеческих ресурсов и высоких технологий. Как показала мировая практика, наличие минерально-сырьевых ресурсов не только является важным элементом экономического развития государства, но в то же время может создавать опасную иллюзию достаточности для обеспечения прочного экономического положения страны. Расчет только на сырье может быть оправдан

лишь тогда, когда у государства нет других ресурсов.

В связи с этим главной задачей Казахстана является не просто сохранение существующих интеллектуальных ресурсов, но создание условий для их динамичного развития. Большую роль в этом процессе должна играть сфера образования и науки, но она испытывает те же трудности, что и другие социальные сферы Казахстана.

Существующие угрозы информационной безопасности на территории Казахстана подразделяются на две основные группы угроз.

К внутренним угрозам информационной безопасности относятся:

- целенаправленная дезинформация, сориентированная на формирование негативно общественного мнения и на принятие неадекватных политических решений;
- слабая техническая защищенность каналов связи, используемых в сфере государственного, оборонного, банковского и коммерческого управления;
- низкое качество информационных, телекоммуникационных технологий;
- уменьшение роли и ущемление прав негосударственных печатных, теле- и радиокomпаний на получение и распространение информации;
- компьютерные преступления со стороны казахстанских хакеров.

Внешние угрозы информационной безопасности:

- распространение искаженной информации тем или иным государством на территории Казахстана с целью осложнения внутриполитической обстановки в республике;
- попытка внешнего взлома компьютерного банка данных, содержащих секретную информацию государственной важности;
- радиоэлектронная борьба, развязанная третьими странами против Казахстана;
- дезорганизация системы управления путем внедрения компьютерных вирусов через систему мировой компьютерной сети;
- активизация идеологической и духовнокультурной экспансии с помощью средств массовой коммуникации, направленной на подрыв национальных ценностей Казахстана и трансформацию национального образа жизни;
- усиление зависимости интеллектуального развития духовных ценностей, жизненных позиций и политических предпочтений молодежи Казахстана от внешнего информационного воздействия.

На данный момент можно констатировать тот факт, что уровень угроз для информационной безопасности Казахстана достаточно высок. Это в первую очередь связано с тем, что Казахстан сильно зависит от импорта готовой информационной продукции, которая может иметь дестабилизирующий характер.

В республике еще не сложилось собственное информационное пространство, где действовали бы активные и независимые СМИ, которые могли бы составить конкуренцию зарубежным информационным агентствам в производстве информационной продукции. При этом является ошибочным стремление государственной власти установить монополию на производство и распространение информации путем ограничения прав и возможностей независимых СМИ. Отсутствие альтернативных источников информации увеличивает опасность манипулирования общественным сознанием и создает почву для «агрессии слухов», которые могут нести асоциальный характер.

Казахстан отстал от других стран по таким перспективным научным направлениям, как биотехнология и геновая инженерия, экспериментальная и теоретическая физика, новые информационные технологии и химические материалы. Имея достаточно солидную экспериментальную базу и высококлассных специалистов по ядерной физике, Казахстан практически прекратил исследования в этой области. Физическая и моральная изношенность уникального мангышлакского реактора на быстрых нейтронах практически означает потерю хорошего опытного полигона. Конечно, республика не должна пытаться охватить все современные направления исследований – это слишком капиталоемкий труд. Но поддерживать перспективные фундаментальные и прикладные разработки, которые уже велись, Казахстан просто обязан, если он не хочет остаться на периферии мирового научного пространства [10].

Ранее приведенные данные говорят о высокой степени уязвимости социальной сферы Казахстана и охватившем ее глубочайшем кризисе, что ставит под угрозу жизненно важные интересы личности и общества и препятствует созданию благоприятных условий для их всестороннего развития, то есть социальной безопасности.

Основными составляющими социальной безопасности являются: этническая, конфессиональная, демографическая (в которую также входит защита здоровья населения).

Подробно остановимся на каждой из них:

Угрозы этнической безопасности:

- ухудшение социально-экономического положения основной массы населения, ведущего к повышению социальной напряженности;
- появление радикальных националистических групп;
- использование тем или иным государством факта наличия своей диаспоры в Казахстане для дестабилизации межнациональной и внутривосточной обстановки;
- пропаганда идеологии шовинизма и национализма со стороны местных или центральных государственных органов.

Опасность межэтнического конфликта увеличивается пропорционально ухудшению социально-экономического положения основной массы населения.

Она направлена на обеспечение права конкретного человека на свободу совести и выбора вероисповедания. В Казахстане сложились две традиционные религии: ислам и православие, которые играют стабилизирующую роль во внутренней жизни государства. Но значительную опасность может вызвать:

- появление радикально-клерикальных группировок, выступающих против светской формы правления. В связи с этим реальную опасность представляет импорт идей ваххабизма как крайней, непримиримой ветви ислама, которая уже вызывает серьезные опасения в Узбекистане и Кыргызстане;
- попытки со стороны отдельных представителей государственных органов ущемить религиозные чувства верующих.

Питательной почвой для множества нетрадиционных религиозных сект является существующий кризис идейной ценности, неуверенность в завтрашнем дне, социальная депрессия, которая охватила значительную часть населения и, в первую очередь, молодежь.

Угрозами демографической безопасности Казахстана являются:

- снижение темпов естественного прироста населения за счет уменьшения рождаемости при повышении смертности;
- потеря способности к «воспроизводству» качественного и рационального количества уровня населения в результате резкого падения качества жизни;
- уменьшение количества лечебных учреждений и снижение качества медицинских услуг;
- рост материнской и младенческой смертности;
- увеличение количества аборт и ухудшение репродуктивного здоровья женщин;

- ухудшение эпидемиологической обстановки в республике и распространение опасных инфекционных заболеваний;

- стабилизация процесса старения населения Казахстана;
- ухудшение генетического здоровья и мутагенных трансформаций в регионах с повышенным уровнем радиации;
- неконтролируемая демографическая экспансия со стороны региональных соседей Казахстана, в частности Китая и Узбекистана.

Если в ближайшие 10–20 лет ситуация не изменится к лучшему, что будет зависеть от общего социально-экономического положения республики, то Казахстану грозит вырождение местного населения, сокращение трудовых и интеллектуальных ресурсов, увеличение социальной нагрузки на бюджет. В этом случае республике придется импортировать рабочую силу, что только усилит опасность демографической экспансии со стороны многонаселенных соседей республики. Здесь, как и в физике, царит принцип «Природа не терпит пустоты» [11].

С точки зрения геополитики, наличие большой территории и богатых природных ресурсов при небольшом населении, которое к тому же уменьшается, слабой армии, экономического кризиса и перенаселенности региональных соседей создает благоприятную почву для агрессии, разрушения территориальной целостности и нарушения принципа неприкосновенности границ.

6. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР.

Как обоснованно считают многие отечественные и зарубежные исследователи, проблема загрязнения окружающей среды стала серьезной преградой на пути экономического развития Казахстана. Кроме того, одним из главных факторов, влияющим на ухудшение демографической ситуации в стране, является состояние экологической обстановки.

Изменение качества окружающей среды напрямую связано с развитием «грязных» технологий и экстенсивного сельского хозяйства. На территории республики насчитывается около 2,5 тыс. предприятий, относящихся к 1–2 классам опасности.

Под влиянием хозяйственной деятельности существенно изменился гидрохимический, гидробиологический санитарный режим практически всех рек в Казахстане. Если принять во внимание тот факт, что Казахстан имеет низкую обеспеченность ресурсами пресной воды, то это дает повод для серьезных опасений. В республике также сложилась

очень напряженная радиационная обстановка, что приводит к росту числа заболеваний и смертности от онкологических заболеваний, нарушения иммунной системы и генетического статуса населения. Угрозу радиационной обстановки государства представляет также наличие большого количества отработанных радиоактивных источников, не прошедших нейтрализации и консервации и способных создать серьезные аварийные ситуации. Так, согласно данным экспедиции геологов, проводивших исследования в рамках республиканской научно-технической программы «Экология», в Казахстане находится около 8 млн тонн насыщенных радионуклидами отходов высокой степени опасности и 225 млн тонн – средней степени угрозы для жизни человека. Общая масса этих опасных для человека и окружающей среды веществ равна 119 млн тонн [12].

Кроме возможных антропогенных катастроф, Казахстану угрожают серьезные стихийные природные бедствия, обусловленные его географическим положением, климатической особенностью и спецификой строения материковой платформы. В первую очередь речь идет о длительных засухах, снежных и пыльных бурях (в основном характерных для центральной и северо-восточной части Казахстана), а также наводнения и землетрясения (Семиречье, южные регионы). Стоит принять во внимание и появление угрожающих факторов глобального масштаба, которые могут спровоцировать серьезные природные катаклизмы на территории Казахстана. Это проблема глобального потепления климата, которая, по прогнозам, вызовет такие серьезные природные катаклизмы, как таяние снегов, повышение уровня воды в океане, ускорение опустынивания земель, длительные засухи. В этом случае южные многонаселенные предгорные регионы Казахстана будут находиться под угрозой мощных селевых потоков, а центру страны, традиционно находящемуся в засушливой зоне, грозит долгая засуха. Такое вероятностное развитие ситуации наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь между национальной безопасностью Казахстана и степенью уязвимости международной безопасности [13].

Особенностью Казахстана является то, что, наряду с угрозой глобальных экологических катастроф, республике угрожает интенсивная экосистемная деградация. Согласно мировому экологическому рейтингу, Казахстан отнесен к зонам экологического бедствия, где ухудшение состояния окружающей

среды достигло своего критического предела, за которым находится прямая опасность физическому и генетическому здоровью населения, видовому составу флоры и фауны, истощения невозобновляемых природных ресурсов.

Неблагоприятная экологическая ситуация также влияет на состояние безопасности страны. Эта категория характеризует внешние и внутренние угрозы стабильности.

К внутренним угрозам экологической безопасности можно отнести:

- увеличение масштабов и вредных последствий техногенного влияния, способных вызвать крупные экологические катастрофы;
- процесс дальнейшего опустынивания земель и увеличения засоленности почвы;
- загрязнение и сокращение ограниченных пресных водных ресурсов;
- дальнейшее ухудшение радиационной обстановки;
- увеличение вредных выбросов в воздушное пространство республики;
- сокращение флоры и фауны, появление новых мутированных видов биологической жизни, способных представлять угрозу для традиционной биосферы и человека;
- увеличение количества природных катаклизмов, возникших по вине человека.

Внешние угрозы экологической безопасности:

- использование территории Казахстана в качестве радиоактивного могильника для захоронения отходов вредных производств, ядовитых, высокотоксичных материалов;
  - размещение на территории республики вредных производств;
  - ухудшение экологической ситуации соседних с Казахстаном государств, способной оказать вредное воздействие на окружающую среду в республике;
  - интенсификация процессов глобального потепления на планете, провоцирующих негативные климатические и природные изменения в Казахстане;
  - рост экологических преступлений, связанных с нанесением ущерба флоре и фауне Казахстана со стороны иностранных граждан.
- Как показала мировая история, нерешенность экологических проблем и низкий уровень обеспечения собственной экологической безопасности являлись причиной серьезных политических, социальных и вооруженных конфликтов. На данный момент потенциальные очаги напряженности существуют между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном по поводу ограниченности водных

ресурсов. Кроме этого, вызывает опасения и Каспийский регион, где техногенная экологическая катастрофа по вине одного из пяти каспийских государств может вызвать серьезный межгосударственный конфликт.

Представленный достаточно широкий спектр угроз экологической безопасности обуславливает необходимость жесткого включения в единый механизм национальной, региональной и в перспективе глобальной системы мероприятий, нацеленной на своевременное выявление, предупреждение и пресечение экологических проблем.

Повышением эффективности природоохранной деятельности являются меры, которые должны включать принятие законодательных актов, обеспечивающих юридические основы экологической безопасности, организационно-административные меры, направленные на совершенствование управления природоохранной деятельностью в стране.

Специфика рассмотренных геополитических факторов Казахстана дает основания для выработки собственного определения национальной безопасности Казахстана. Проблемы обеспечения национальной безопасности государств от внешних и внутренних опасностей и угроз всегда были в центре внимания политиков и военных деятелей. Коалиционные методы обеспечения безопасности государств также имеют многовековую историю и во всевозрастающей степени становятся доминирующей тенденцией в современных международных отношениях.

На современном этапе с усилением процесса большей гуманизации политики и становления идеологии антропоцентризма наблюдается установление приоритета защиты интересов личности и общества, которые долгое время ставились в подчинение интересам государства. Понятие «национальная безопасность» – это, прежде всего, создание благоприятных условий для нормальной цивилизованной и здоровой жизни, свободного развития и самовыражения граждан Казахста-

на. Роль государства как институциональной и идеологически организованной формы власти заключается в том, чтобы сделать эти условия безопасными.

Создание такой системы защиты национальных интересов, ценностей и образа жизни на основе существующего внутреннего потенциала и степень достижения этих условий, которые бы не вступали в противоречие с общей тенденцией создания системы международной безопасности, являются показателем эффективности деятельности государства в сфере обеспечения национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касимов С. Нам нужна собственная система национальной безопасности // Казахстанская правда. – 12 сентября 1999 года.
2. Национальная безопасность Республики Казахстан: опыт, определения // Евразийское сообщество. – 2000. – №2.
3. Бакаев Л.К. Внешняя политика суверенного Казахстана // Саясат. – 1997. – №1. – С. 75.
4. Касенов У. Национальная безопасность РК: окна уязвимости // Деловая неделя. – 11 сентября 1998 года.
5. Становление и развитие социально-экономических, политических и правовых механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства в современном Казахстане. Научное издание. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2004.
6. Жакупов С. Национальная безопасность // Юридическая газета. – 12 ноября 2001 года.
7. Национальная безопасность Республики Казахстан: опыт, определения // Евразийское сообщество. – 1998. – №4. – С. 64.
8. Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. – Алматы, 2001.
9. Абенев Е.М. и др. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы: ИРК, 1996.
10. Бижанов А.Х. Республика Казахстан. Демократическая модернизация общества переходного периода. – Алматы: Онер, 1997.
11. Котов А.К. Суверенный Казахстан: гражданин, нация, народ. – Алматы: Жеты жаргы. – 1997.
12. Кланцов В.М. Экологические проблемы Казахстана в кн. «Казахстан: реалии и перспективы независимого развития». – М., 2002.
13. Алимов А.А., Случевский В.В. Век XX: экология и идеология (мифы и реальность: на фронтах идеологической борьбы). – Алматы, 1999.

Некоторые аспекты проблемы политической модернизации местного государственного управления

КУЛЬЖАНОВА Г.

В 1991 году Республике Казахстан как новому независимому государству необходимо было избрать свой путь политического развития. Это было важно, так как государство должно было себя позиционировать в мировом сообществе и занять свое место в международном пространстве. Во внутреннем политическом пространстве необходимо было определить логику трансформационных политических процессов в контексте формирования демократической политической системы.

Заметим, что модернизационный процесс демократизации местного государственного управления в Республике Казахстан был начат с момента обретения нашей страной своего суверенитета. Хотя существуют и иные взгляды на этот вопрос. В частности, есть такая точка зрения, в которой начало процесса демократизации местного государственного управления во временном отрезке датируется 1985–1990 годами, когда в рамках советского государства стали проводить различные политические реформы, в том числе и в системе государственной власти. Однако, на наш взгляд, этот процесс проходил в рамках либерализации тоталитарной политической системы, усиления в обществе и в системе государственной власти роли Советов и расширение самоуправления. Модернизационный процесс же демократизации местного государственного управления в Республике Казахстан имеет иную доминанту и логику становления и развития в общем контексте строительства демократического государства.

Кстати, скептики предвещали недолговечность нашему государству. В частности, по мнению В.Хлюпина и А.Грозина, эффективность механизма государственного управления... вызывает большие сомнения, потому что приводные ремни родоплеменной клановости по силе воздействия всегда превосхо-

дили и будут превосходить формализованные принципы государственного строительства. Само построение государства на родоплеменном и клановом принципе, закрывающее дорогу во власть талантливым управленцам, находящимся вне клановой борьбы, – тупиковый путь, ведущий эти страны не к вершинам прогресса, а к средневековой отсталости и зависимости от мирового капитала и транснациональных корпораций» [1]. Однако данный прогноз не оправдался. Развитие политических и социально-экономических процессов показало в основном ошибочность данных представлений.

В первую очередь уделялось внимание процессу строительства своей государственности. Кроме того, новому независимому государству необходимо было реформировать многие стороны жизнедеятельности общества. Доставшуюся в наследство от СССР политическую систему постепенно стали преобразовывать в демократическую. Это, в свою очередь, требовало решить многие общие и частные государственные вопросы.

Одним из центральных направлений реформирования постсоветского казахстанского общества стало совершенствование и изменение механизмов государственного управления всех уровней в целях обеспечения продуктивного и конструктивного взаимодействия всех ветвей и уровней государственной власти уже в новых условиях. Так, в число наиважнейших задач общенационального уровня встала проблема по реформированию административно-территориального устройства Республики Казахстан. 8 декабря 1993 года был принят Закон РК «Об административно-территориальном устройстве РК», а 19 декабря 1995 года был принят Указ Президента РК, имеющий силу закона, об изменениях к нему. Было стремление создать более упрощенную экономичную и эффективную сис-

тему административно-территориального устройства республики.

Как известно, в наследство от советской власти независимому Казахстану досталось административно-территориальное устройство, включавшее в себя 19 областей, 2 города республиканского значения, 216 районных административно-территориальных единиц с общей численностью населения немногим более 16,5 млн человек [2]. А в настоящее время в результате реформирования административно-территориального устройства Республика Казахстан насчитывает 14 областей, 160 районов, 84 города, 195 поселков, 2150 аульных (сельских) округов [3].

Эти и другие политические и социально-экономические реформы, а также иные общественные процессы привели к существенному изменению структурно-функциональных характеристик органов государственной власти. В определенной степени начальный этап государственного строительства РК характеризуется отсутствием ясности в социальном структурировании общества, низкой степенью согласованности и выявления общих интересов и целей различных слоев и групп казахстанского общества.

Согласно п. 1 ст. 40 Конституции РК (1995 год), «Президент Республики Казахстан является Главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях» [4].

Президент РК, согласно п. 2 ст. 40, выступает «символом и гарантом единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина» [5].

В рамках президентской формы правления статус главы государства позволяет ему находиться «над ситуацией» и «над тремя ветвями власти», в силу этого обеспечивать в условиях переходного периода согласованное функционирование органов государственной власти, создавать наиболее благоприятные предпосылки для дальнейшего развития демократических преобразований. Как отмечает Н.А. Назарбаев, «нам удалось решить простую конституционную задачу разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Создан механизм, обеспечивающий их тесное сотрудничество, а также взаимное сдерживание, недопущение вмешательства. Причем важно было не допустить, чтобы принцип разделе-

ния властей создал другую крайность “разделенную власть”» [6].

Президент РК определяет и назначает состав Правительства с согласия Премьер-министра и Парламента РК. В то же время при смене правительства, Президент РК придерживается 50-го барьера, то есть половина состава предыдущего правительства переходит в новый кабинет. Среди политологов РК существует критическая оценка механизма подбора политических деятелей. Считается, что это не достаточно открытый способ и часто определяется номинальная значимость согласия Премьер-министра и Парламента, что указывает на решающую роль главы государства в структурировании и формировании руководящих кадров. В то же время институт президентства предполагает формирование своей команды и менеджерскую политику главы государства в кадровом вопросе, чтобы обеспечить согласованность, коммуникативность и эффективность всех звеньев и уровней государственного управления, в том числе и местного. Кроме того, данный институт обеспечивал и обеспечивает национальную консолидацию нашего государства. Заметим, что особенно актуально это было на первом этапе постсоветского периода.

В республике последовательно проводится работа по упорядочиванию системы центральных органов исполнительной власти, сокращению численности государственных органов и повышению эффективности государственного управления на всех уровнях власти. Так, в 1996 году была сокращена штатная численность администрации Президента, аппаратов палат Парламента, Правительства, Конституционного Совета, Счетного комитета по контролю за использованием республиканского бюджета, Верховного суда, Генеральной Прокуратуры, Национального агентства по делам печати и массовой информации, Комитета национальной безопасности, Государственного комитета по охране государственной границы, МВД и других министерств, Государственного следственного комитета и других государственных ведомств и комитетов в среднем на 20% [7].

С середины 90-х годов возникла насущная потребность в квалифицированном и мобильном правительстве. «Если в прежние времена в правительство входило 46 министров, председатели госкомитетов, Премьер и его замы, то сегодня это число составляет 15 человек» [8].

Поэтому был осуществлен поэтапный переход к компактному правительству с чет-

кой системой балансов, прав и ответственности, подотчетности и подконтрольности каждого органа и этот процесс до сих пор продолжается. Указом Президента РК от 4 марта 1997 года было проведено сокращение числа самостоятельных структур с 47 до 25, то есть почти на 50%. При этом число министерств было сокращено с 20 до 14, государственных комитетов – с 13 до 6, других ведомств – с 14 до 5% [9].

Впоследствии наблюдается тенденция повторных реорганизаций, затем вновь перереорганизаций министерств, постоянное изменение структуры и функций министерств, увеличение или сокращение диапазона сферы государственного контроля за различными отраслями. Возможно, это было направлено на оптимизацию системы государственного управления. Однако, на наш взгляд, это свидетельствует об отсутствии концепции реформы системы государственного управления. Данная реорганизация министерств и ведомств предполагает передачу некоторых полномочий и ответственности в нижестоящие структуры, повышение роли и функциональной значимости различных департаментов, сокращение дублирующих и промежуточных звеньев, децентрализацию властных полномочий, увеличение ролевой значимости местных органов власти.

В этот период наблюдается такая же картина и в реформировании местного государственного управления, определенное изменение его структуры и функций. Таким образом, в системе государственного управления происходит отход (хотя и непоследовательный) от преимущественно административных методов к политико-экономическим. В то же время Республике Казахстан еще предстоит создать свою концепцию государственного управления, которая будет учитывать опыт либерально-демократических стран и казахстанские традиции. В частности, в «Стратегии-2030» отмечается, что «наша задача – создать для Казахстана эффективную, современную государственную службу и структуру управления, которая была бы оптимальной для рыночной экономики: сформировать Правительство, способное реализовать приоритетные цели; построить государство, стоящее на страже национальных интересов» [10].

Несомненно, после обретения суверенитета и перехода к более либерализованным формам государственного правления, в отношении «центр – периферия» по-прежнему главенствующее положение занимает

центр новых независимых государств. Заметим, что органы местного государственного управления Республики Казахстан до 2001 года действовали согласно Закону «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан» (1993 год). Данный Закон имел свои определенные недостатки, например, он не только не разграничивал функции и полномочия между областным и районным уровнями власти, но и не устанавливал четкой грани между полномочиями центра и регионов. Позднее, в 2001 году, был принят новый Закон «О местном государственном управлении в Республике Казахстан», который определил более слаженную и четкую систему местного государственного управления, а также обусловил полномочия местных исполнительных органов на всех уровнях, специфику взаимоотношений и так далее.

Как известно, в Конституции Республики Казахстан от 1995 года отмечается, что в нашей стране признается местное государственное управление и самоуправление. Местное государственное управление осуществляется местными представительными и исполнительными органами, которые ответственны за состояние дел на конкретной территории. Если местные представительные органы – маслихаты – являются выборными органами, то местный исполнительный орган возглавляет назначаемый Президентом РК аким соответствующей административно-территориальной единицы, который является представителем Президента и Правительства Республики на местах. Президент РК, таким образом, посылает своего представителя до средних звеньев государственного управления.

Остальные кадровые звенья в системе местного государственного управления формируются самим главой – акимом, а также посредством конкурсного отбора. Конкурсный отбор кадров на государственную службу был впервые введен в Республике Казахстан среди стран СНГ. Как отмечает Н.А. Назарбаев, «если раньше могли сказать, что существуют скрытые или не скрытые механизмы кадровой поддержки той или иной нации, то сегодня впервые в СНГ мы создали систему объективного конкурсного отбора кадров на государственную службу. Более девяти тысяч человек приняли на жесткой конкурентной основе через тендер, но не по принципу национальности» [11]. Таким образом, создается вертикальная структура власти, однако определенная неразвитость демократических политических инсти-

тутов (выборы и многопартийная система) усиливает зависимость нижестоящих органов от вышестоящих, а также подчиненных от руководителя, укрепляя патрон-клиентские отношения и так далее.

Республика Казахстан, как и другие государства СНГ, получила в наследство от бывшего Советского Союза централизованную систему управления государством, экономикой, обществом. В первые годы после обретения в 1991 году независимости перед Казахстаном стояли многие задачи. Среди них приоритетными были такие, как строительство основ государства, укрепление суверенитета страны, сохранение территориальной целостности и так далее. На этом этапе централизация государственной власти была оправданной. Однако сейчас в определенной степени излишняя централизация власти только сдерживает дальнейшее позитивное демократическое политическое развитие страны. При этом трансформация территориальной структуры управления и его всесторонняя децентрализация рассматриваются как важная задача в процессе создания плюралистической демократии и строительства гражданского общества [12].

На современном этапе политического развития суверенного независимого Казахстана на первый план выдвигается проблема децентрализации и демократизации местного государственного управления. Конечно, сейчас основной блок проблем, в целом детерминирующий развитие процессов децентрализации, связан с переносом акцента с макро- на микроуровень в решении и реализации реформ [13]. Кроме того, излишняя централизация власти создала бы опасность стратегического отставания от некоторых стран Содружества. В своем послании народу Казахстана Президент РК Н.А.Назарбаев одним из основных принципов стратегии формирования системы государственного управления определил децентрализацию государственных функций от центра к регионам.

Децентрализация государственного управления представляется действенной, поскольку повышает эффективность работы органов государственной власти, как на высшем уровне, так и на местном, и позволяет гражданам принимать политическое участие в процессе принятия политических решений на местах. То есть создается возможность гражданам принимать непосредственное политическое участие в процессе управления страной. Именно местное самоуправление формирует определенную действенную

связь между правительством и обществом, что является основным элементом эффективного управления. Кроме того, местное самоуправление является мостом в процессе образования полноценного гражданского общества. Также, по мнению многих ученых, процесс децентрализации в дальнейшем предопределяет стабильный экономический рост практически во всех сферах жизнедеятельности общества.

Дискуссии о желательности и нежелательности выборов акимов, реформе местного государственного управления и самоуправлении являются в настоящее время одной из долгоиграющих и обсуждаемых тем казахстанской политической жизни. Оппозиция видит в выборности областных, городских, районных акимов возможность сделать местные властные структуры ответственными и подотчетными населению. Но среди оппозиционеров существуют различия. Так, лидеры политической партии «Азамат» в различных СМИ высказывают свою позицию о том, что уже готовы взять на себя бремя ответственности быть акимами Астаны и Алматы и, будучи на этих постах, подготовить свободные выборы акимов. Лидер казахстанских коммунистов С.Абдильдин в своих выступлениях в СМИ более сдержан насчет темпов, считая, на первом этапе достаточным проведение выборов в южных областях Казахстана, где отсутствуют «сепаратистские настроения». Распространение выборности на другие регионы лидер коммунистов полагает целесообразным в последующем периоде.

По мнению казахстанских исследователей Ю.Булуқтаева и Т.Исмагамбетова, «авторитаризм», «всевластие и бесконтрольность» отнюдь не исчезают с избранием акима. Она просто переносятся на уровень области, так же, как диктат Москвы некогда сменился диктатом местного чиновничества. Избранный аким получает свободу действий не только от избравшего его народа, но и от центральной власти. Что следует за этим, предсказать труда не составляет – хаос! И совершенно неслучайно, что именно под воздействием демократов «четвертой волны» была озвучена в 1998 году на «круглом столе» по местному управлению идея расширения прав маслихатов и подконтрольности акимов [14].

По мнению Е.Пастухова и Д.Маслова, выборность акимов всех уровней – это не только несвоевременно, но и весьма опасно для такого государства, как Казахстан, поскольку реализация данного предложения сопряжена с угрозой регионального сепара-

лизма со всеми вытекающими отсюда последствиями [15].

Кроме того, всевластие и самодурство акимов давно стало притчей во языцех. Однако проблема в том, что демократические выборы акимов приведут к худшей ситуации, нежели в России. Мы получим типично восточные деспотии на уровне регионов Казахстана. Один раз, получив с помощью демократических выборов власть, та или иная группировка местной элиты уже никогда не отдаст ее [16].

В то же время необходимо всесторонне изучить опыт соседних государств, например Российской Федерации, в области процессов децентрализации. Политическая история некоторых западноевропейских государств с высоко развитой экономикой свидетельствует, что даже в условиях утвердившихся демократий не сразу приступают к децентрализации органов государственного управления. Некоторые страны прошли именно такой путь. Например, Италия и Франция стали проводить политику децентрализации в конце 1970-х – в начале 1980-х годов, а в Великобритании при всей демократии местного государственного управления и развитой системы самоуправления до сих пор существует система назначений руководителей графств (наподобие наших областей). По-видимому, для процесса децентрализации органов государственного управления и самоуправления необходимо наличие определенных предпосылок. Государства цивилизованных стран Запада не командуют экономикой, не решают непосредственно хозяйственных задач, а воздействуют на экономику и производство через законы, помогают, координируют, определяют ориентиры общего движения. Главнейшим для органов местного государственного управления является выявление потребностей людей, после чего в соответствующую отрасль вкладываются деньги, и результат деятельности приносит пользу как производителям, так и потребителям. В подобной социально-ориентированной экономике функции министерств состоят не в обладании собственностью, а в управлении, регулировании общественных процессов, оказании помощи людям, организациям, то есть в создании условий для нормальной работы и жизни. Здесь распределительные механизмы выключены из государственной политики [17].

Россия с ее 89-ю субъектами шести разных статусов (разных моделей государственного управления – двух- или трехуровневого и самоуправления – одно- или двухуровне-

вого в период правления Б.Ельцина) занимает по сложности состава первое место в мире. А если принять во внимание ее полиэтничность и поликонфессиональность, то задача удовлетворительного разграничения полномочий может быть охарактеризована как беспрецедентно трудная. В стратегическом плане ее решение связано с упорядочением субъектного состава Федерации и, особенно, с укоренением в политической культуре страны базовых ценностей законопослушания и терпимости. Тем не менее за относительно короткий период с 1991 по 2002 годы был пройден большой путь – от политического «перетягивания каната», когда разграничение предметов ведения и полномочий становилось разменной монетой в борьбе соперничающих политических лидеров, к относительно упорядоченному и преимущественно правовому протеканию этого процесса [18].

Политические реформы в РФ по децентрализации органов государственной власти дали крайне противоречивые результаты. Так, например, К.Росс считает, что результатом стало формирование крайне асимметричной федерации со слабым федеральным центром и могущественными субъектами Федерации. Слабость российского государства и федеральной Конституции создала ситуацию, когда федеральные власти не в состоянии охранять и поддерживать универсальные демократические принципы на территории всей страны и защищать права граждан в регионах, где правят сегодня авторитарные лидеры. Основной отношений между центром и периферией в России стали политические и экономические связи, подменившие собой правовые и конституционные процедуры [19].

В 1992 году Ельцин вынужден был подписать Федеративный договор, который значительно расширял полномочия регионов и республик в их внутренних делах... Учредительные конституционные соглашения и сопутствующие им институциональные структуры, которым предстояло определять дальнейшую траекторию развития российского федерализма, были выстроены «в период неопределенности», в условиях слабости и раскола федеральной власти и, что особенно важно, еще до ратификации российской Конституции. В результате создателями основополагающих политических и экономических институтов в российских регионах стали не новоизбранные демократы, а вышедшие из рядов старой номенклатуры авторитарные лидеры, которые стремились использовать для легитимизации своей власти не демокра-

тию, но национализм и сепаратистские требования [20]. Как указывает К.Росс, ряд регионов, недовольных своим «второстепенным положением» в рамках Федерации, в одностороннем порядке повысил свой статус до статуса республик. Так, Астраханская, Амурская, Челябинская, Читинская, Калининская, Пермская, Оренбургская, Курганская, Свердловская и Вологодская области, а также Санкт-Петербург и Приморский край либо заявили о своем суверенитете (или республиканском статусе), либо предупредили о намерении сделать это в будущем. С момента подписания Федеративного договора важнейшей проблемой для России стал вопрос о том, как отвоевать назад некоторые из прав, дарованных регионам в 1992 году, повысить уровень централизации и усилить федеральные структуры, укрепив их власть над республиками и регионами [21].

Заметим, что экономическое неравенство республик и регионов в рамках Российской Федерации является одним из важнейших источников межрегиональной напряженности и недоверия между субъектами Федерации. Понятно, что ельцинская склонность подписывать двусторонние соглашения с отдельными субъектами Федерации вряд ли способна ослабить эту напряженность и смягчить недоверие. Напротив, ситуация, как представляется, ухудшается, тем более что для этого есть объективные основания. Если в 1990 году 10 наименее развитых регионов России отставали по производству промышленной или сельскохозяйственной продукции на душу населения от наиболее развитых в 2,3 раза, то к 1996 году разрыв увеличился до 4,5 раза. Существуют громадные различия и в степени зависимости отдельных субъектов Федерации от федеральных субсидий и трансфертов. Так, например, в 1996 году доходная часть бюджета Ингушетии примерно на 79,3% формировалась за счет федеральных трансфертов, тогда как для Липецкой области соответствующий показатель составлял 1,2%. Не вызывает сомнений, что столь высокий уровень межрегионального неравенства разжигает напряженность и подозрительность между региональными элитами и усиливает межрегиональную конкуренцию в сфере распределения федеральных субсидий [22].

Одни республики, те, что побогаче ресурсами, вовсе ничего или почти ничего годами не отчисляли в федеральный бюджет (Якутия, Карелия, Башкирия, Татария, паразитируя на Федерации, которая вынуждена содержать вооруженные силы, центральный бюрократический аппарат, таможенные и пограничные службы, черная средства из кармана граждан. Другие, бедные, откровенно дотационны на колоссальные федеральные субсидии, покрывавшие в 1994 году в Горном Алтае 84% расходов местного бюджета, в Калмыкии – 81%, в Туве – 79%, в Северной Осетии – 71%, в Кабардино-Балкарии – 72%, в Корякском округе – 82%, в Агинском – 83%, в Дагестане – 88%, а в Ингушетии – 91% [23].

Выросшая самостоятельность региональных руководителей сразу же поставила под вопрос действенность центральной власти. В России, конечно, есть законодательство, закрепляющее вопросы ведения и компетенцию, но в нашей стране законодательство традиционно не есть норма поведения. Поэтому, наряду с устранением содержательной неполноты и противоречивости федеральных законов, особенно важно усилить защиту предусмотренного этими законами правопорядка [24].

Правление В.Путина началось с реформы именно федеративной системы. Какие бы субъективные и привходящие причины не толкнули президента на эти масштабные действия, объективно они являются весьма значимыми и могут, при последовательном осуществлении, иметь колоссальные последствия как для нынешней Российской Федерации, так и для новых независимых государств, возникших в 1991 году на просторах исторической России. Создание семи регионов, объединяющих каждый по 10–15 субъектов – и республик, и областей, и краев, поскольку управление этих макрорегионов полностью формируется из Москвы и подчиняется федеральным законам, – безусловно, может рассматриваться как унитаристская надстройка над Федерацией. Тем самым последняя в новой системе государственного устройства, конституционно пока не прописанной, фактически превращается в местное самоуправление с элементами областной автономии внутри унитарного государства, разделенного на руководимые из Кремля генерал-губернаторства или наместничества [25]. Неслучайно В.Путин, обретя верховные полномочия, первым делом занялся укреплением «властной вертикали» и ослаблением «всевласти местных бояр».

Президент Путин 13 сентября 2004 года (после событий в Беслане), в понедельник, объявили о начале самой широкомасштабной реформы в новейшей истории России. Отныне Москва прекращает практику выборов губернаторов в российских регионах, орга-

низует новую систему безопасности и создает некую общественную палату для контроля над действиями исполнительной власти. Теперь российских губернаторов не будут выбирать прямым голосованием. Это делает законодательное собрание региона по представлению президента. Выборы губернаторов были одним из ключевых элементов той демократической системы, которая образовалась в России после бурных процессов политической либерализации 1991 года. Однако проблема заключалась в том, что в условиях отсутствия системы общинного самоуправления западного образца, а также развитой партийной системы выборы губернаторов привели к их феодализации. Было, правда, существенное отличие от времен европейского феодализма. Губернаторы стали править согласно типичной восточной и в то же время старой традиции. Они вполне демократическим путем брали регионы в кормление и стремились закрепить такое состояние дел как можно дольше, если не навсегда. Возникла парадоксальная ситуация. Выборы губернаторов рассматривались как важный элемент либерализации и демократизации, в то же время выбранные губернаторы всеми силами стремились утвердить свое единоличное право на кормление и устанавливали в регионе вполне авторитарный порядок. Самое большое разочарование для демократов заключается в том, что ключевой демократический институт в России – выборы губернаторов – привел к прекращению развития институтов гражданского общества в регионах. Россия фактически разделилась на множество «феодалов владений» [26]. Как видим, политический опыт РФ в области политической модернизации местного государственного управления весьма поучителен. И это показывает, что в первую очередь необходимо принять законы о «Местном самоуправлении», где необходимо четко разграничить его компетенцию.

В то же время, на наш взгляд, актуализация процесса децентрализации органов государственной власти Республики Казахстан на данном этапе закономерна. Поскольку именно сейчас в РК произошел качественный сдвиг в развитии государства и привел к существенным изменениям во всех сферах жизнедеятельности казахстанского общества. Неслучайно в Послании народу Казахстана в 2004 году Президент РК Н.А.Назарбаев одним из основных принципов стратегии формирования системы государственного управления определил децентрализацию госу-

дарственных функций от центра к регионам. Можно с уверенностью сказать, что на данном этапе развития РК есть все предпосылки: политические, социокультурные, экономические, духовные и иные для успешной децентрализации органов власти. По результатам социально-экономических преобразований Республика Казахстан является лидером среди стран не только Центральноазиатского региона, но и некоторых других государств, входящих в СНГ. Однако процесс децентрализации местного государственного управления не должен идти в разрез общей стратегии национальной консолидации казахстанского общества.

Закономерность процесса децентрализации органов власти определена произошедшими в стране качественными сдвигами в период трансформации системы. Поэтому можно сделать вывод о том, что процесс децентрализации органов власти возможен при определенных количественных изменениях в обществе, в результате огромной трансформации государственной власти, разделения властей, демократизации общества, приобретения населением политических прав и свобод, введения частной собственности, процесса разгосударствления и приватизации, распада сверхцентрализованного тоталитарного государства. В настоящее время возникло значительное число частных предпосылок в социально-экономической, политической, культурной областях жизни казахстанского общества, которые могут стать фундаментом для децентрализации органов власти.

Конечно, практически во всех посттоталитарных странах процесс децентрализации зависит от многих важных и второстепенных факторов. Среди этих факторов выделяются такие, как четкая политическая приверженность процессу децентрализации, наличие нужных политических, экономических, финансовых, юридических, организационных, людских и иных ресурсов, от организационных возможностей местных органов власти по проведению административной политики, от способности и готовности административных кадров местных органов власти к решению стоящих перед ними задач, от культурных предпосылок, таких, как ценности, отношение и модели поведения граждан, а также местных политических деятелей и администраторов, и того, в какой степени они способствуют децентрализованному управлению и так далее. На наш взгляд, политическая приверженность процессу децентрализации, то есть готовность соответствующих политичес-

ких субъектов на общегосударственном и более низких уровнях осуществлять передачу полномочий, является одной из главных предпосылок любой децентрализации. В то же время, как указывают ряд исследователей, заявления политических деятелей, которые иногда на словах соглашаются с передачей полномочий, но на деле пытаются увековечить централизованную систему, нельзя путать с приверженностью [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлюпин В., Грозин А. Кочевые элиты постсоветской Азии // Мегалогос. – 4 июля 2001 года.
2. Казахстанская правда. – Декабрь, 1993.
3. Современный Казахстан: цифры и факты // Алматы, 1998. – С. 38.
4. Конституция РК // Вечерний Алматы. – 11 сентября 1995 года.
5. Там же.
6. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. Алматы: Атамұра, 1997. – 650 с. (С. 128–129).
7. Панорама. – Февраль, 1993.
8. Там же. Март, 1996.
9. Казахстанская правда. – Март, 1997.
10. Назарбаев Н.А. Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев // Казахстанская правда. – 13 октября 1997 года.
11. Панорама. – Декабрь, 2000.

Этнический аспект на выборах в Мажилис Республики Казахстан

ИШМУХАМЕДОВ Ш.А.

Казахстан является полиэтничным государством, где соблюдение равенства прав всех граждан является условием стабильности и процветания. Развиваясь в демократическом политическом направлении, выборность, плюрализм мнений, равенство прав и свободное выражение позиций понимаются в качестве важнейших ценностей. Политические выборы становятся условием выражения общественно-политических перемен, осуществления реформ, сохранения эффективного государственного управления.

Одним из самых важных и значительных политических событий 2004 года стали выборы депутатов в Мажилис Парламента Респуб-

12. Местное развитие: международный и национальный опыт. – М., 1992. – С. 28.
13. Реформы в регионах: тенденции и перспективы. – Алматы: ИРК, 1996. – С. 3.
14. Булуктаев Ю., Исмагамбетов Т. Испытание демократией // Континент. – 6–19 февраля 2002. – №3 (6). – С. 12–15 (С. 15).
15. Пастухов Е., Маслов Д. На пороге перемен // Континент. – 23 июня–6 июля 2004. – С. 12–13 (С. 13).
16. Акимбеков С. Большая путина // Континент. – 29 сентября–12 октября 2004 года. – №18 (130). – С. 4–6 (С. 4).
17. Мальцев В.А. Основы политологии: учебник для вузов. – М.: ИТРК РСПП, 1997. – 480 с. (С. 319).
18. Галкин А.А., Федосов П.А., Валентей С.Д., Соловей В.Д. Эволюция российского федерализма // Полис. – 2002. – №3. – С. 96–128 (С. 107).
19. Росс К. Федерализм и демократизация в России // Полис. – 1999. – №3. – С. 16–30 (С. 18).
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. – 2000. – №5. – С. 32–55. (С. 45).
24. Афанасьев М.Н. Региональное измерение российской политики // Политический процесс в регионах России. Заочный «круглый стол» // Полис. – 1999. – №2. – С. 88–93. (С. 89).
25. Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. – 2000. – №5. – С. 32–55. (С. 32).
26. Акимбеков С. Большая путина // Континент. – 29 сентября–12 октября 2004 года. – №18 (130). – С. 4–6 (С. 4).
27. Фридман М. О свободе // Открытая политика. – 1995. – №1. – С. 48.

лики Казахстан. Выборы ознаменовались активным политическим участием всего населения страны на всех уровнях политического участия и выражения своего мнения. Также новые условия участия и политической деятельности политических партий и организаций обозначили новый этап развития и эволюции выборного процесса депутатов в Казахстане. Важной частью выборов стало появление на политическом горизонте новых политических партий и политических лидеров. В процессе предвыборной кампании произошло объединение известных политических партий. Также важным событием стала потеря парламентского представительства

одной из политических партий, имевшей представительство в Парламенте страны. Однако особенностью выборов стало дальнейшее усиление и комплексное развитие этнического аспекта в процессе выборов и предвыборной деятельности политических партий.

Этнический характер выборов в Мажилис Парламента страны проявлялся не только в деятельности предвыборной кампании политических активистов и лидеров, но в деятельности политических партий.

Главными признаками проявления этнического аспекта были следующие примеры в ходе предвыборной кампании.

Участие в деятельности и ходе предвыборной кампании политических партий, членов и работников Ассамблеи народов Казахстана, в особенности лидеров национально-культурных центров в качестве поддержки и защиты политических интересов партий, а также выразителей и представителей предвыборных платформ партий. Являясь известными лидерами и членами национально-культурных центров, их деятельность осуществляется в качестве членов партий на собраниях и конференциях политических партий. Общественная известность и высокое положение в Ассамблее дают косвенные и непосредственные возможности для ее членов осуществлять политическую пропаганду в пользу как политической партии и общественно-политической организации.

Таким образом, необходимо заметить, что Ассамблея народов Казахстана как организация, представляющая интересы этнических групп страны, стала механизмом осуществления политических амбиций, интересов политических партий и методом достижения политических результатов и целей политических деятелей.

Другим видом поддержки партий стал пример участия лидеров национально-культурных центров в политических прениях и дебатах на телевидении. Можно отметить, что Ассамблея народов Казахстана как организация, получающая помощь и поддержку со стороны государственных органов, должна представлять государственные, национальные интересы и мнение этнических групп страны. В данном случае Ассамблея скорее должна выступать в качестве арбитра, объективного сторонника, но никак не сторонника какой-либо политической стороны. Участие членов Ассамблеи может внести разночтение в ход деятельности организации, так как программы и планы политических партий в теории могут быть отличными от

позиции этнических групп. Более того, в соответствии с протестантской политической этикой этнический фактор не должен быть причиной или поводом предпочтения той или иной партии во время выборов в полиэтничном государстве, придерживающемся демократических политических принципов.

Политические партии стали главными акторами выдвижения и развития этнического аспекта во время прошедших выборов. Исследование представленных кандидатов в депутаты Мажилиса дает возможность подтвердить предположение, в особенности, выборы по городу Алматы стали показателем этнополитических ориентиров политических партий. Представляя в основном кандидатов от одной этнической группы, политические партии определенно ожидают поддержку именно от этих этнических групп. Таким образом, отдавая предпочтение одному этносу, политическая партия становится выразителем их мнения и позиции, а также, получая властные полномочия, в теории будет стараться выполнять свои обещания на государственном уровне. В этой связи как отрицательный фактор такого развития политической партии может быть условие этнического разделения не только в партийном масштабе, но и общественном.

Другим важным показателем роста этнического аспекта на выборах в Парламент РК стала активная деятельность как отдельных независимых кандидатов, так и кандидатов от политических партий. Так, яркая политическая деятельность имела место у кандидатов, представляющих национально-культурные центры республики и политические партии. Основными механизмами осуществления своих предвыборных акций и программ были: PR-акции, агитация, листовки, возможности СМИ. Во многом, представляя интересы политических партий, политическая предвыборная деятельность отражала несколько аспектов:

- политическая партия, в которой состоит данный кандидат, представляет интересы именно этой этнической группы;
- кандидат был поддержан, и его общественно-политическая роль была признана именно этой политической партией;
- данная политическая партия способна оценить интересы данной этнической группы и способна выполнить их после победы на выборах;
- данная общественно известная личность выбрала как наиболее лучшую именно эту политическую партию и ее программу.

В этой связи членство общественно-политических лидеров, косвенно или непосредственно участвующих в предвыборной кампании, также каким-либо образом связывает организацию с их политической деятельностью. Особенно известная принадлежность кандидата к определенной этнической организации и возможная его известность и узнаваемость влияют на актуальность этнического аспекта в период предвыборной кампании. Более того, объединение известности кандидата, представляющего наиболее значительную этническую группу и популярную политическую партию, в итоге могут дать эффективность и достижение поставленных целей.

Этнический аспект в ходе предвыборной кампании в деятельности отдельных кандидатов выражался в различных интервью, статьях в СМИ и, в особенности, на листовках, плакатах. Этнический мотив проявлялся в текстах политических предвыборных программах. Главным носителем этнической информации можно считать листовки, плакаты, программы. Так, явной формой и способом донесения данной информации выступал задний фон и окружающий план кандидатов на листовках и плакатах. Таким образом, важной частью этнической информации в политическом процессе становятся культурно-традиционные особенности, конфессиональные атрибуты, которые формально не могут быть прямым отражением этнической пропаганды и политики.

Таким образом, использование этнического аспекта политическими деятелями может объясняться несколькими причинами:

- существует определенная эффективность при использовании этнического аспекта в ходе выборов

- использование этнических аспектов может придать кандидату определенный характер и харизму.

Тем самым кандидаты в депутаты, представляясь не только в качестве представителей общественно-политических групп, но и от национально-культурных центров, членов Ассамблеи, этнических организаций, все более поднимают этнический аспект и основы на политический уровень.

Другим отрицательным условием данного процесса является факт того, что этнические организации, национально-культурные центры получают государственную поддержку, финансирование, тем самым в теории являясь нейтральными к политическим процессам, но, однако, выступают за одну поли-

тическую партию и тем самым теряют свою аполитичную позицию и объективность.

При этом необходимо отметить, что рост и развитие актуальности и значения этнического аспекта скорее может быть фактором разъединения общества, чем причиной его единения и сплоченности. Сознвая многие условия и трудности в прошлых общественных, политических проблемах между людьми в странах бывшего СССР, можно сказать, что причинами их были также и этнические аспекты. Во многом большинство современных общественных и межгосударственных конфликтов и войн на Ближнем Востоке, Балканах, в Азии имели одними из причин именно этнические, конфессиональные основы и условия.

Вследствие этого увеличение связи этнического аспекта и развитие условий, имеющих причинами этнические основы в политической сфере, и, более того, в демократических выборах процессах, могут считаться скорее отрицательной тенденцией и негативным результатом политических процессов в государстве.

Все это характеризует признаки появления в политическом процессе, политической системе перемен новых условий и значений, отражающихся на росте этнического аспекта в политике. Однако отрицательным условием может быть не сам факт роста этнического аспекта, но участие в этом процессе политических партий, поддерживающих президента и представляющих большую часть интересов в обществе.

Этнический аспект неслучайно признается в качестве антидемократического условия, так как это противоречит многим демократическим ценностям и наиболее важной из них – возможности защиты и представления прав и интересов всех слоев и групп общества, в том числе и этнических меньшинств. Более того, свободный выбор избирателей из числа малочисленных этносов будет ограничиваться кандидатами от основных этнических групп.

В этой связи можно выделить несколько, наиболее отрицательных, последствий роста и развития этнического аспекта в осуществлении политических процессов страны:

- политика, имеющая этнические основы, будет противоречить демократическим ценностям и принципам;

- победа этнического большинства ослабит политико-правовую защищенность прав и интересов этнических меньшинств;

- в целом в данных условиях возрастает риск конфликтности в полиэтничном общест-

ве, способный разрушить общественное единение, толерантность в межэтнических отношениях и ведущий к дестабилизации страны;

- деятельность политической власти, прошедшей в результате этнической поддержки, будет восприниматься как действие в интересах определенной этнической группы, что, в свою очередь, будет влиять на ее функции и эффективность.

Увеличение интереса правящих властных партий к возможностям этнического аспекта на выборах, политическим возможностям национально-культурных общественных организаций, можно объяснить множеством причин и условиями. Вместе с самыми объективными причинами можно выделить такие, как увеличение этнического самосознания, необходимость решения проблем этнических групп политическими мерами. Перемены в структурах принятия политических решений также могут быть признаком политических процессов, происходящих во власти.

Другим важным политическим изменением может быть деятельность политических партий на этническом уровне. Особенность данного аспекта заключается в его значительном общественном характере. Перевод этнического аспекта на государственную и партийную плоскость становится причиной его роста и внимания к нему. В этой связи данный процесс в данных условиях может иметь больше отрицательных последствий, чем положительных сторон.

Однако необходимо понимать, что данный процесс имеет все же неофициальный характер и неструктурированные формы. Также важно понимать, что настоящие факты лишь констатируют о фактическом появлении, но не о его развитии состоянии и достижении значительной эффективности. В этом смысле трудно считать, что связанные с данным процессом негативные последствия и окончательные результаты будут иметь место в ближайшее время. Можно лишь ожидать экстенсивное увеличение примеров и фактов роста этнополитического аспекта на местах, в регионах, на выборах в разных уровнях политического процесса.

Качественные перемены могут произойти при введении системы выборности в местные органы власти. Региональная и локальная представленность основных этнических групп будет способствовать развитию этнического аспекта в политическом процессе. Компактное проживание этнических групп в регионах страны будет решающим в процессе развития политических организаций, лиде-

ров и групп влияния. Политическая представленность этнических групп будет более всего осуществляться именно на уровне местной региональной власти.

Подытоживая, необходимо отметить, что, вместе с ростом этнического аспекта в борьбе за власть, на выборах разного уровня можно ожидать развития связанных с этим обязательных элементов. Наиболее вероятные перемены могут произойти в отношении этнических СМИ, групп давления, общественно-политических организаций. Также важным элементом изменений может быть появление организованной части общественности в поддержку инициатив организаций.

СМИ являются незаменимым и основным каналом связи и переговоров членов общества друг с другом и властью. Этнические СМИ могут выполнять больший круг функций и деятельности, которые определяют его актуальность и необходимость. Одной из причин появления новых этнических СМИ или ориентированную на этнические вопросы прессу могут быть такие основы:

- невыполнение существующими СМИ своих функций, что можно видеть по фактам тиражей прессы, откликам телезрителей, но, самое главное, в отношении к ним членов самих этнических организаций и соответствующих специалистов;

- необходимость существования объективных и независимых СМИ от государственного влияния и позиции;

- увеличение роли и статуса Ассамблеи может повлиять на возможность открытия отдельных СМИ, объединяющих основные национальные меньшинства и группы, как о том можно часто услышать в ходе сессий Ассамблеи;

- в ходе общей политизации общественного сектора, в том числе и средств массовой информации, могут появиться оппозиционные и реакционные каналы связи, выступающие с резкими замечаниями по этническим вопросам и проблемам.

Появление новых этнических общественно-политических организаций также будет вероятным элементом роста этнического аспекта, как в политической, так и в общественной сфере. Известно, что в политической науке осуществляется разделение между этноориентированными общественно-политическими объединениями и этническими культурными объединениями, однако общий рост политизации сократит это разделение в пользу большей политизации. Можно выделить основные изменения в функциях и деятельнос-

ти этнических общественно-политических организаций:

- защита и представление интересов этнической группы;
- выдвижение и поддержка политических процессов и заявлений;
- увеличение роли политических отношений с общественностью и связи с государственными органами;
- организация и координирование финансовой и материальной помощи этнической группе;
- организация и осуществление посреднических связей общественности и государственных органов;
- налаживание и осуществление межнациональных отношений с зарубежьем;
- осуществление региональной координации и объединения усилий этнических групп вокруг общественно-политических проблем и вопросов.

Таким образом, примеры на выборах выявили появление и развитие этнического аспекта в политической системе страны. Это охарактеризовало дальнейшее развитие выборной системы и усложнение общественных отношений, в том числе и межэтнических. Однако появление этнического аспекта на выборах все же может считаться отрицательным явлением для развивающегося государства без устоявшихся демократических традиций. Развитие этнического аспекта в среде политических партий характеризует их ориентир на тактические выгоды и результаты. В этой связи достижение среднесрочных перспектив может сказаться на дальнейших перспективах и программах партий.

Анализируя вышеперечисленные факты, можно сделать некоторые выводы и прогнозы дальнейшего развития этнических принципов в политической и государственной сферах. В данном смысле в качестве вероятных будущих условий развития выделяются такие аспекты:

- можно ожидать дальнейшего развития этнического аспекта на выборах в будущие местные органы власти, выборах депутатов уровня, Парламент страны;
- завершение практико-идеологических возможностей политического представительства общественно-политических организаций этнических групп в Парламенте и местных законодательных органах;
- завершение идеологической и практической политизации Ассамблеи народов Казахстана и существующих этнических организаций;

- развитие парламентаризма, региональных законодательных органов позволят создать возможности организованного представительства основных этнических групп в составе главных политических партий;
- выдвижение новых лидеров этнических групп, способных выдвигать и объединять общественные и политические требования и цели;
- политизация или реорганизация государственных СМИ на более профессиональную деятельность, а также возможное появление СМИ, отражающих мнение этнических организаций.

Значительные перемены в процессе выборов, в борьбе за представление в Парламенте, за выдвижение и защиту интересов и прав этнических групп, в развитии общественно-политических организаций выдвигают вопросы их эффективности и адекватного функционирования. Вместе с развитием и положительными переменами в пространствах республики и общества могут возникнуть также кризисы и отрицательные моменты. В этой связи, исследуя развитие этнического аспекта, необходимо проанализировать условия прогнозируемых перемен для предупреждения возможных будущих проблем и кризисов.

Среди сегодняшних перемен в процессе выборов, в политической активности можно выделять как положительные (желательные) перемены, так и отрицательные (нежелательные) изменения. Одними из вероятных положительных перемен и условий могут быть:

- свободная возможность выдвижения структурированных и организованных требований и предложений со стороны этнических групп и организаций;
- общее развитие процесса выборов отразится на эффективности и функциях политических партий, в том числе и в отношении выполнения интересов национальных меньшинств;
- большая отзывчивость политических лидеров и организаций к решению проблем и сложностей национальных меньшинств;
- повышение политической культуры и образования положительно скажется на объединении представителей этносов вокруг решения социальных, духовных, культурных проблем и вопросов.

В числе вероятных отрицательных моментов и последствий роста этнического аспекта в политическом пространстве и, в частности, в процессе выборов могут быть:

- в целом этнический аспект может иметь значительные отрицательные моменты при объединении понятий «этнос» и «власть», когда победа политической партии или кандидата будет связываться с определенной этнической группой, остальные же будут считаться проигравшими;

- изменение статуса и функций Ассамблеи народов Казахстана может привести к ее распаду или кардинальной реорганизации, которая повлияет на ее авторитет и известность;
- появление новых лидеров, общественно-политических организаций среди этнических групп повлияет на борьбу за легитимность представления интересов национальных

меньшинств, в том числе и с государственными органами;

- в период борьбы за власть, выборные процессы, политическое представительство возможны резкие высказывания и невыполнимые требования как со стороны этнических лидеров, так и общественных организаций;

- противодействие или прямой запрет государственными органами на естественный рост этнического аспекта, на политизацию этнических организаций, которая будет сопровождаться большей независимостью мнений и действий, могут привести к взаимной неприязни и конфликтам.

Численность оралманов в малых городах и поселках городского типа Восточно-Казахстанской области (1991–2002 годы)

УАЛТАЕВА А.С.

Обретение суверенитета и независимости Республики Казахстан стало поворотным моментом в развитии миграции этнических казахов. После многолетних скитаний казахи, по воле судьбы оказавшиеся за пределами Казахстана, получили возможность возвратиться на историческую родину и воссоединиться со своим этносом. Переезд казахов из Монголии в феврале 1991 года положил начало массовой репатриации казахов из стран дальнего и ближнего зарубежья.

13 декабря 1997 года был принят Государственный Закон Республики Казахстан «О миграции населения», в котором определяются статус мигрантов, основные направления деятельности государства по регулированию процесса миграции.

8 декабря 1997 года было образовано Агентство Республики Казахстан по миграции и демографии, занимающееся всем спектром проблем оралманов, их социально-бытовым обустройством.

Большим процентом заселения оралманов характеризуются Южно-Казахстанская,

Мангистауская, Алматинская, Жамбылская и Акмолинская области. Это связано, прежде всего, с привычным укладом жизни, приемлемыми климатическими условиями, животноводческим направлением хозяйства.

Особо хочется остановиться на переселении оралманов в малые города и поселки городского типа Восточно-Казахстанской области. Из прибывших за период 1991–2002 годы 1068 семей (5017 этнических казахов) в нашу область, в малые города и поселки городского типа заселились только 448 оралманов – 8,93%. Основные пункты заселения: города Зайсан, Шар, Аягоз, Шемонаиха и поселки городского типа Молодежное, Белоусовка.

В 1991 году по индивидуальному трудовому соглашению с руководителями местных хозяйств приехали 72 семьи (216 человек) – 2,3% от общей численности прибывших в ВКО оралманов – 1822 семей (9230 человек). В Зайсан – 36 семей (92 человека), из них 6 многодетных, в Шар – 25 семей (69 человек), в Аягоз – 11 семей (55 человек) (таблица 1).

Так как мигранты не имели казахстанского гражданства, начавшаяся в 1993 году приватизация усложнила их жизнь. Оралманы были обделены в политических и социальных правах, оказались в тяжелых условиях, что способствовало их возвращению в Монголию или миграции по республике в поисках заработка и жилья.

С 1993 года государство устанавливает квоту иммиграции, то есть число оралманов, ежегодно допускаемых к переселению на

территорию республики, на которых распространяются льготы и компенсации. Это способствовало увеличению численности мигрантов, наибольшее количество которых проживало в малых городах в 1994 году – 448 человек, из них в Зайсане – 149 человек, 9 многодетных семей. Появляются семьи, образованные в Республике Казахстан, и 4 новорожденных. Увеличивается количество оралманов, имеющих высшее и среднее образование. В Шаре – 44 семьи (97 человек),

Таблица 1. Расселение оралманов в малых городах ВКО (1991–2002 годы)

Годы	Кол-во семей	Кол-во человек	Женщин	Мужчин	Детей	Многодетные семьи	Высшее и среднеспециальное образ.	Семьи, образованные в РК	Родились в РК	Умерли в РК
Зайсан										
1991	36	92	27	18	47	6	2	—	—	—
1992	44	128	30	22	76	7	3	2	3	2
1993	47	136	34	22	80	7	3	1	2	—
1994	51	149	37	25	87	9	4	3	4	1
1995	46	134	33	23	78	6	2	—	1	—
1996	31	112	24	15	73	4	2	—	—	1
1997	14	76	14	6	56	4	1	1	4	—
1998	11	67	10	4	53	2	1	—	—	1
1999	13	76	12	5	59	2	3	1	—	—
2000	11	51	14	5	37	2	2	—	1	—
2001	16	58	15	8	35	2	4	2	2	1
2002	23	78	19	11	48	2	6	1	1	—
Чарск										
1991	25	69	15	12	42	3	1	—	—	—
1992	37	82	23	19	40	5	3	1	2	—
1993	41	89	26	20	43	5	3	1	1	—
1994	44	97	28	21	48	6	4	2	4	—
1995	39	87	21	17	49	6	4	2	3	1
1996	36	80	20	15	45	5	3	1	2	2
1997	31	71	20	11	40	4	3	—	1	—
1998	25	62	17	11	34	4	2	1	2	—
1999	19	51	16	9	25	3	2	—	—	—
2000	14	50	14	8	28	2	5	2	1	1
2001	13	48	10	7	31	2	5	—	—	—
2002	13	48	10	7	31	2	5	—	—	—
Аягуз										
1991	11	55	11	6	38	1	—	—	—	—
1992	17	79	14	8	57	3	1	1	—	—
1993	24	119	18	12	89	6	3	4	1	2
1994	22	103	18	11	74	6	3	—	3	—
1995	22	106	20	13	73	6	3	1	3	—
1996	19	91	14	7	70	4	2	—	1	1
1997	14	79	11	6	62	3	2	—	—	—
1998	11	64	11	5	48	3	3	1	—	1
1999	9	45	9	4	32	1	3	—	1	—
2000	10	46	11	4	31	1	5	2	1	1
2001	12	51	13	5	33	1	4	—	—	—
2002	12	57	15	7	35	1	2	—	—	1
Шемонаиха										
1998	4	28	6	2	20	1	—	—	—	—
1999	7	41	8	3	30	2	1	1	—	—
2000	12	44	11	5	28	2	3	1	1	1
2001	13	52	13	6	33	2	3	—	1	—
2002	13	48	14	6	28	2	3	—	—	—

Текущие архивы отдела миграции и демографии ВКО, 2002 год.

из них – 6 многодетных семей; повышается образовательный уровень мигрантов. В Аягозе – 22 семьи (103 человека), 3 детей родились в Казахстане. С 1995 года наблюдается тенденция отъезда оралманов из малых городов. Это связано с тем, что оралманы приезжали к родственникам, знакомым, но более суровые климатические условия, потеря организационно-хозяйственных функций малыми городами, приостановка работы предприятий, дефицит рабочих мест способствовали переезду оралманов в другие области республики.

С 1998 года мигранты проявляют интерес к промышленному городу Шемонаихе, где в 2002 году наблюдается тенденция увеличения их количества на 71,4%.

К 2000 году Агентство Республики Казахстан по миграции и демографии совместно с областными отделами провели большую работу по учету оралманов, решались их социально-экономические проблемы, что способствовало планомерной и действенной помощи мигрантам. Как результат, с этого периода идет процесс увеличения числа оралманов не только в малых городах, но и в поселках городского типа, в частности Молодежном и Белоусовке (таблица 2).

Таблица 2. Расселение оралманов в поселках городского типа ВКО (2000–2002 годы)

Годы	Кол-во семей	Кол-во человек	Женщин	Мужчин	Детей	Многодетные семьи	Высшее и среднеспециальное образ.	Семьи, образованные в РК	Родились в РК	Умерли в РК
Молодежное										
2000	1	6	1	1	4	—	—	—	—	—
2002	13	50	—	—	—	—	—	—	—	—
Белоусовка										
2000	1	5	1	1	3	—	—	—	—	—
2002	1	5	1	1	3	—	—	—	1	—

Текущие архивы отдела миграции и демографии ВКО, 2002 год.

Количественный показатель оралманов увеличивается с 2001 года, повышается их образовательный и профессиональный уровень.

Рассматривая вопросы естественного воспроизводства мигрантов, можно проследить тенденцию планирования семьи, установку на малолетность, характерные городской местности. Вытесняется привычная многодетная семья у оралманов, в семьях, образованных в РК, наблюдается низкий процент рождаемости.

В области на 1 января 2003 года проживает 1086 семей оралманов (5219 человек), из них в малых городах и поселках городского типа проживает: в Зайсане – 35 семей (132 человека), Шаре – 13 семей (48 человек), Аягозе – 13 семей (61 человек), Шемонаихе – 13

семей (48 человек), Белоусовке – 1 семья (5 человек) и в Молодежном – 13 семей (50 человек).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что, согласно утвержденной Правительством Программе демографического развития РК на 2001–2005 годы и отраслевой Программе миграционной политики РК на 2001–2010 годы, государство проводит большую работу по регулированию миграции населения. В 2004 году по квоте иммиграции планируется принять 10 000, а в 2005 году – 16 000 семей. Эта огромная армия людей, которые должны адаптироваться к жизни в новых условиях. Малые города и поселки городского типа Восточно-Казахстанской области должны стать привлекательными для этой категории населения. Привычные животноводческое направление хозяйства и сельский образ жизни оралманы хотят сочетать с возможностью получения их детьми высококачественного образования, более цивилизованных условий быта. Выделяемые государственные пособия на приобретение жилья не могут быть достаточными для покупки квартиры в большом городе, но достаточны в малом или поселке городского типа. Мигрантов необходимо переучивать, организо-

вывать профессиональное обучение, они не могут на рынке труда конкурировать с горожанами при условии дефицита рабочих мест. В малых же городах можно создавать собственные производства, брать микрокредиты. В последнее время увеличивается количество мигрантов из Китая, которые ориентированы на занятие коммерцией, торговлей и производством.

Так как оралманы, желающие жить в городах, не могут сразу адаптироваться в большом мегаполисе, необходимо усилить организационно-хозяйственные функции малых городов, передать часть управленческой деятельности областных организаций, что будет способствовать решению многих проблем на местах. Особо значимым станет вопрос рас-

ширения сети среднего и среднеспециального образования, что приведет к получению специальности на месте. Открытие культурных центров, библиотек, функционирование больниц, оказание своевременной медицинской помощи, организация структуры дошкольного воспитания, материальная поддержка государства после рождения ребенка способствовали бы заселению малых городов и поселков городского типа оралманами.

Позитивная внешняя и внутренняя политика Республики Казахстан способствует миграционному притоку в страну, что должно улучшить общую демографическую ситуа-

цию как в целом в республике, так и в малых городах, поселках городского типа Восточно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 13.12.97 года.
2. Программа демографического развития РК на 2001–2005 годы. – Астана, 2002.
3. Отраслевая Программа миграционной политики РК на 2001–2010 годы. – Астана, 2002.
4. Текущие архивы Областного отдела миграции и демографии. – Усть-Каменогорск, 2002.

К вопросам влияния экологического кризиса на социальное состояние населения в трансформационный период (на примере Кызылординского региона)

ИТАЛМАСОВА Р.Б.

Наиболее характерная черта природных условий Кызылординской области – ее размещение в пустынной зоне, резко континентальный климат, высокий солнечный радиационный баланс. По радиационному, температурному, влажностному, ветровому и другим природно-климатическим параметрам Кызылординский регион для проживания людей считается дискомфортным. Область входит в территорию экологического бедствия в связи с усыханием Аральского моря. Объем воды в Аральском море уменьшился на 65%, засоленность возросла на 33%. Объем соли на дне высохшего моря достиг порядка 107–114 млрд тонн. По подсчетам специалистов, по мере усыхания Арала на 1 кв. км площади будет оседать около 70 тыс. тонн соли, которая при бурях рассеивается на расстояние до 500 км. Величина солености возросла на 2,5% (по сравнению с многолетними данными),

содержание растворенного кислорода постоянно снижается. Уменьшение поверхности моря привело к усилению континентальности климата, понижению влажности воздуха на 20–30% [1].

Сложилась тяжелая ситуация с питьевым водоснабжением. Около 75% населения Приаралья сегодня употребляет водопроводную воду, остальные вынуждены пользоваться открытыми источниками, в которых вода не отвечает санитарным требованиям. В некоторых населенных пунктах пользуются привозной водой. Низкое качество питьевой воды является источником многих заболеваний. Все это в конечном итоге оказывает отрицательное влияние на здоровье населения области.

Космические исследования (запуски космических ракетносителей с космодрома Байконур) также оказывают неблагоприятное воздействие на состояние здоровья населения

всей области и прилегающих к ней регионов. На данный момент российскими и казахстанскими учеными проводятся исследования по степени воздействия ракетных запусков на окружающую среду непосредственно и на местное население. Результаты должны быть готовы к концу 2004 года.

На территории области проживает 607,9 тыс. человек на 2003 год. Из них коренное население составляет около 90%. На долю городского населения области приходится 60,3%, сельского 39,7%. Средняя продолжительность предполагаемой жизни населения составляет 64 года [1].

В демографической ситуации области за последние десять лет отмечается снижение естественного прироста на 37,8%, составив в 2001 году 13,5 на 1000 человек. Рождаемость снизилась на 27,5%, а смертность увеличилась на 4,2%. Свыше 80% причин смертности приходится на сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные образования и травмы.

Заболеваемость населения области в 2001 году составила 66 437,3 на 100 тыс. населения. Областной показатель заболеваемости детского населения превышает республиканский в 1,2 раза. В структуре заболеваемости ведущее место занимают болезни органов дыхания (33,3%), болезни кожи (9,5%) и желудочно-кишечного тракта (8,3%) [1].

Повышение уровня заболеваемости населения и частота тяжелых форм заболеваний связаны с резким нарушением экологического равновесия в области и социально-экономическими трудностями данного периода. Обратимость населения города и прилегающих сельских населенных пунктов за счет медицинской помощи ежегодно остается высокой – 467,4 на 1000 человек, при республиканском – 235,0. Это вызовы по по-

Таблица 1. Заболеваемость злокачественными новообразованиями на 100 тыс. населения [2]

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2001
РК, всего	157,7	155,7	163,6	166,7	188,5	173,0	191,7	—
в т.ч. Кызылординской области	165,6	137,7	140,2	130,2	146,1	110,7	149,2	142,3

воду внезапных заболеваний (78%), несчастных случаев (16%), родов и патологий беременности (6%). Основные причины среди всех неотложных состояний, требующих безотлагательных мер и немедленной диагностики, это состояния при внезапной остановке сердца (40%), шоках (5%), массивных кровотечениях (15%), обширных травмах (18%), острых отравлениях (22%). Одной из злободневных медико-демографических проблем для области по-прежнему остается младенческая

смертность, а также смертность населения от сердечно-сосудистых заболеваний в молодом возрасте, особенно в первые часы, сутки на догоспитальном этапе, что во многом отражает состояние здоровья нации и уровень развитости здравоохранения [1].

При этом оснащенность оборудованием городской станции скорой медицинской помощи Кызылординской области в настоящее время не отвечает своевременным требованиям, из которых большая часть эксплуатируется с истекшим сроком службы.

Несомненным позитивом является открытие в области двух медицинских центров: диагностического центра здоровья и областного медицинского центра, ставших центрами консультативно-лечебной и организационно-методической помощи. Оба центра оснащены новейшими приборами, оборудованием. Областной медицинский центр расширяет диапазон хирургических вмешательств, средств и методов диагностики и лечения.

Неблагоприятная экологическая ситуация в регионе сказывается, прежде всего, в Аральском и Казалинском районах как наиболее территориально близких к высыхающему морю. Показатели заболеваемости в них являются высокими, как в областном, так и республиканском масштабах. Растет здесь заболеваемость раком желудка, пищевода, печени, кожи и молочной железы.

Высокие уровни минерализации, жесткости и отдельных компонентов солевого состава воды, а также загрязнение окружающей среды канцерогенами, различными токсическими веществами и минеральными удобрениями в регионе оказывают прямое отрицательное воздействие на состояние здоровья и на уровень предопухолевых и опухолевых заболеваний.

Как видно из данных таблицы 1, наибольший процент онкозаболеваний приходится на районы, прилегающие к Аральскому морю и Байконуру, более благоприятная ситуация в южных районах. Однако в последние годы ситуация ухудшается в районе Шиели, где ведутся работы на урановых рудниках.

В структуре онкологической заболеваемости первое место занимает рак пищевода. Основной причиной называют, в первую очередь, экологический фактор. Это повышен-

Таблица 2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек [3]

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2001
РК, всего	130,2	108,3	88,2	71,1	65,8	67,1	153,2	—
В т.ч. Кызылординской области	191,0	237,6	110,1	83,5	129,2	114,5	303,8	290,9

ная минерализация почв и воды, резко континентальный климат, «на территории существует множество полей испарений, куда сбрасываются коммунальные и промышленные сточные воды, содержащие бензапирен (БП), канцерогенные металлы (никель, кобальт, цинк, свинец, медь, мышьяк). Сбрасывается туда же техническая вода, использованная при бурении нефтяных скважин, также содержащая БП. После испарения воды на этих полях образуется темно-грязного цвета рыхлый слой почвы, содержащий указанные канцерогены, легко образующие пылевую пудру, даже при небольших ветрах. В таких условиях частицы пыли и песка, содержащие канцерогены... могут служить одним из факторов генезиса рака пищевода» [4]. Почвенный слой в регионе представлен песком с солевой корочкой почти на 100%, недостаток в весенне-летний период воды не позволяет полноценно заниматься выращиванием овощебахчевых культур или фруктовых деревьев, что сказывается, в свою очередь, на витаминном дефиците среди основной массы населения. Как следствие, среди женщин и детей 90%, страдающих анемией.

Территория бедна проточными высококачественными водами. Воды действующих источников водоснабжения высоко минерализованы, насыщены хлоридно-натриевыми солями. А основной источник водоснабжения региона – река Сырдарья загрязнена канцерогенами, коканцерогенными веществами [4].

Значителен процент туберкулезной заболеваемости в регионе. Как известно, причинами этого заболевания является неблагоприятная социальная обстановка, провоцирующая снижение иммунной системы человека. Последние пять лет отмечены резким ростом заболеваемости как среди взрослых, так и среди детей.

Значительно ухудшилось эпидемиологическое положение туберкулеза в городе Кызылорде.

В целом можно утверждать, что основной причиной увеличения как числа, так и количества заболеваний является царящая уже на протяжении 40 лет неблагоприятная экологическая обстановка. Более того, в регионе можно считать потерянным большое количество территорий, поскольку они не пригодны для проживания на них людей. Соответственно целесообразнее помочь людям переехать из регионов, близлежащих к Аральскому морю и космодрому Байконур, в более экологически благополучные районы, так как проживание здесь чревато негативными последствиями и бесперспективно не только для нынешнего, но и последующего поколений.

Ожидаемая отмена статуса зоны экологического бедствия, к которой стремятся местные власти, сегодня должна сопровождаться производственной компенсацией местному населению. Экологические льготы, якобы порождающие иждивенческие настроения, не удержат основную массу населения, если у него появится реальная возможность миграции в более благополучные регионы страны. Под производственной компенсацией мы понимаем возрождение реального сектора экономики в регионе с соответствующей занятостью экономически активного населения и предоставления возможности переезда в более благополучные части самого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные областного управления здравоохранением, 2002 год.
2. Данные областного медицинского центра, 2002 год.
3. Там же.
4. Каримов К., Сарсебеков. Роль среды обитания в образовании рака пищевода // Сбл. Экологические проблемы Казахстана. – А., 1990. – С. 88.

Основные проблемы и перспективы развития транзитного потенциала государств ЕврАзЭС

РАХМАТУЛИНА Г.Г.

(Окончание. Начало в №1, 2005)

2.2. Анализ основных проблем интеграционного сотрудничества государств ЕврАзЭС в отраслях нефтегазового комплекса и эффективного использования транзитного потенциала

Важным фактором формирования общего энергетического рынка государств ЕврАзЭС является развитие интеграционного сотрудничества стран Сообщества в отраслях нефтегазового комплекса, развитие которого имеет важное политическое значение особенно для Казахстана и Российской Федерации.

Правительствами государств ЕврАзЭС приняты соответствующие меры по углублению интеграционного взаимодействия в нефтегазовой отрасли:

1. Сформирована соответствующая законодательная база углубления интеграционного взаимодействия государств Сообщества в нефтегазовом секторе.

2. Энергетическими ведомствами России и Казахстана разработан совместный топливно-энергетический баланс (ТЭБ) в части развития нефтегазового комплекса.

В соответствии с Планом мероприятий по реализации решений 7-го заседания Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Республикой Казахстан и Российской Федерацией (от 20.03.2003) энергетические ведомства данных государств разрабатывают совместный топливно-энергетический баланс (ТЭБ).

В рамках составления совместного ТЭБ разрабатывается Совместный баланс нефтяного и газового сырья Республики Казахстан и Российской Федерации на 2004–2015 годы, который станет основой для формирования согласованных объемов экспортных и транзитных поставок нефтегазовых ресурсов,

соответствующего Плана их транспортировки и модернизации нефтегазотранспортной инфраструктуры.

3. Приняты меры по эффективному использованию транзитного потенциала государств ЕврАзЭС, развитию нефтегазотранспортной инфраструктуры и расширению экспортных возможностей поставок нефтегазовых ресурсов в третьи страны.

7 июня 2002 года Республика Казахстан и Российская Федерация подписали долгосрочное Соглашение о транзите нефти, по которому Казахстану гарантируется возможность осуществления транзита по системе нефтепроводов ОАО «АК «Транснефть»» (в направлении Атырау – Самара в объеме не менее 15 млн тонн в год; в направлении Махачкала – Новороссийск – не менее 2,5 млн тонн в год).

На современном этапе нефтепровод Атырау – Самара и транзит через территорию России и далее по трубопроводной системе Республики Беларусь является основным направлением экспорта казахстанской нефти.

Ключевым элементом будущей нефтетранспортной инфраструктуры ЕврАзЭС является проект Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), обеспечивающий выход казахстанской нефти на экспортный терминал Черного моря. Ввод в эксплуатацию КТК решает одну из самых важных проблем нефтегазовой промышленности Казахстана и России – создание достаточных мощностей для экспорта нефти, что даст возможность развивать проекты по добыче нефти на существующих месторождениях нормальными темпами. Реализация данного проекта будет способствовать увеличению экспорта казахстанской и российской нефти на мировой рынок.

Перспективное значение в связи с этим имеет введение в эксплуатацию трубопровода Кенкияк – Атырау для транспортиров-

ки нефти с месторождений Актюбинской области на Атырауский НПЗ через нефтепроводные системы Атырау – Самара и КТК на экспорт.

Важное значение в развитии нефтегазотранспортной инфраструктуры ЕвразЭС имеет участие России и Казахстана в проекте **Балтийской трубопроводной системы**, предназначенной для экспорта нефти с месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, а также регионов Западной Сибири и Урало-Поволжья с вовлечением нефти других государств СНГ и, в первую очередь, казахстанской нефти через балтийский порт Приморск. Учитывая, что в долгосрочной перспективе истощение североморских месторождений будет стимулировать спрос на нефтяные ресурсы в Северо-Западной Европе, актуальность экспорта нефти в данном направлении будет возрастать.

Перспективное значение в расширении экспортных возможностей поставок нефтяных ресурсов России и Казахстана имеет планируемое участие этих стран в **проекте интеграции нефтепроводов «Дружба» и «Адрия»**, целью которого является создание экспортного направления транспортировки нефти из России, Казахстана и других стран СНГ на мировые рынки через глубоководный порт Омишаль на хорватском побережье Адриатического моря.

В случае успешной реализации данного проекта, во-первых, будет создано новое направление экспорта с выходом на мировые рынки, во-вторых, появится возможность транспортировки нефти в обход перегруженных турецких проливов Босфор и Дарданеллы.

Важное значение в развитии нефтегазотранспортной инфраструктуры государств ЕвразЭС имеет принятие правительствами России и Казахстана совместных мер по реабилитации **нефтепровода Омск – Павлодар – Шымкент – Чарджоу**, который в настоящее время загружен лишь на 20%. Модернизация данного нефтепровода будет способствовать развитию транзитного и экспортного потенциалов стран ЕвразЭС, поскольку предполагается осуществление экспортных поставок нефти по указанному нефтепроводу в иранском направлении.

В настоящее время Россия и Казахстан осуществляют также активное сотрудничество в области транзита газа. На межправительственном уровне в августе 2003 года было принято решение об увеличении транзита среднеазиатского газа (*газопровод Средняя Азия – Центр*) и российского газа (*газопро-*

вод Оренбург – Новопсков) через Казахстан в Россию в 2003 году соответственно до 38,7 млрд куб. м и 60 млрд куб. м.

4. Создано совместное российско-казахстанское предприятие в области транспортировки газа.

7 июня 2002 года в соответствии с **Соглашением между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в газовой отрасли от 28 ноября 2001 года** Казахстан и Россия создали совместное предприятие **ЗАО «КазРосГаз»**, в котором доля участия стран составляет по 50%.

Функционирование ЗАО «КазРосГаз» способствует проведению согласованной политики России и Казахстана в области развития газовой промышленности и в перспективе станет важным фактором формирования общего рынка газа в рамках двух государств и других интеграционных объединений.

Таким образом, правительствами России и Казахстана проводилась активная политика по углублению интеграционного взаимодействия в отраслях нефтегазового комплекса, эффективному использованию транзитного потенциала, расширению экспортных возможностей поставок нефтегазовых ресурсов на мировые рынки.

Однако реализация указанных направлений сдерживалась рядом проблем:

1. Несогласованность в формировании тарифов на транзит нефтегазовых ресурсов.

Государствами ЕвразЭС до сих пор не выработаны единые подходы по формированию тарифов на транзит нефтегазовых ресурсов.

Например, для казахстанских экспортеров нефти транзитные тарифы более чем в два раза превышают тарифы для российских нефтяных компаний. В то же время белорусские тарифы одинаковы как для российских, так и для казахстанских экспортеров. Такого же равенства тарифов придерживаются трубопроводные компании Украины и Казахстана.

В связи с этим достижение согласованных тарифов на транзит нефтегазовых ресурсов должно стать одним из основных направлений развития интеграционного сотрудничества государств ЕвразЭС в области энергетики.

2. Недостаточное развитие нефтегазотранспортной инфраструктуры.

Наиболее активное развитие систем магистральных нефтепроводов в республиках бывшего единого государства происходило в

период с 1960 по 1980 годы. Четверть от общей протяженности магистральных нефтепроводов стран СНГ эксплуатируется свыше 30-ти лет, что зачастую приводит к возникновению на них аварийных ситуаций.

Кроме того, многие крупные газовые месторождения в Казахстане не имеют доступа к экспортным газопроводам, в том числе месторождения «Тенгиз», «Жанажол» и «Уритау».

В связи с этим (и учитывая необходимость расширения экспортных возможностей поставок нефтегазовых ресурсов России и Казахстана в третьи страны) важное значение имеет проведение работ по реконструкции и модернизации нефтегазотранспортной инфраструктуры и формированию новых экспортных маршрутов.

3. Неэффективное использование транзитного потенциала государств ЕвразЭС.

К сожалению, следует отметить, что в настоящее время сохраняется практика несогласованности действий энергетических ведомств России и Казахстана по вопросам рационального использования транзитного потенциала ЕвразЭС.

В частности, ОАО «Газпром» применяет дискриминационные меры по отношению к казахстанским товаропроизводителям в части транзита газовых ресурсов из Казахстана в Европу по территории России, вследствие этого сохраняются проблемы доступа в российскую газопроводную систему.

Безусловно, указанные факты противоречат всем принятым международным договорам в области энергетики (Договору к Энергетической Хартии, договорам и соглашениям в рамках ЕвразЭС, СНГ и двусторонним договорам и соглашениям) и сдерживают развитие интеграционных процессов в рамках Сообщества.

Анализ указанных выше проблем позволил сделать вывод о необходимости реальной интеграции государств ЕвразЭС в области энергетики и формирования в перспективе **общего рынка нефти и газа, главной задачей которого является достижение сбалансированности спроса и предложения нефтегазовых ресурсов, покрытие потребности в них потребителей по достаточно приемлемым ценам, обеспечение стратегически необходимых запасов нефти и газа и благоприятных условий для увеличения их экспорта в третьи страны.**

В связи с этим важное значение имеет разработка организационно-правового механизма функционирования общего нефтегазово-

го рынка, основой которого могут стать предложенные в разделе 3 направления интеграционного сотрудничества России и Казахстана в области энергетики.

3. Основные направления углубления интеграционного взаимодействия государств ЕвразЭС в области транспорта и энергетики и эффективного использования их транзитного потенциала

3.1. Основные направления углубления интеграционного взаимодействия государств ЕвразЭС в области транспорта и эффективного использования их транзитного потенциала

В целях принятия конкретных мер по углублению интеграционного взаимодействия государств ЕвразЭС в области транспорта и эффективного использования их транзитного потенциала представляется целесообразной разработка Секретариатом Интеграционного Комитета ЕвразЭС совместно с компетентными органами Сторон соответствующей **Программы формирования Единого транспортного пространства государств ЕвразЭС**, в рамках которой предусмотреть реализацию указанных ниже направлений.

1. Формирование согласованных принципов тарифной, налоговой и таможенной политики государств в области транспорта.

♦ В области тарифной политики на межправительственном уровне необходимо:

- договориться о последовательном снижении транзитных железнодорожных тарифов. На втором этапе – следует начать выравнивание тарифов в межгосударственном сообщении, затем – принять меры по сближению внутренних тарифов.

Для решения проблемы формирования тарифов на пассажирские перевозки в межгосударственном сообщении следует на межгосударственном уровне принять решение о применении равной стоимости проезда для граждан ЕвразЭС и создании благоприятных условий для увеличения объемов пассажирооборота с учетом интересов населения.

В конечном итоге должна быть выработана единая система тарифов на все виды перевозок (грузовых и пассажирских) железнодорожным транспортом.

В этих целях считаем целесообразным доработать утвержденные Решением Интеграционного Комитета Общие принципы формирования и применения железнодо-

рожных тарифов на перевозки грузов между государствами – участниками Соглашения о формировании Транспортного союза и п. 2 указанного документа изложить в редакции:

«Установление уровня тарифов на перевозки грузов в межгосударственном сообщении с участием железных дорог государств – участников Транспортного союза должно иметь недискриминационный характер. Уровень международных транзитных тарифов должен быть не выше, чем тарифы во внутригосударственном сообщении».

♦ В области налоговой политики целесообразно:

- разработать систему гибкого налогообложения транспортных предприятий с целью снижения тарифов на перевозки всеми видами транспорта.

В связи с этим на межправительственном уровне можно принять соответствующее Соглашение о проведении согласованной налоговой политики государств в области транспорта, реализация которого потребует внесения изменений и дополнений в действующие налоговые законодательства государств ЕврАзЭС.

Введение гибкого налогового режима будет способствовать снижению транспортных тарифов и, как следствие, развитию торгово-экономических связей стран Сообщества.

♦ В области таможенной политики целесообразно:

а) принять меры по упрощению процедур пересечения границ автомобильным и железнодорожным транспортом, совместив пограничный, таможенный, транспортный, санитарный и другие виды контроля в одном месте. Внедрить на границах государств Сообщества систему «две границы, одна остановка».

Совмещение всех видов контроля и внедрение системы «две границы, одна остановка» будет способствовать сокращению времени пересечения границ, повышению эффективности транспортных перевозок и созданию в перспективе Единого транспортного пространства;

б) максимально упростить порядок таможенного оформления и таможенного контроля товаров и транспортных средств на внутренних границах государств ЕврАзЭС, в том числе сократить номенклатуру документов, предоставляемых таможенным органам для транзитных грузов.

В рамках ЕврАзЭС уже принято Соглашение об упрощенном порядке таможенного

оформления товаров, перемещаемых между государствами Евразийского экономического сообщества, которое должно внести большой вклад в формирование согласованных принципов таможенной политики стран «пятерки».

Однако фактически оно не реализуется, поскольку практика простоя на границах поездов, автотранспортных средств в ожидании таможенного оформления и передачи с границы на границу продолжается по сей день.

В связи с этим в целях реализации указанного Соглашения целесообразно принять соответствующие решения правительств стран ЕврАзЭС по разработке наиболее упрощенного порядка таможенного контроля товаров и транспортных средств, пересекающих границы двух государств, что станет важным фактором эффективного развития торгово-экономических связей государств «пятерки». Данные меры, в свою очередь, будут способствовать формированию общего рынка транспортных услуг и Единого транспортного пространства в рамках ЕврАзЭС.

2. Развитие сети международных транспортных коридоров, проходящих по территориям стран ЕврАзЭС, с учетом основных тенденций формирования мировой транспортной системы.

Большое значение, на наш взгляд, имеет изучение вопроса о целесообразности продления панъевропейского транспортного коридора №2 (Берлин – Варшава – Минск – Нижний Новгород) в направлении Казахстан – КНР.

Кроме того, представляется актуальным присоединение всех государств ЕврАзЭС к Соглашению о международном транспортном коридоре «Север – Юг», заключенному между правительствами России, Индии и Ирана.

Принятие указанных мер будет способствовать развитию транзитного и экспортного потенциалов стран Сообщества.

3. Совершенствование и дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры государств.

Важным фактором эффективного использования транзитного потенциала государств ЕврАзЭС является наличие в этих государствах современной транспортной инфраструктуры.

В связи с этим актуальное значение имеет принятие мер по дальнейшему развитию международных транспортных сетей, повышению качества предоставляемых услуг, снижению трудоемкости и ресурсопотребления при осуществлении перевозок, реконструк-

ции существующих и строительству новых объектов, внедрению современных транспортных и информационных технологий, в том числе мультимодальных перевозок.

Для реализации указанных направлений целесообразно осуществить:

♦ В области железнодорожного транспорта

- строительство современных железнодорожных магистралей с учетом дальнейшего развития многостороннего сотрудничества (актуальное значение имеет строительство железнодорожной магистрали Китай – Западный Казахстан – Туркменистан – Иран);

- реконструкцию базы ремонта подвижного состава;

- обновление локомотивного и вагонного парков;

- научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по внедрению ресурсосберегающих технологий.

♦ В области автомобильного транспорта

- реконструкцию автомобильных магистралей;

- строительство новых автодорог;

- обновление парка автотранспортных средств путем внедрения передовых технологий их производства.

♦ В области воздушного транспорта

- модернизацию радиотехнического и электротехнического оборудования для обеспечения обслуживания воздушного движения;

- оснащение аэропортов современными техническими средствами досмотра, охраны, наблюдения, сигнализации и связи;

- обновление парка авиационной техники.

Развитие транспортной инфраструктуры в странах ЕврАзЭС, безусловно, требует привлечения значительного объема инвестиций. В связи с этим большое значение имеет проведение государствами гибкой налоговой политики, способствующей созданию благоприятного инвестиционного климата.

Согласованное принятие мер по совершенствованию и модернизации транспортной инфраструктуры государств ЕврАзЭС требует разработки на межправительственном уровне соответствующей Программы, в которой четко должны быть определены инвестиционные приоритеты по всем отраслям транспорта и механизм их реализации.

4. Развитие транспортного машиностроения. Создание совместных предприятий и финансово-промышленных групп.

С наступлением этапа стабилизации экономики государств ЕврАзЭС, обусловившей рост объема межгосударственных перевозок,

большое значение приобретает дальнейшее развитие транспортного машиностроения, создание совместных предприятий и финансово-промышленных групп (СП и ФПГ).

В настоящее время активно в этом направлении развивается двухстороннее российско-казахстанское сотрудничество. Так, например, российскими производителями транспортной техники проводится работа по размещению своих филиалов в других государствах Содружества, и в том числе в Казахстане. В Усть-Каменогорске совместно с ВАЗом создано производство автомобилей марки «Нива», что будет способствовать насыщению внутреннего рынка Казахстана качественными автомобилями по достаточно приемлемым ценам.

В России, в свою очередь, создано СП совместно с фирмой Ford.

Таким образом, восстановление транспортного машиностроения предполагает дальнейшее развитие взаимовыгодных межгосударственных связей и кооперации с ведущими мировыми производителями транспортной техники.

Для реализации данного направления целесообразно:

а) создать благоприятные таможенные и налоговые режимы при производстве и поставке транспортной техники, позволяющие в условиях дефицита финансовых средств снизить конечную стоимость приобретаемой продукции;

б) осуществлять согласованную лизинговую политику;

в) обеспечить благоприятный правовой режим для создания совместных предприятий, межгосударственных финансово-промышленных групп и других организационных форм межгосударственной кооперации;

г) проводить согласованную инвестиционную политику.

5. Формирование Единого информационного пространства государств в области транспорта.

В Интернете представляется важным создать соответствующий сайт о деятельности отраслей транспортного сектора государств ЕврАзЭС. Данный сайт может содержать официальную статистическую, аналитическую, научную информацию по проблеме создания общего рынка транспортных услуг в рамках пяти государств и других интеграционных объединений.

В связи с этим целесообразно принять меры по:

- совершенствованию транспортной статистики;

- созданию и развитию транспортных баз данных;
- созданию на этой основе современных информационных систем.

Наличие общей базы данных будет способствовать повышению уровня согласованности в решении вопросов развития интеграционного сотрудничества в области транспорта. Для создания указанного сайта необходимо принять соответствующее Соглашение.

3.2. Основные направления углубления интеграционного взаимодействия государств ЕврАзЭС в области энергетики и эффективного использования их транзитного потенциала

В целях принятия конкретных мер по углублению интеграционного взаимодействия государств ЕврАзЭС в области энергетики и эффективного использования их транзитного потенциала представляется целесообразной разработка Секретариатом Интеграционного Комитета ЕврАзЭС совместно с компетентными органами Сторон соответствующей Программы формирования Единого энергетического пространства государств ЕврАзЭС, в рамках которой предусмотреть реализацию указанных ниже направлений.

1. Разработка механизма насыщения внутреннего рынка государств ЕврАзЭС энергоресурсами. Расширение экспортных возможностей их поставок в третьи страны.

Данное направление формирования общего рынка энергоресурсов государств ЕврАзЭС является основным, поскольку отражает главную цель проведения рыночных реформ в энергетическом секторе: достижение сбалансированности спроса и предложения энергоресурсов, полное покрытие потребности потребителей в них и увеличение экспорта энергоресурсов в третьи страны.

Его реализация предполагает:

а) совместную разработку компетентными органами государств ЕврАзЭС общего топливно-энергетического баланса (ТЭБ).

Данный баланс позволит определить оценки потребности и производства энергоресурсов, возможные объемы экспортных и транзитных поставок. Его реализация будет способствовать проведению согласованной транзитной и экспортной политики поставок энергетических ресурсов на внутренний и внешний рынки.

В связи с этим на межправительственном уровне целесообразно разработать и принять соответствующее Соглашение, в котором

должен быть определен порядок формирования и реализации общего ТЭБ государств ЕврАзЭС;

б) разработку оптимальной схемы транспортировки энергоресурсов, создание новых транспортных систем и реконструкцию действующих, предназначенных для наращивания экспортных потоков энергетических ресурсов государств ЕврАзЭС.

На наш взгляд, необходимо на межправительственном уровне:

♦ Принять соответствующее Соглашение, где должны быть определены наиболее актуальные маршруты транспортировки энергоресурсов и конкретные меры по их развитию.

♦ В области формирования электроэнергетического рынка целесообразно:

- разработать Программу электросетевого строительства, предполагающую создание ряда крупных межсистемных линий электропередачи для транспортировки электроэнергии в рамках ЕврАзЭС и в третьи страны;

♦ В области формирования общего нефтегазового рынка необходимо:

- разработать Программу создания современной нефтегазотранспортной инфраструктуры государств ЕврАзЭС, предусматривающую совместное строительство новых и реконструкцию действующих нефтегазопроводов. В данной Программе, на наш взгляд, необходимо учесть восстановление нефтепровода Омск – Павлодар – Шымкент для транзита нефти на рынки Китая, а также в иранском направлении [Омск – Павлодар – Шымкент – Чарджоу – Сейди (Иран)].

Реализация данного направления имеет большое значение для государств ЕврАзЭС в связи с необходимостью эффективного использования и дальнейшего развития их транзитного потенциала.

2. Формирование согласованных принципов тарифной, налоговой и таможенной политики в области энергетики в странах ЕврАзЭС.

♦ В области тарифной политики представляется целесообразным:

- разработать общие методологические подходы расчета тарифов на транзит энергоресурсов (электроэнергии и нефтегазовых ресурсов) и принять соответствующие соглашения;

- оптимизировать железнодорожные тарифы на поставки и транзит угля в рамках ЕврАзЭС и в третьи страны и принять соответствующее Соглашение, в котором будут определены единые подходы к формированию тарифной политики.

♦ В области налоговой политики необходимо:

- принять меры по упрощению действующей в энергетическом секторе налоговой системы, повышению ее гибкости и адаптивности;

- унифицировать перечень подакцизных товаров.

♦ В области таможенной политики представляется актуальным:

- разработать соответствующие нормативно-правовые документы, упрощающие процедуру таможенного оформления поставок энергоресурсов в рамках ЕврАзЭС и в третьи страны (и в том числе перетоков электроэнергии в режиме параллельной работы энергосистем с учетом объема сальдо-перетока);

- в части межгосударственных перетоков электроэнергии на межправительственном уровне принять Протокол о таможенном контроле электроэнергии, перемещаемой между государствами – членами ЕврАзЭС, в котором четко должны быть определены следующие моменты:

а) недекларирование регулирующей мощности;

б) декларирование межгосударственных перетоков электроэнергии с учетом сальдо-перетока;

в) упрощение таможенного оформления межгосударственных перетоков электроэнергии при возникновении в энергосистемах аварийных ситуаций.

3. Создание финансово-промышленных групп и совместных предприятий по производству и транзиту энергоресурсов, производству энергетического оборудования.

♦ В области формирования общего электроэнергетического рынка целесообразно принять меры для:

а) завершения технико-экономического обоснования инвестиций по строительству Сантудинской ГЭС-1 в Республике Таджикистан и Камбаратинской ГЭС-2 в Кыргызской Республике;

в) развития кооперации энергетических и машиностроительных предприятий России и Казахстана.

Актуальным представляется объединение производственного и финансового потенциала предприятий, выпускающих энергетическое и электротехническое оборудование и создание финансово-промышленных групп, что позволит решать проблему межгосударственных поставок оборудования и услуг по ремонту и техническому перевооружению предприятий энергетических ком-

плексов, обновления станочного парка предприятий.

♦ В области формирования общего нефтегазового рынка представляется целесообразным:

- создание совместных предприятий по производству нефтегазового оборудования.

В связи с сильным износом основных фондов в отраслях нефтегазового комплекса государств ЕврАзЭС и необходимостью их модернизации большое значение имеет создание совместных предприятий по производству нефтегазового оборудования. В этих целях необходимы соответствующие правовые условия, способствующие формированию благоприятного инвестиционного климата и развитию нефтегазового машиностроения.

4. Совершенствование технологической базы формирования общего энергетического рынка.

♦ В области формирования общего электроэнергетического рынка, на наш взгляд, необходимо:

- создать совместную рабочую группу по решению вопросов транзита электроэнергии из Северных областей Казахстана по сетям РАО ЕЭС России в Западный Казахстан, регулирования электрической мощности и частоты;

- разработать меры по оказанию оперативной помощи в случаях аварий, стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций;

- принять меры по ускорению строительства второй линии электропередачи напряжением 500 кВ транзита «Север – Юг» Казахстана;

- совместное строительство новых энергетических мощностей в целях обеспечения энергетической безопасности стран ЕврАзЭС и покрытия потребности данных государств в дешевой электроэнергии.

♦ В области формирования общего нефтегазового рынка целесообразно:

- принять меры по реконструкции и техническому перевооружению нефтегазодобывающих предприятий, магистральных трубопроводов;

- создать новые мощности и внедрить современные технологии.

Приоритетное значение имеет решение следующих вопросов:

- разработка и осуществление проектов увеличения пропускной способности нефтепровода Атырау – Самара и соответствующих магистральных нефтепроводов Российской Федерации;

- принятие мер по дальнейшему расширению пропускной способности трубопровода КТК;

- проектирование и строительство нефтегазопроводов в восточноазиатском направлении как реализация проектов регионального экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества;

- проведение мероприятий по модернизации и реконструкции существующих объектов газотранспортной системы «Средняя Азия – Центр».

Реализация указанных направлений, на наш взгляд, будет способствовать проведению государствами ЕвразЭС согласованной энергетической и транспортной политики, эффективному использованию и развитию транзитного потенциала этих стран и станет

главным фактором формирования в перспективе общего рынка транспортных услуг и энергоресурсов – важнейшего элемента Единого экономического пространства в рамках ЕвразЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – Алматы: ОФ «БИС», 2001. – 400 с.
2. Исингарин Н., Алигулинов С., Константинов Л. Единое транспортное пространство. Предложения к формированию. – Алматы, 2001. – 132 с.
3. Интервью С. Примбетова газете «Столичная жизнь» // Столичная жизнь. – 18 ноября 2004 года. – №45.
4. Исингарин Н.К., Рахматулина Г.Г. Основные направления формирования общего рынка нефти и газа в странах Евразийского экономического сообщества // Энергетика и топливные ресурсы Казахстана. – 2001. – №5. – С. 22–29.

Государственное регулирование внешних заимствований

ПАНЗАБЕКОВА А.Ж.

Внешние заимствования являются дополнительным источником финансовых ресурсов. Расширение доступа к международным финансовым рынкам выступает важным фактором снижения рисков казахстанских банков. Заимствования способствуют существенно расширению выбора источников денежных средств и позволяют привлечь их на долгосрочный период. Привлекая долгосрочные займы на внешних рынках, банки обеспечивают себе большую степень устойчивости против краткосрочных изменений ликвидности на рынке и получают возможность удовлетворять потребности клиентов в кредитах в долларах США или евро без обременения себя долгосрочными валютными рисками.

Внешние заимствования в Казахстане осуществляются в форме государственных и негосударственных. Государственные заимствования выступают в виде эмиссии государственных ценных бумаг, заключений соглашений о займе и осуществляются Правительством Республики Казахстан и Национальным банком РК. Привлеченные средства направляются на следующие цели: решение вопросов макроэкономической стабилизации, осуществление либерализации торговли, внешнеэкономичес-

кой деятельности, развитие производства и создание новых рабочих мест, осуществление проектов по борьбе с бедностью, снижению безработицы и социальной защите безработных, проведение пенсионной реформы, реформирование образования и здравоохранения, экологические проекты, пополнение золотовалютных резервов страны, финансирование дефицита бюджета.

Юридические лица Казахстана, не гарантированные государством, осуществляют внешние заимствования в форме синдицированного займа, выпуска еврооблигаций. Привлечение синдицированного займа позволяет получить кредит в размере существенно большем, чем это может предложить средний банк. В данном случае кредиторами выступают несколько кредитных учреждений одновременно, несущих солидарную ответственность перед заемщиком, а заемщик несет ответственность перед всеми кредиторами. Все платежи, полученные по обслуживанию кредита, распределяются пропорционально сумме.

Привлечение внешних займов позволяет банкам сохранять высокие темпы роста активов и кредитов в экономике, что является одним из факторов поддержания роста эконо-

мики страны. Выпуск международных облигаций является одним из немногих источников привлечения долгосрочного финансирования, без которого казахстанские банки не могли бы выдавать кредиты на длительный срок. Долгосрочные заимствования позволяют диверсифицировать портфель обязательств банков. Присвоение стране рейтинга инвестиционного класса, улучшение экономического положения изменили отношение иностранцев к Казахстану и отечественным банкам. Успех отечественных банков на Западе во многом обусловлен активностью крупных банков, которые стали привлекать на мировых рынках все более длинные ресурсы под сравнительно небольшой процент.

В настоящее время крупнейшим эмитентом еврооблигаций выступает один из ведущих банков Казахстана «Казкоммерцбанк», в обращении которого находятся облигации на сумму 920 млн \$ США. Второй по величине эмитент – банк «ТуранАлем», имеющий в обращении еврооблигации на сумму 825 млн \$ США. Банк Развития Казахстана разместил два выпуска еврооблигаций на сумму 200 млн \$ США. АТФ-Банк в 2004 году разместил выпуск еврооблигаций на сумму 200 млн \$ США [1]. Внешние заимствования осуществляют не только финансовые институты Казахстана, но и предприятия реального сектора экономики. Так, например, корпоративные заимствования осуществляют «КазТрансОйл» и дочерние компании «КазМунайГаза» под гарантии головной. В 2001 году «КазТрансОйл» разместил на международных рынках долгового капитала свои пятилетние евробонды на общую сумму 150 млн долл. США с купонной ставкой на уровне 8,5% годовых.

Наравне с положительными последствиями для экономики внешнее заимствование имеет и ряд недостатков. Недостатками внешнего заимствования выступают: развитие диспропорций в экономике, образование внешнего долга государства. Приток иностранного заемного капитала усугубил проблему структурной деформированности экономики и сырьевой зависимости. Если в структуре иностранных заимствований в 1993–1997 годы нефть и газ составляли 49%, то в 1999 году – 87,2%. Кредиторы при предоставлении займов руководствуются принципом прибыльности и изыскивают богатые сырьевые ресурсы, финансируя высокодоходные, быстро окупаемые и высокорентабельные отрасли экономики. И в настоящее время при финансировании приоритет отдается сферам добычи нефти, газа и других полезных ископаемых.

В то же время другие отрасли экономики испытывают острый дефицит инвестиционных средств.

Привлечение кредитов из-за рубежа имеет последствием повышающийся государственный долг. Внешний долг Правительства РК по состоянию на 1 июля 2004 года составил \$3 млрд 25 млн 461 тыс. В структуре внешнего долга долги Казахстана Всемирному Банку составили \$1 млрд 118 млн 859 тыс., по еврозонам – \$650 млн. Японскому Банку Международного Сотрудничества – \$528 млн 78 тыс., Азиатскому банку развития – \$330 млн 593 тыс., иностранным коммерческим банкам – \$267 млн 173 тыс. Кроме того, долги перед Европейским банком реконструкции и развития в объеме \$34 млн 504 тыс., Исламским банком развития – \$35 млн 991 тыс., Кредитным агентством Правительства ФРГ – \$20 млн 650 тыс. Долги республики Фонду развития Абу-Даби составили \$17 млн 204 тыс., Саудовскому фонду развития – \$8 млн 528 тыс., Кувейтскому фонду арабского экономического развития – \$6 млн 897 тыс., Эксимбанку Южной Кореи – \$1 млн 403 тыс. Австрии и Швеции Правительство РК должно соответственно \$2 млн 581 тыс. и \$3 млн [2].

Первые кредиты, привлеченные Правительством РК, не были погашены вовремя, в результате этого пришлось выплачивать штрафные проценты. Экономический эффект заимствованных ресурсов по линии международных организаций оказался ниже не только ожидаемого, но и в ряде случаев имел отрицательную характеристику. Основная причина, по нашему мнению, заключается в том, что вся программа предоставления кредитов в целом за период трансформационного преобразования не была адаптирована под конкретную этносоциальную, психологическую и хозяйственную среду страны-реципиента. Привязка же к отдельным проектам осуществлялась без учета общей ситуации в стране, в связи с чем средства расходовались со значительным отставанием от графика, бизнес-план носил нереальный для хозяйственной ситуации характер, а достаточно высокая доля средств расходовалась на сиюминутные нужды, в том числе и хозяйствующего субъекта – заемщика средств. Многие проекты не конкретизированы в целевом плане, что практически исключает возможность определения эффективности использования заемных ресурсов. Первые займы и кредиты были использованы государством на финансирование дефицита республиканского бюджета: в 1994 году – 5,4%, 1995 – 53,9%, 1996 – 72,5%, 1997 – 78,9%.

Динамика валового внешнего долга Казахстана все последние годы характеризуется высокими темпами роста. Так, внешняя задолженность страны увеличилась в прошлом году более чем на четверть, а в первом полугодии этого года – еще на 12,7%. В последние годы при постепенном снижении обязательств по государственному и гарантированному государством внешнему долгу наблюдается устойчивая тенденция роста негарантированной части внешнего долга. Такая динамика обусловлена заемными операциями банков и предприятий, не обеспеченных государственными гарантиями, которые продолжают привлекать ресурсы с внешних рынков, пользуясь хорошими условиями для заимствований.

Структура внешнего долга Казахстана, млн долл. США

Показатели	2000	2001	2002	2003	30.06.04
Государственный и гарантированный государством внешний долг	3929,50	3799,90	3481,00	3622,60	3590,50
Удельный вес, %	30,97	25,08	19,12	15,83	13,92
Долг частного сектора, не гарантированный государством	8755,00	11357,50	14716,30	19261,20	22198,70
Удельный вес, %	69,02	74,92	80,87	84,16	86,07
Из него межфирменная задолженность	6931,00	8879,30	10709,70	11998,80	13248,00
Удельный вес, %	79,16	78,18	72,77	62,29	59,67
Валовой внешний долг	12684,50	15157,50	18197,30	22883,80	25789,20

Источник: Национальный банк Республики Казахстан.

Судя по данным таблицы, гарантированный государством внешний долг за первую половину 2004 года изменился незначительно, сократившись примерно на \$32 млн. При этом размер долга частного сектора, не обеспеченного государственными гарантиями, увеличился более чем на 15%. Темпы роста притока капитала в виде ссуд и займов, предоставляемых иностранными материнскими компаниями (межфирменная задолженность), составили 10,4%. Увеличение негарантированной части долга в абсолютном выражении было обусловлено главным образом приростом межфирменной задолженности (на \$1,25 млрд) и внешнего заимствования банков (\$0,94 млрд). Межфирменная задолженность – это обязательства перед зарубежными компаниями, дочерними и ассоциированными предприятиями, а также обязательства филиалов иностранных компаний, действующих в стране. Прогнозировать динамику этой задолженности достаточно сложно. К тому же, в связи с предстоящим освоением новых нефтяных месторождений, необходимостью модернизации действующих предприятий, этот вид задолженности будет продолжать расти.

Что касается относительных параметров, то валовой внешний долг на душу населения вырос до \$1718, за исключением межфирмен-

ной задолженности – до \$836. Аналогичные показатели внешнего долга к ВВП составили соответственно 76,0% и 37,0%. Относительные показатели по гарантированной части внешнего долга ниже не только многих наших соседей по СНГ, но и развитых стран мира. Так, показатель гарантированного долга к ВВП в Казахстане по итогам прошлого года составил порядка 12%, в то время как в соседней России его размер оценивается примерно в четверть валового внутреннего продукта. К этому стоит добавить тот факт, что в настоящее время активы Национального фонда составляют более 3,7 млрд, а международные резервы страны выросли до \$10,4 млрд и более чем в 2,5 раза превысили размер гарантированного государством внешнего долга.

Вместе с тем объем валового внешнего долга приближается к размеру ВВП, что вызывает особую тревогу. Растут платежи по погашению и обслуживанию внешнего долга, которые уже составляют миллиарды долларов. Какова бы не была структура долга, из-за массового притока иностранных кредитов растет задолженность частного сектора, а значит, и общая задолженность страны.

Наличие внешней задолженности стран не является чем-то необычным, если не связано с обстоятельствами (риском, условиями, последствиями), имеющими большое значение не только для страны должника, но и для кредиторов и международных финансовых организаций, призванных способствовать стабильному развитию мировой экономики. По классификации Международного банка реконструкции и развития низким уровнем внешней задолженности считается отношение менее 18% и умеренным в рамках 18–30%. Другими показателями такой характеристики являются:

- отношение валового внешнего долга к ВВП менее 48% является низкой, 48–80% – умеренной задолженностью;
- отношение платежей вознаграждения к экспорту товаров и нефакторных услуг менее 12% – низкой, 12–20% – умеренной;

- отношение валового внешнего долга к экспорту товаров и нефакторных услуг менее 132% – низкой, 132–220% – умеренной.

Если задолженность увеличивается, то бремя его обслуживания оказывает серьезное давление на экспорт стран-должников. Так, нередки случаи просрочки платежей, а социально-экономические последствия существования этого бремени в соответствии с предложенными сценариями вызывают серьезную озабоченность. К примеру, крупнейшими должниками в Латинской Америке являются страны с большим экономическим потенциалом (Бразилия, Мексика, Аргентина) и со средним уровнем экономического развития (Венесуэла, Колумбия, Чили, Перу). Обострению ситуации с внешней задолженностью этих стран способствовали: неправильная политика в сфере внешней задолженности; значительные колебания внешней конъюнктуры и, прежде всего, резкое повышение процентных ставок на международных рынках; избыточное предложение кратко- и среднесрочных кредитов коммерческих банков; ошибки в оценке рыночных рисков [3].

По мнению Хасбулатова Р.М. [4], кредиты и займы сегодня не выполняют той задачи, ради которой они существуют, – инвестирование в экономику. Непрерывная поминутная котировка акций и валют лишь усиливает дестабилизирующие последствия кредита, способствует манипулированию рынками и буквально вытягивает из производства нужные денежные средства, вбрасываемые в ценные бумаги. Силы международного перелива капитала многократно превосходят мощь национальных правительств и центральных банков. Ежедневный объем валютных сделок превышает \$1 трлн, что в 50 раз больше объема всей международной торговли, и составляет 80% всех международных валютных резервов. При таких масштабах перемещения капитала даже хорошие макроэкономические показатели (низкая инфляция, актив баланса по текущим операциям, невысокие внешняя задолженность и платежи по обслуживанию долга) не могут служить гарантией от «атаки на валюту».

Особенность международных финансовых рынков проявляется в их нестабильности. Финансовый мир функционирует на основе доверия, которое весьма аморфно. Если доверие пошатнется, вследствие каких-либо отклонений в национальной политике страны, то возникают вспышки панических настроений, массовое изъятие депозитов, «бегство» капитала. При полной открытости финансо-

вых рынков страны она подвержена «капризам» международных финансовых операций, что может вызвать нестабильность, с которой страна, зависящая от иностранного капитала, справиться не в состоянии. Такая имманентная нестабильность международных финансовых рынков способна спровоцировать национальный кризис. Нестабильность финансовых рынков обуславливается и «эффектом богатства», который заключается в том, что существенная часть богатства развитых стран вложена в акции и облигации. В случае затяжного ухудшения ситуации на фондовом рынке настроения акционеров круто меняются, резко повышается склонность к сбережению, склонность к инвестированию резко падает, начинается изъятие капиталов, что означает дальнейшее ухудшение положения на финансовом рынке.

Обострение проблемы внешней задолженности происходит также в результате конфликта интересов кредиторов и заемщиков, противоречия между требованиями к экономической политике стран-заемщиков со стороны кредиторов и долгосрочными потребностями экономического развития стран-заемщиков. Требования кредиторов к полной выплате безнадежных или «трудных» долгов подрывают возможности экономического роста в странах-заемщиках и тем самым сокращают текущую стоимость будущих платежей по обслуживанию долга. Один из руководителей Международного валютного фонда Джеффри Сакс в своей работе, посвященной внешнему долгу, структурным преобразованиям и экономическому росту, отмечает, что оптимизация бюджетных показателей достигается путем снижения расходов без учета неблагоприятных структурных и социальных последствий, выражающихся в первую очередь в падении инвестиций и уровня жизни и в конечном итоге оказывающих негативное воздействие на долгосрочную способность заемщика обслуживать свой долг.

Внешние заимствования вызывают изменения политической политики государства: возможность занять ослабляет бюджетную дисциплину. Еще Кнут Викселл писал, что если выгоды от расходов какого-то типа перевешивают издержки, то возможно финансировать эти расходы таким образом, что избиратели будут целиком «за» [5]. По словам Мартина Фильдштейна, только «твердое» бюджетное ограничение, означающее сбалансированный бюджет, может заставить политиков задумываться над тем, оправдывают ли выгоды

издержки [6]. Долг снижает фискальную гибкость правительства. Если небольшой долг имеет незначительные отрицательные последствия, а крупный долг представляется дорогим, то правительство в своей реакции на призывы увеличить расходы или снизить налоги.

Проблемы внешней задолженности часто усиливаются тенденцией к росту международной мобильности капитала. Бумы кредитования и крупные вливания капитала в экономики стран-заемщиков с их несовершенными финансовыми системами, слабой макроэкономической политикой и корпоративным управлением провоцируют валютные и долговые кризисы. Поступление внешних факторов производственного развития в национальную экономику порождает обратный отток экономических ресурсов в форме выплаты начисленных процентов, перевода предпринимательской прибыли, погашения основной части внешнего долга. По размерам эти платежи зависят от масштабов использования заемного капитала и могут поглощать значительную часть валютных поступлений. Подавляющая их часть идет за счет экспорта товаров. В результате этого происходит зависимость страны от импорта многих видов продукции, в том числе стратегического значения, продовольственных товаров. Высокая степень зависимости от поставок отдельных видов продукции из одной страны или группы стран (например, по продовольствию) позволяет данным странам использовать эту зависимость для политического давления на другие страны, навязывая экономическую политику и условия осуществления внешнеэкономических связей.

Проблемы государства, решаемые с помощью внешних займов, носят не только экономический, но и социальный, и политический характер, так как связаны с вопросами национальной безопасности. Основным условием использования кредитных ресурсов в долгосрочном периоде является низкий уровень инфляции и обесценивание национальной валюты, если кредит передается в иностранной валюте. Влияние обменного курса может свести к минимуму рентабельность заемного капитала, в случае резкого скачка курса иностранных валют по отношению к национальной валюте, а также повышение или понижение процентных ставок уменьшает полученную прибыль заемщика.

Неэффективное использование внешних займов ведет к росту дополнительных издержек. К ним относятся: замедление тем-

пов экономического роста страны-заемщика; ухудшение условий внешней торговли; ухудшение платежного баланса; ослабление национальной валюты: уменьшение официальных валютных резервов; перекладывание долгового бремени на будущие поколения; экономическая и политическая зависимость страны-заемщика от кредитующей страны. Высокий уровень внешней задолженности ставит под сомнение возможность проводить вполне самостоятельную внешнюю политику с полным учетом собственных национальных интересов, поскольку страна вынуждена постоянно оглядываться на ведущие страны-кредиторы.

Проблема внешней задолженности часто усугубляется нецелевым использованием кредитов, что обусловлено несовершенством организационной и правовой системы государственных займов. Здесь можно выделить три основные проблемы:

- низкая эффективность институциональных механизмов контроля за внешним долгом;
  - разрозненность и недостаточная полнота учета объема внешней задолженности и программы ее обслуживания;
  - слабое взаимодействие органов государственной власти, ответственных за проведение политики займов и управления долгом.
- В связи с этим необходима эффективная система управления процессом привлечения и использования внешних займов. Механизм управления предполагает формирование оптимальной структуры внешних займов; повышение эффективности использования привлеченных средств; диверсификацию долгового портфеля; формирование сбалансированности структуры внешнего долга.

Следует формировать оптимальную структуру внешних займов, которая предполагает введение практики оценки и управления рисками внешнего государственного займа (в частности, рисками колебаний валютных курсов и процентных ставок) наряду с учетом и оценкой альтернативных форм внешнего государственного займа. Выработка стратегии займов и определение критериев отбора проектов, финансируемых международными организациями, позволит отсекаать или откладывать на более поздние сроки некоторые займы, не решающие первоочередных общегосударственных инвестиционных и инфраструктурных задач. Для достижения этой цели важно объединение усилий законодательной и исполнительной ветвей власти.

Улучшение организационной работы по проработке проектов позволит сократить сроки и затраты на этом этапе. Определение структуры привлекаемых иностранных заемных средств по видам и по источникам финансирования, исходя из целей экономической безопасности и в соответствии с общей стратегией внешней политики, позволит соотносить показатели внешних задолженностей с расчетно-допустимыми и прогнозировать желательную величину внешнего долга, а также возможные последствия при изменении внутренней экономической среды. «Любое государство должно жить по средствам. Это значит, что оно обязано обеспечивать сбалансированность своего бюджета. Если оно прибегает к займам, то они должны направляться не на пенсии и выплаты зарплаты в бюджетной сфере, а на нужды развития, на поддержку высокоэффективных инвестиций, отдачи от которых гарантирует погашение долга», – справедливо заметил Е.Ясин [7].

Использование заемных средств на макро- и микроуровне должно осуществляться рационально, при этом необходимо просчитывать экономическую эффективность от привлечения кредитов и займов не только правительством, но и коммерческими предприятиями, для чего необходимо проведение исследовательских работ с привлечением квалифицированных специалистов, способных дать реальные расчеты в потребности кредитов и их правильном инвестировании.

Целями анализа эффективности использования заемных средств из внешних источников должны быть:

- наиболее целесообразное и практичное расходование и возврат кредитных ресурсов для расширения производства в целом;
- накопление капитала для реинвестирования в производство и обращение скорейшего обновления основных фондов;
- привлечение при помощи прогрессивных методов управления и организации новейших технологий и других инноваций, передаваемых иностранными партнерами на договорной основе;
- увеличение конкурентоспособности и импортозамещения при производстве на национальных предприятиях.

Механизм привлечения внешних займов должен способствовать реальному вложению финансовых и материальных ресурсов в национальную экономику, а не создавать условия для скупки за бесценок части национального богатства. Таким образом, принимая меры к привлечению внешних

займов в экономику, необходимо регулировать этот процесс так, чтобы соблюдались национальные интересы и иностранные кредиторы, вкладывая минимальные средства, не могли устанавливать контроль над целыми отраслями отечественного производства.

Для сдерживания роста номинального государственного долга ежегодный объем вновь привлекаемых иностранных кредитов и займов должен примерно соответствовать размерам ежегодного погашения внешнего долга (текущим выплатам основного долга), а не суммарным платежам не только по погашению, но и обслуживанию внешнего долга. В этом случае для оценки следует использовать показатели: нормы обслуживания долга, Долг/ Экспорт, Долг/ ВВП, установив для них жесткие максимальные уровни.

С увеличением абсолютного объема привлекаемых средств на долгосрочной основе необходимо установить наблюдение и контроль за структурой внешней задолженности, включающей: устранение скученности платежей, диверсификацию долга по валютному составу, улучшение кредитного рейтинга и снижение ставки заимствования. Инструментом при этом должны стать составление графиков выплаты обязательств и осуществление предварительных выплат по займам и кредитам. У каждого проекта имеются пиковые годы, на которые приходится максимальный объем обязательств. Если отдельный заемщик это может выдержать, то для государства оно чревато социальными и экономическими потрясениями, связанными с существенным ухудшением экономической среды в эти годы. Поэтому система предварительных выплат должна распределять бремя выплат процентов равномерно по годам.

В настоящее время сложилась ситуация, когда Республика Казахстан, с одной стороны, инвестирует через Национальный фонд финансовые ресурсы на мировые фондовые рынки и рынки ссудных капиталов, а с другой – привлекает внешние займы. При этом доходность по активам Национального фонда, инвестированным в различные финансовые инструменты, ниже, чем средневзвешенная процентная ставка по привлекаемым займам, что в итоге формирует отрицательную маржу по производимым встречным операциям. Продолжение подобной практики недопустимо в условиях, когда страна является нетто-кредитором. Сумма доходов, получаемых от операций с активами Национального фонда, должна превышать сумму расходов на обслуживание правительственного долга в данном

периоде времени. Для выполнения этого условия необходимо сокращать размер правительственного долга и дефицита бюджета.

Наряду с этим на финансовом рынке страны все последние годы наблюдаются избыточная ликвидность и дефицит инструментов для инвестирования. Избыток ресурсов на отечественном финансовом рынке страны диктует необходимость переориентации политики государственных заимствований и заимствований предприятий-резидентов с внешних рынков на внутренний. Даже при менее выгодных условиях такая политика представляется более предпочтительной. Во-первых, это позволяет снизить проблему острого дефицита ликвидных инструментов на финансовом рынке страны. Во-вторых, средства, направляемые на обслуживание долга, будут оставаться в Казахстане и работать на собственную экономику. При этом не следует руководствоваться жесткими административными мерами для переориентации корпоративных заемщиков на внутренний рынок, а использовать меры косвенного воздействия, например повышение уровня достаточной капитализации для банков.

Целесообразно диверсифицировать долговую портфель правительства посредством сокращения объема внешнего заимствования при постепенной переориентации на внутренние займы. В рамках данной политики следует решить ряд задач:

- постепенное сокращение размера дефицита республиканского бюджета и достижение сбалансированности бюджета с выходом на профицит в среднесрочной перспективе;
- определение оптимального размера правительственного долга в рамках политики по сбережению;
- снижение риска неисполнения обязательств и сглаживания пиков выплат по погашению долга в кратко- и среднесрочной перспективе;
- эффективное использование заемных средств путем прекращения практики использования средств внешних займов для финансирования программ технической помощи, направленных на подготовку проектов нормативно-правовых актов, концепций и программ, разработку технико-экономического обоснования и проектной документации для инвестиционных проектов;
- прогнозирование фискальных рисков: изменение обменного курса тенге к доллару США, рост процентных ставок, недопоступление средств в Национальный фонд и принятие мер по снижению последствий их наступления;

- диверсификация портфеля внешних займов по валютам займов с целью снижения негативных последствий в случае изменения обменного курса тенге.

Для формирования сбалансированности структуры внешнего долга приоритет в области внешнего финансирования должен быть отдан привлечению связанных кредитов, предназначенных для финансирования конкретных проектов. Привлечение же средств, необходимых для финансирования текущих расходов бюджета, целесообразно осуществлять за счет выпуска внешних еврооблигационных займов со сроком обращения не менее десяти лет.

Следует придерживаться поэтапного эволюционного подхода к качественному изменению динамики государственного долга и системы приоритетов государственного заимствования. Данная мера обусловлена тем, что современное состояние основных параметров государственного долга, а также необходимость выполнения обязательств по срокам, формам и условиям перед кредиторами не позволяют одновременно повысить качество управления государственным долгом и соответствовать основным императивам государственного заимствования, поэтому целесообразно выделить краткосрочных приоритетных мероприятий, средне- и долгосрочных программ снижения долговой нагрузки на экономику. Необходимо постепенно, по мере увеличения ресурсного обеспечения мероприятий по снижению долговой нагрузки на экономику, переходить от ограниченного селективного инвестирования к долгосрочному крупномасштабному инвестированию комплексных полифункциональных программ, рассчитанных на максимизацию массы прибыли и получение социально-экономического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тлеппаев А., Гизитдинов Н. Благоприятные условия финансирования для развивающихся рынков // Деловая неделя. – 17 сентября 2004 года. – №36. – С. 5.
2. Гончаров В. Долговая аномалия // Деловая неделя. – 8 октября 2004 года. – №39. – С. 4.
3. Маса Савала Д.Ф. Внешняя задолженность развивающихся стран // Латинская Америка. – 1998. – №6. – С. 17.
4. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика. В 2-х т. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. – С. 437.
5. Wicksell, Knut. A New Principle of Just Taxation (1896). In Richard A. Musgrave and Alan T. Peacock, eds., *Classics in the Theory of Public Finance*. – London: Mac-Millan Press, 1958.
6. Feldstein, Martin. Overview Panelist. Budget Deficits and Debt: Issues and Options. – Federal Reserve Bank of Kansas City, 1995. – P. 405.
7. Ясин Е. Функции государства в рыночной экономике // Вопросы экономики. – 1997. – №6. – С. 16.

Проблемы самофинансирования и банковского кредитования инвестиций

МАБИЕВ Б.Н.

К числу важнейших способов взаимодействия финансового и реального секторов экономики относится долгосрочный банковский кредит, призванный быть источником заемного финансирования долгосрочных инвестиций предприятий. По своей роли в развитии партнерских отношений он существенно превосходит краткосрочные банковские кредиты, которые лишь на короткое время соединяют интересы банкира и промышленника в части финансирования оборотного капитала последнего. Долгосрочный банковский кредит формирует первичные интеграционные связи между предприятием и банком, что обуславливается длительными сроками кредитования, но главное, теми целями, которые реализуются с их помощью. Как правило, это кредитование инвестиционных проектов, когда банк фактически становится их финансовым соисполнителем, принимая на себя часть рисков успешной реализации инвестиционного проекта предприятий-заемщиков, испытывающих потребности в банковском кредитовании своих инвестиционных затрат. В связи с недостатком собственных финансовых ресурсов у большинства предприятий производственного сектора экономики по финансовому обеспечению инвестиционного спроса и сложностям привлечения финансового капитала с помощью инструментов слабо пока развитого отечественного фондового рынка долгосрочный банковский кредит предпочтительнее других внешних источников финансирования инвестиций для них. Как правило, банки Казахстана кредитуют инвестиционные проекты действующего и стартового бизнеса по приобретению, строительству и ремонту недвижимости для осуществления предпринимательской деятельности; приобретению машин и оборудования; модернизации и реконструкции производства и другие капитальные вложения. Основными формами кредитования выступают кредит, кредитная линия, аккредитив. Одна-

ко практически не используется другая распространенная в развитых странах форма, такая, как синдицированное кредитование заемщиков при реализации крупных инвестиционных проектов.

Надо отметить, что макроэкономическая среда хозяйствования подавляющего круга казахстанских предприятий в плане воспроизводства собственных финансовых ресурсов, не ставших реципиентами иностранных инвестиций, а получатели иностранного капитала сегодня – экспортирующие в основном сырьевые ресурсы на мировые рынки, при сравнении, например, с финансовым сектором экономики, не особенно благоприятна, несмотря на ослабленное налоговое бремя последних лет, особенно для обрабатывающей промышленности Казахстана. Судя по данным статистики, совокупный чистый доход банковского сектора после уплаты налогов на 1 декабря 2002 года составил 18,9 млрд тенге (по состоянию на 1 декабря 2001 года – 7,5 млрд тенге) – увеличение в 2,52 раза, в то же время чистая прибыль после налогообложения в промышленности составила на конец 2001 и 2002 годов соответственно 182,3 и 244,6 млрд тенге – увеличение только в 1,3 раза. Словом, финансовое посредничество по-прежнему прибыльней. При этом подавляющая масса прибыли в промышленности приходится на предприятия нефтегазового и горно-металлургического комплексов республики при большом количестве убыточных в обрабатывающей промышленности. Причины такой ситуации кроются в особенностях сформировавшейся воспроизводственной модели казахстанской экономики. В частности, в усилении ее зависимости от конъюнктуры мировых рынков сырья и в поддержании роста за счет высокой степени эксплуатации производственного аппарата экспортно-ориентированного сектора она приближается к предельно возможному уровню загрузки мощностей. При этом импорт машин и обо-

рудования в стоимостном измерении приходится в подавляющей массе на вышеупомянутый сектор экономики, который, находясь под управлением иностранных инвесторов – транснациональных корпораций, – реализует инвестиционные проекты, ориентируясь, главным образом, на зарубежных поставщиков оборудования, материалов и услуг, завышая цены на импорт и занижая цены экспорта, для того чтобы сократить объем налоговых отчислений и реинвестируемой прибыли. Поэтому преждевременно говорить о том, что нефтегазовый сектор экономики стал локомотивом устойчивого экономического роста и всего инвестиционного потенциала страны; цепной мультипликативный эффект, исходящий от роста вышеупомянутой отрасли, пока слабо замкнут или привязан к поставкам продукции либо выполняемым услугам казахстанских предприятий.

До сих пор руководители многих промышленных предприятий отмечают недоступность банковских кредитных ресурсов, высокую цену стоимости кредитов по сравнению с их рентабельностью, с занижаемой оценкой банками стоимости имущества, имеющегося и приобретаемого в будущем за счет кредитных средств, передаваемых в качестве залогового обеспечения при кредитных сделках, и другие причины. Учет банками высокого уровня рисков в номинальном выражении процентной ставки кредитования увеличивает отрыв последней от средней нормы в реальном секторе, что делает цену заемных средств недоступной для большинства предприятий даже в условиях низкой инфляции. В то же время в основном

Таблица 1. Динамика инвестиций в основной капитал, прибыли и амортизации за 1990–2002 годы* в промышленности**

годы	Inv	Prof	Depr
1990	4080,00	4036,00	3038,00
1991	5625,00	14 071,90	1646,00
1992	88 327,00	334 896,50	5010,00
1993	2148,00	4027,70	530,00
1994	44 309,00	55 147,00	31 862,00
1995	84 487,00	85 381,00	87 823,00
1996	65 782,00	62 255,00	53 306,00
1997	84 976,00	3985,00	109 738,00
1998	157 661,00	-82 776,00	68 258,00
1999	219 595,00	89 569,00	79 782,00
2000	385 940,00	358 164,00	104 545,00
2001	550 583,00	298 770,00	110 264,00
2002	812 509,00	401 087,30	222 420,70

* До 1992 года данные в млн рублей, с 1993 года данные в млн тенге; INV – инвестиции в основной капитал, Prof – прибыль до налогообложения, DEPR – амортизация. ** Составлено автором на основе статистических сборников РК за ряд лет.

звене реального сектора, например в промышленности (да и не только в ней), не всегда эффективно используются собственные финансовые ресурсы инвестирования в основной капитал: средства амортизации и прибыли, что подтверждается в составленном уравнении множественной регрессии для промышленности, где в качестве резуль- тативного признака взяты инвестиции в основной капитал промышленности за 1990–2002 годы, в качестве влияющих факторов – суммы амортизации и прибыли соответ- ственно за тот же период из таблицы 1.

Искомое уравнение множественной регрессии, описывающее зависимость инвести- ций в основной капитал от факторов прибы- ли и амортизации, принимает вид: $Inv = a_0 + a_1 Prof + a_2 Depr$.

Таблица 2. Регрессионная статистика

Множественный R	0,92
R-квадрат	0,85
Нормированный R-квадрат	0,75
Стандартная ошибка	98 564,85
Наблюдения	13

Техническими средствами регрессионно- го анализа получаем, что значение множе- ственного коэффициента детерминации (R- квадрат из таблицы 2) показывает, что 85% общей вариации резуль- тативного признака объясняется вариацией факторных признаков Prof и Depr. Значит, выбранные факторы существенно влияют на инвестиции в основной капитал промышленности, что подтверждает правильность их включения в построенную модель.

Данные таблицы 3 позволяют вычислить F – критерий значимости регрессии для урав- нения в целом.

Таблица 3. Дисперсионный анализ

	Регрессия	Остаток	Итого
df	2	11	13
SS	6,2389E+11	1,0687E+11	7,3076E+11
MS	3,12E+11	9,72E+09	
F	32,1096		
Значимость F	0,000044		

Сопоставляя расчетное значение $F(32,1096)$ значимости из таблицы диспер- сионного анализа с соответствующим найден- ным критическим значением F, критическое (F_k) с помощью статистической функции $F_k = F_{РАСПОБР}(1-0,95; df_{регрессии}; df_{остаток}) = 3,98$ видим, что оно во много раз превышает кри- тическое значение значимости регрессии для уравнения в целом. При этом заданный уро- вень инженерной вероятности равнялся 95%.

Следовательно, коэффициент детерминации R-квадрат является значимым в целом для уравнения.

Таблица 4. Сгенерированные значения коэффициентов регрессии и их статистические оценки

	Переменная X 1	Переменная X 2
Коэффициенты	0,58	2,15
Стандартная ошибка	0,20	0,45
t-статистика	2,83	4,76
P-Значение	0,016	0,0005

Проведенная проверка значимости коэф- фициентов регрессии a_0, a_1, a_2 показала, что абсолютное значение свободного члена a_0 меньше, чем его стандартная ошибка. Таким образом, свободный член a_0 был исключен из уравнения регрессии при первой провер- ке значимости коэффициентов регрессии и оставлены a_1 и a_2 , у которых соответствующие значения (0,58 и 2,15 в таблице 4) выше их стан- дартных ошибок в статистической оценке. Ис- пользование показателя t-статистика для про- верки обоснованности прогнозирования на базе составленного уравнения множествен- ной регрессии с использованием полученных значений a_1, a_2 путем сопоставления его с t критическим (t_k), который вычисляется с по- мощью статистической функции $t_k = \text{СТЮД-РАСПОБРТ}(0,05; df_{остаток}) = 2,2009$ показы- вает, что значения a_1, a_2 выше по абсолютным значениям, чем t_k , следовательно, они попа- дают в границы доверительных интервалов регрессии и являются значимыми для прогно- зирования.

Далее, для экономической интерпретации полученного конечного уравнения регрес- сии $INV = 0,58Prof + 2,15DEPR$ используем частные коэффициенты эластичности (ε_a и ε_a), показывающие, на сколько процентов в среднем изменится значения резуль- тативного признака при изменении соответст- вующего факторного признака на 1%. Их под- счет показывает, что в среднем за 1990–2002 годы они составляли соответственно $\varepsilon_{a_1} = 0,3$ и $\varepsilon_{a_2} = 0,7$. Анализируя их значения, кон- статистируем, что по абсолютному приросту наибольшее влияние на инвестиции оказы- вает второй фактор – амортизация: увели- чение ее на 1% вызывает рост инвестиций на 0,7%, тогда как рост величины прибыли – на 0,3%. В рассмотренной модели регрес- сии использовалась валовая прибыль про- мышленности, то есть до налогообложения, а не остаточная прибыль после налогообло- жения. Использование последней для систе- матического анализа инвестиционных про- цессов в промышленности не представляет-

ся возможным, поскольку отсутствует соот- ветствующая статистика. Простой вычет из валовой прибыли сумм уплаченного корпо- ративного налога промышленностью за со- ответствующие годы для получения чистой прибыли не приведет к фактическим ее зна- чениям по причинам использования воз- можности переноса убытков в целях налого- обложения, зачастую финансовые данные статистики публикуются с учетом только крупных и средних предприятий промыш- ленности, малые – в основном убыточные. Но суть выводов из полученного уравнения не изменится даже при замене валовой при- были на чистую. Сохраняется общий вывод, что прибыль серьезно недоиспользуется как источник внутренних инвестиций в промыш- ленности при превалировании общего дефи- цита финансовых ресурсов инвестирования производственной сферы за счет собствен- ных финансовых накоплений для обновления устаревшего основного капитала. Отсюда подтверждается целесообразность селектив- ного подхода, базирующегося на определе- нии точечных целей. Кроме того, из полу- ченных взаимозависимостей следует ожи- дать, что инвестиции в основной капитал за счет внутренних источников предприятий не возрастут сильно, особенно в обрабатыва- ющей промышленности, если даже несколь- ко снизить ставку корпоративного налога как фискального инструмента регулирования инвестиционной активности в экономике. Ведь главным стимулом являются ожидания дальнейшего роста производства, что служит более весомым показателем реальной по- требности в расширении и модернизации производственного потенциала и признаком растущей ожидаемой отдачи от инвестиций, то есть нужны сбыт и его рост на внутрен- нем и внешнем рынках. Именно последнее особо интересует кредитных аналитиков бан- ков вкупе с вопросами емкости рынка, тен- денций и позиционирования потенциально- го предприятия-заемщика на рынке. Ведь именно будущий объем продаж и действи- тельное, а не желаемое обоснование «цены сбыта» продукции в основной своей массе формируют доходную часть инвестицион- ных проектов и их конечный поток денеж- ных средств, в каждом временном периоде выступающих базой погашения банковских кредитов, чем не показательны большинство обрабатывающих производств страны. Соб- ственно поэтому структура банковского кре- дитования экономики довольно устойчива и не ориентирована в целом на перелив капи-

тала в пользу обрабатывающих отраслей, несмотря на рост депозитов и вкладов, инициировавших сильный рост ресурсной базы и проблему размещения кредитных ресурсов банков в последнее время.

Вместе с тем индустриально-инновационное развитие экономики Казахстана предполагает реализацию инвестиций и инноваций в производстве с использованием прогрессивных технологий. Развитие этих направлений требует аккумуляции масштабных инвестиционных ресурсов и в том числе привлечения банковских долгосрочных кредитов.

Разумеется, впечатляющие параметры развития отечественной банковской системы с точки зрения роста прибыли, активов, собственного капитала в благоприятных макроэкономических условиях при международном сопоставлении по-прежнему скромны для кредитования крупных инвестиционных проектов в одиночку. Активы любого крупного западного банка (ABN Amro Holding, Credit Suisse, ING group и другие) в десятки, сотни раз превышают активы отдельных казахстанских банков, но это не должно принижать совокупный потенциал казахстанских банков.

При скрупулезном просчитанном подходе по ранжированию иерархии приоритетов использования долгосрочного банковского кредита по разработке и реализации конкретных инвестиционных проектов любого уровня (республиканского значения или местного), особенно в обрабатывающих отраслях, развивающих конкурентоспособность предприятий, как внутреннюю, так и внешнюю, с включением проектов, имеющих мультипликативный эффект для всей экономики (будь это снижения импорта или увеличение загрузки мощностей на других видах производства, повышение занятости населения и так далее), необходимо организовывать и продвигать совместную работу отечественных банков в направлении активно функционирующей за рубежом формы финансового обеспечения крупных, от 20 до 100 млн долл. в среднем, инвестиционных затрат – синдицированного кредитования. Это позволит не распрыскать ресурсы казахстанских банков по продуктам, не имеющим экономической выгоды в масштабах всего общества, либо не способствующим структурному реформированию экономики, а сулящим только локальные частные финансовые выгоды отдельному предприятию – инициатору инвестиционного проекта.

Главные проблемы, сдерживающие внедрение механизма синдицированного кредитования, – отсутствие унифицированных процедур кредитования и сохраняющийся дефицит взаимного доверия в банковском сообществе. И банкам, и заемщикам, в первую очередь участвующим в кредите, требуется значительное время, чтобы разобраться в непривычной документации. Развитие синдицированных операций тормозится также неотреботанностью в юридической практике процедур, позволяющих участникам переступить на вторичном рынке свою долю в кредите.

Классифицировать основные проблемы развития синдицированного кредитования в РК можно следующим образом.

Все отечественные банки имеют не только разную стоимость ресурсов для кредитования, но и разные возможности по срокам и объемам привлечения ресурсов сбережений населения и свободных средств других секторов экономики. Следствием этого является сложность согласования процентных ставок и комиссий.

Качество привлеченных средств в банках также различно. Один имеет возможность проводить долгосрочное инвестирование в больших объемах («Казкоммерцбанк», «ТуранАлем»), другой может предоставить кредитные средства в меньших объемах и на более короткий срок. Поэтому в процессе синдикации приходится вести поиск равнозначных по возможностям партнеров, что не всегда удается сделать быстро. В западной практике применяется объединение банков в так называемые кредитные клубы. За счет большого количества участников и единого документально-правового поля подобные альянсы в состоянии финансировать очень серьезные национальные экономические проекты. Причем совершенно не обязательно, чтобы в кредитовании участвовали все банки – члены клуба.

У коммерческих банков отсутствует единый методологический подход к организации совместного финансирования проектов, а также их оценки. Данная проблема вызвана отсутствием четкой нормативной и законодательной баз, регулирующих процессы совместного синдицированного кредитования. В случае возникновения спорных моментов между банками-кредиторами, единственной возможностью разрешить конфликт остается арбитражный суд, который пока не имеет практического опыта в решении подобных проблем.

Другой тесно связанный с этой проблемой вопрос – выбор организатора синдикации. В его функции входит:

- ♦ проведение анализа проекта заемщика;
- ♦ осуществление подбора возможных банков-участников;
- ♦ подготовка информационного меморандума и приглашения возможным банкам-участникам;
- ♦ подготовка и согласование со всеми участниками сделки кредитной документации;
- ♦ ответы на возникающие у возможных банков-участников вопросы относительно проекта, заемщика и так далее;
- ♦ поддержание тесного контакта с заемщиком, информирование о ходе синдикации;
- ♦ выступление в качестве кредитного агента.

В связи с этим необходимо обратить самое пристальное внимание на необходимость скорейшего формирования нормативной базы синдицированного кредитования.

Не унифицированы и не стандартизированы пакеты документов, используемые различными банками в кредитном процессе.

Ответственность организаторов, платежного агента, механизмы формирования залогов и справедливых действий участников в случаях недобросовестного исполнения заемщиком обязательств – вот неполный перечень вопросов, на который существующая юридическая практика не дает пока ответа. Документальная база находится лишь в стадии разработки и апробации. Международные механизмы синдикации основаны на законодательном праве западных стран, и его изучение с последующей трансформацией должно найти практическое применение в Казахстане.

Общая документация включает в себя сроки и условия, на которых заемщику предоставляется кредит участвующими в сделке банками (если бы ее не существовало, это был бы только ряд двусторонних кредитных операций). В тот момент, когда кредит приобретает законную силу и заемщик получает выделенные ему фонды, уже не остается никакого сомнения в том, что может случиться и как следует поступать при любых обстоятельствах. На основе кредитной документации производится администрирование всей операции в течение всего срока действия кредита.

Здесь нужно содействие Нацбанка РК для разработки нормативных документов, которые бы регулировали деятельность банков, объединившихся в синдикаты для финанси-

рования реального сектора экономики, а также поиска заинтересованных банков и заемщиков. Дополнительно можно было бы рассмотреть возможность создания при прямом содействии ассоциаций «кредитного клуба» по западной модели из числа заинтересованных банков – с единым уставом и правилами работы, кодексом поведения. Его главная задача – организованное финансирование важных экономических проектов.

Многие банки боятся потерять своих клиентов, если в их финансировании будут принимать участие другие кредитные организации.

В условиях падения уровня доходности по основным финансовым инструментам, возросшей конкуренции между кредитными организациями каждый банк очень дорожит своей клиентской базой. В особенности это касается региональных банков, где узкий круг клиентуры и большая информационная прозрачность. Поэтому при совместном финансировании предприятие-заемщик (из числа клиентов одного из участников) получает практическую возможность работы с другим, новым банком или банками, которые, в свою очередь, способны «переманить» клиента, целенаправленно предлагая более выгодные условия обслуживания, индивидуальные проекты и так далее.

Между казахстанскими банками существует высокая степень взаимного недоверия, что негативно влияет на их готовность предоставлять партнерам связанные кредиты.

Классическая форма синдицированного кредита подразумевает наличие банка-агента наряду с банками, непосредственно осуществляющими финансирование. Его функции – предоставление самого кредита, сбор средств и их обратное распределение между банками. Далеко не все готовы передать значительную часть активов, направляемых на кредитование другому банку, который консолидирует на своих счетах весь объем предоставляемых ресурсов.

При прямом содействии Национального банка РК необходимо создать структуру, в функции которой входили бы следующие моменты:

- ♦ помощь и непосредственное участие в оформлении соответствующей документальной базы по процедуре синдицированного кредитования. Это позволит впоследствии гарантировать юридическую «чистоту» заключаемых сделок;

- ♦ разработка и внедрение критериев отбора заемщиков и банков-участников без

ущемления прав каждого из них: обеспечение участия в синдикации только банков, имеющих безупречную репутацию по казахстанским меркам и зарекомендовавших себя в качестве порядочных кредитных организаций, банков, имеющих реальный рост капитала. Здесь ни в коем случае нельзя забывать о средних и малых банках, для которых участие в синдикациях – реальная возможность выстоять в жесткой конкурентной борьбе;

- привлечение иностранных инвестиций для участия в синдицированном кредитовании особо крупных инвестиционных проектов для казахстанских банков.

Национальный банк должен оценить все банки по достоинству и определить, какие виды банковских услуг имеют наибольший спрос в том или ином регионе, в том числе и депрессивных. Взвешенный подход позволит остановить перераспределение ресурсов банков в пользу рынка с моментальной доходностью и высокой степенью риска, направляя средства на развитие реального сектора экономики в части инвестиционных проектов, способствующих структурной перестройке экономики. У абсолютного большинства отечественных банков отсутствует практический опыт не только организации, но и участия в синдицированных кредитах, что отбивает охоту у большинства банков пробовать новое для них дело. Здесь можно рекомендовать Национальному банку РК и Банку Развития Казахстана организовать проведение зарубежных практических семинаров с привлечением ведущих зарубежных банков. Поэтому синдицированное кредитование в РК должно базироваться на следующих основных принципах:

- совместная ответственность (союз банков выступает по отношению к заемщику как единая сторона);
- равноправие кредитных организаций (ни один из участников не имеет преимуществ по взысканию долга, а все средства, поступающие для погашения кредита или от реализации обеспечения, делятся между ними пропорционально предоставленным суммам);

- единство документации (все заключаемые договоры и соглашения подписываются всеми кредиторами и заемщиком без возможности заключения сепаратных соглашений);

- единство информации (вся информация, относящаяся к синдицированному кредиту, должна быть известна и кредиторам, и заемщику. Обмен информацией осуществляется через банк-агент, который обеспечивает ею всех участников сделки).

И последний штрих. В развитии синдикативной культуры на отечественном кредитном рынке именно Банк Развития Казахстана мог бы стать своеобразным катализатором. Это единственный в стране банк, стопроцентно принадлежащий государству. Следовательно, у данного банка – один акционер, причем такой, который не требует максимальной доходности на вложенный капитал, и немедленно. А значит, банк может позволить себе работать с предприятиями, имеющими хорошие, обеспеченные проекты, но с более длительным сроком окупаемости и более низкой рентабельностью. Но работать, тем не менее, на рыночных принципах возвратности, срочности и платности. При достаточно масштабной синдикации даже небольшое участие государственного банка своими гарантийными и/или кредитными ресурсами могло бы как удешевить, так и «удлинить» ресурсы для конечного заемщика. Таким образом, у предприятий, честно собирающихся отработать и возвращать кредит, появляется реальный шанс реализации проектов, заемные средства для которых без частичной государственной поддержки были бы им просто не по силам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошанов А., Гельманова И. Потенциальная и фактическая роль иностранного сектора в экономике Казахстана // АльПари. – 2002. – №4-5.
2. Панорама. – 2003. – №29. – С. 8.

Проблемы волатильности международных потоков финансового капитала для Казахстана при их либерализации

ЖУНИСБЕКОВА Л.С.

Правительство Казахстана в последние годы предприняло значительные шаги на пути к либерализации международного движения финансового капитала в Казахстане. В Концепции развития финансового сектора страны, принятой Постановлением Правительства РК в 2003 году, либерализация валютных отношений является одним из новых направлений денежно-кредитной политики Национального банка РК.

Для реализации первого этапа принята Программа либерализации валютного режима в Республике Казахстан на 2003–2004 годы, определяющая снятие отдельных ограничений в отношении наиболее привлекательных и экономически оправданных валютных операций. Целью данной Программы является создание предпосылок для перехода от ограничительного режима валютного регулирования к рыночным формам и методам мониторинга и контроля за масштабными и потенциально дестабилизирующими потоками капитала. Для дальнейших этапов также принята Программа либерализации валютного режима на 2005–2007 годы, закладывающая принципы полной конвертируемости национальной валюты.

Полной либерализации валютного режима, то есть перехода от разрешительного к регистрационному, уведомительному порядку проведения валютных операций и конвертируемости национальной валюты по текущим и капитальным операциям (второй и третий этапы либерализации) предполагается достичь к 2007 году [1].

Некоторые результаты таких действий Правительства РК уже отражаются на платежном балансе страны, который позволил выявить общие тенденции в движении международного капитала, как в Казахстан, так и из страны. В Казахстане в последние годы наблюдается из-

менение структуры международного движения капитала, что свидетельствует о более активных финансовых операциях на международных рынках капитала, в которые вовлечены резиденты страны, о постепенном развитии и углублении финансового рынка. Рост портфельных инвестиций и сделок с производными финансовыми инструментами, хотя и незначительных, все большее участие небанковских структур в финансовых сделках являются признаками интеграции Казахстана в мировую финансовую систему, снижения барьеров к притоку и оттоку капиталов. Приток капитала в Казахстан с 2000 года вырос на 148% в 2004 году, с 13,81 млрд долларов США до 34,25 млрд долларов США. Превышение притока долгосрочного капитала над его оттоком составило более 60% в 2004 году.

Рассмотрим некоторые тенденции в динамике показателей платежного баланса страны на рисунке 1 [2].

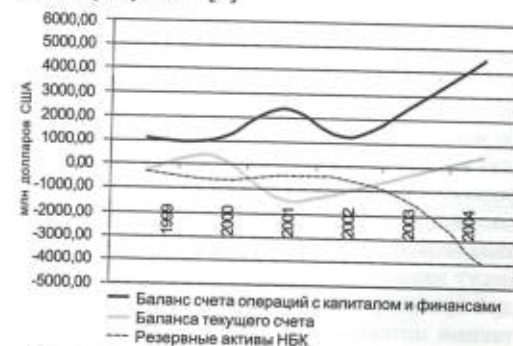
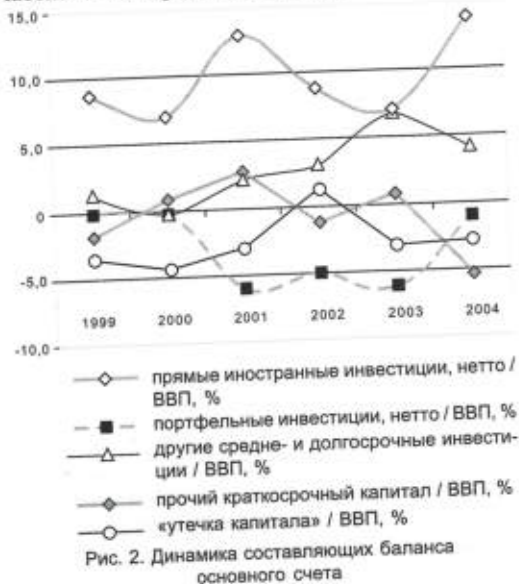

Рис. 1. Показатели платежного баланса Казахстана

Как видно из рисунка 1, баланс текущего счета колеблется между положительным и отрицательным уровнями, хотя в последние два года наблюдается тенденция положительного баланса. Баланс счета операций с капи-

талом увеличивается, начиная с 2002 года, когда был незначительный спад по сравнению с 2001 годом. Увеличение баланса счета операций с капиталом происходит в основном за счет повышения уровня прямых и портфельных инвестиций (рисунок 2). Заметны также резкий отток краткосрочного капитала в 2004 году по сравнению с предыдущим и незначительный отток других средне- и долгосрочных инвестиций. Это в основном происходит за счет снижения займов, которые резко возросли в 2003 году, особенно привлеченные частным сектором Казахстана.

Главный вопрос, который необходимо решить для Казахстана в этот момент, это определение факторов увеличения притоков капитала в национальную экономику. Это является важным вопросом, так как такие потоки капитала должны служить только устойчивому развитию республики в долгосрочном периоде, а не являться причиной экономической нестабильности. Выявление таких факторов поможет в некоторых вопросах формирования макроэкономической политики государства в краткосрочном периоде. Если такие потоки капитала являются только временными, они не принесут никакой пользы стране, а только создадут краткосрочные проблемы в управлении такими потоками. Большие притоки капитала на данном уровне развития Казахстана, как свидетельствуют данные графики, могут объясняться рядом причин.

1. Низкий уровень процентных ставок в развитых странах, который снижает доходность капитала и заставляет его мобилизоваться в развивающиеся страны. В Казахста-

не существуют довольно высокие процентные ставки по сравнению с развитыми государствами, что и привлекает иностранный капитал. Если раньше предполагалось, что притоки капитала по этой причине являются временными до момента повышения мировых процентных ставок, то сейчас наблюдается противоположное мнение экономистов.

2. Финансовая либерализация и структурные реформы, предпринятые Казахстаном за последнее десятилетие, несомненно, привлекают капитал из-за рубежа. Структурные реформы включают торговую либерализацию, снятие ограничений на международное движение финансового капитала, макроэкономическую стабилизацию, приватизацию. Такую тенденцию можно наблюдать в ряде развивающихся стран в 1990-х годах, когда капитал хлынул в страны, только снявшие ограничения на капитал и начавшие активные либерализационные меры. Индекс контроля капитала был посчитан Бартолини и Дразен в 1997 году на основе стандартов МВФ по ограничениям международного движения финансового капитала [3]. Рисунок 3 ниже представляет средний индекс контроля капитала, рассчитанный для 17-ти развивающихся стран. Уровень ограничений капитала был резко повышен в 1980-х годах и даже более резкий спад контроля можно наблюдать в 1990-х годах.

3. Растущая интеграция развитых стран, выраженная в беспрепятственном потоке акционерного и заемного капитала между этими странами в виде ценных бумаг. Такой процесс, называемый секьюритизацией, явля-

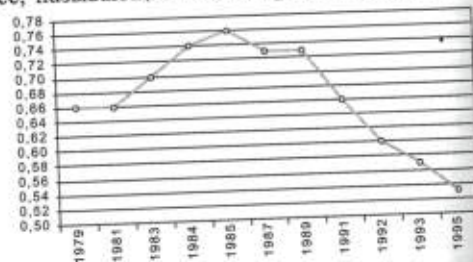

Рис. 3. Среднее значение индекса контроля капитала для 17-ти развивающихся стран

ется результатом внутреннего и внешнего финансового дерегулирования, финансовых инноваций и технологических достижений в коммуникации и обмене информацией. Секьюритизация начинается постепенно и в Казахстане. Как видно из рисунка 2, с 2003 года в Казахстане наблюдается рост портфельных инвестиций, хотя в 2004 году отмечается некоторый спад доли портфельных инвестиций к ВВП страны. Резкое увеличение притока портфельных инвестиций заметно в период с

2000 года по 2003 год с 10,65 млн долларов США до 54,30 млн долларов США, хотя в 2004 году наблюдается некоторое снижение. Данный факт свидетельствует об улучшении работы рынка ценных бумаг и повышении рентабельности денежных инструментов в течение этого периода. Необходимо отметить популярность для нерезидентов рынка облигаций, выпущенных банковским и государственным секторами.

Среди всех вышеназванных причин, либерализационные меры на рынке капитала являются наибольшим фактором стимулирования потоков капитала в Казахстан. Приток капитала имеет значительные положительные стороны, которые необходимо отметить. Он свидетельствует о более активных финансовых операциях на международных рынках капитала, в которые вовлечены резиденты Казахстана, о постепенном развитии и углублении финансового рынка. Рост портфельных инвестиций и сделок с производными финансовыми инструментами, хотя и незначительных, все большее участие небанковских структур в финансовых сделках являются признаками интеграции Казахстана в мировую финансовую систему.

Однако вместе с преимуществами потоков капитала в страну встают вопросы волатильности этих потоков, то есть угрозы резких колебаний, которые стали причинами серьезных финансовых и экономических кризисов в ряде развивающихся стран. В этом аспекте для Казахстана в будущем важно разрешить ряд проблем, как, например, определение объемов притоков капитала в будущем долгосрочном периоде, определение опасного уровня притока капитала для Казахстана, то есть при котором может возникнуть опасность возникновения кризиса, существование возможности резкого оттока такого капитала, уменьшения волатильности капиталов в долгосрочном периоде. Для разрешения этих проблем необходимо тщательное изучение зарубежного опыта и сочетание его с национальными особенностями капитала в Казахстане.

Однако уже сейчас после изучения причин финансовых кризисов в ряде стран и проведения эмпирических исследований ведущими экономистами можно говорить о некоторых закономерностях поведения иностранного капитала в развивающихся странах.

1. Страны с большим притоком капитала подвержены резким оттокам капитала.

Исследование, проведенное Бачетта и Винкуп в 1998 году [4], выявило, что именно

Аргентина, Таиланд, Корея и Мексика, которые перенесли серьезные финансовые кризисы, имели высокие доли притоков капитала по отношению к основному капиталу страны. В то время как притоки капиталов в Индию, основной капитал которой составляет 20% от основного капитала всех развивающихся стран, составили только 5% от общего объема притоков в развивающиеся страны.

2. Когда превышаете долгосрочный «устойчивый уровень» потока капитала, страна переживает финансовый кризис.

Понятие «устойчивого уровня» потока капитала в страну означает поток капитала в развивающуюся страну в тот период, когда данная страна полностью интегрирована в мировые рынки капитала, так же как и промышленно развитые страны. Иными словами, существует определенный идеальный объем потоков капитала в страну, при котором страна будет устойчиво развиваться. Такой «устойчивый уровень» можно рассчитать на основе модели, предложенной Бачетта и Винкуп. Результаты тестирования данной модели свидетельствуют о возникновении финансового кризиса в экономиках, где превышен «устойчивый уровень» потоков капитала. Согласно рисунку 4 в 1990-х годах развивающиеся страны получили около 20% оттока капитала из развитых стран. Доля прямых и портфельных инвестиций в 1994 году слегка превысила «устойчивый уровень» потока капитала в 24% и составила 26%. Но в среднем эти потоки в 1990-е годы оставались на уровне ниже «устойчивого».

Рис. 4. Доля притока капитала в развивающиеся страны и оттока из развитых стран

Проблема заключается в том, что на уровне индивидуальной страны «устойчивый уровень» потока капитала не раз превышался странами, что приводило к финансовым кризисам. Примером могут служить Чили и Мексика в начале 1980-х, Мексика, Таиланд и Корея в 1990-х, Перу в 1995 году, Корея в 1997 году.

3. Страны с резким увеличением притоков капитала – это именно те страны, которые провели существенную финансовую либерализацию или либерализацию счета движения капитала (данный вывод истекает из вышестоящего пункта 2).

Аргентина является примером страны, либерализовавшей потоки капитала на раннем этапе. С 1989 года иностранные инвестиции в страну производятся без какого-либо предварительного одобрения со стороны государства на тех же условиях, что и резиденты страны. С 1990 года потоки капитала в Аргентину значительно превышают ее «устойчивый уровень». В Таиланде значительная либерализация счета движения капитала была произведена в 1990–1992 годы [5]. Активная стимуляция прямых инвестиций, создание открытых и закрытых инвестиционных фондов, налоговые преференции для инвесторов на рынке ценных бумаг, создание Бангкокского международного банковского центра способствовали притоку краткосрочных инвестиций. Именно в этот период приток капитала в Таиланде превышает «устойчивый уровень».

4. Существует тенденция, что потоки портфельных инвестиций намного волатильнее прямых иностранных инвестиций, которые считаются долгосрочными потоками капитала. На основании этого необходимо разделять потоки капитала на краткосрочные и долгосрочные.

Краткосрочные потоки капитала

Либерализация краткосрочных потоков капитала приводит к спекуляции международных инвесторов, которые постоянно находятся в поисках легкой и быстрой прибыли. Неудивительно, что последние 20 лет финансовой либерализации в мировой экономике масштабы спекулятивных действий значительно увеличились. Этому также способствовало дерегулирование рынков ценных бумаг развивающихся стран, что являлось частью финансовых реформ развивающихся стран. Такие рынки неизбежно стали привлекать «горячие деньги» в виде краткосрочных портфельных инвестиций. Оценки Глобального института МакКензи свидетельствуют о росте таких потоков капитала: от 5000 млрд долларов в 1980 году до 35 000 млрд долларов в 1992 году, от 83 000 млрд долларов в 2000 году до 97 000 млрд долларов к 2004 году. Увеличение потоков краткосрочного капитала имеет ряд отрицательных последствий.

♦ Они являются прямым источником макроэкономической нестабильности, оказывая

давление на валютный режим принимающей страны. Национальная валюта повышается в цене, что снижает конкурентоспособность экспортеров данной страны и приводит к дефициту текущего счета баланса платежей страны. Если при этом Центральный банк страны держит курс национальной валюты в фиксированном режиме, он будет создавать дополнительные деньги, увеличивая денежную массу в экономике.

♦ Потоки капитала повышают цены на активы в стране и положительно влияют на благосостояние граждан, что увеличивает спрос населения на импортируемую продукцию и приводит к инфляции. Увеличение благосостояния граждан приводит к некоторой эйфории в стране, что еще больше стимулирует спекуляцию. В такие моменты сами финансовые институты могут стать слишком оптимистичными в результате повышения цен на их активы. Их займы населению могут также способствовать увеличению спекулятивного «пузыря». Более внимательные финансовые институты могут заметить явное уменьшение их доли на рынке и, следовательно, тоже поддаться спекулятивным сделкам. Таким образом, подобная эйфория награждает тех, кто настроен на краткосрочные перспективы, а не тех, кто осуществляет долгосрочные инвестиции.

Как показывает опыт Азии, такой бум за короткое время может превратиться в полный развал, в центре которого будут находиться краткосрочные потоки капитала. Как только иностранные инвесторы слегка потеряют оптимизм, «горячие деньги» исчезнут в более перспективные страны. В это время активы и валютный курс страны могут полностью потерять свою ценность. Компании, вовлеченные в спекулятивные операции, окажутся банкротами, а финансовые институты – неликвидными и неплатежеспособными.

Долгосрочные потоки капитала

Долгосрочные потоки капитала не являются такими волатильными, как краткосрочные потоки капитала. Обычно они представлены в форме прямых иностранных инвестиций и могут иметь достаточно положительное влияние на принимающую страну. Основной аргумент в пользу прямых иностранных инвестиций основан на новой теории роста, где они рассматриваются как источник обмена новыми технологиями и знаниями. Это приводит к повышению такого показателя, как предельная продуктивность капитала, что положительно влияет на экономический рост развивающихся стран.

Однако успех прямых иностранных инвестиций крайне зависит от способности принимающей страны абсорбировать и эффективно использовать импортируемые ноу-хау и технологии, что может быть обеспечено только при наличии благоприятного экономического климата. В противном случае прямые иностранные инвестиции могут оказать негативное влияние и привести к вытеснению отечественных инвестиций на национальном рынке. К тому же может также произойти отток такого долгосрочного капитала, хотя, конечно же, он не является таким волатильным, как краткосрочный капитал.

Попытки симуляции возможного влияния либерализации международного движения финансового капитала для ряда развивающихся стран на приток капитала в страну привели к результатам, изображенным на рисунке 5. График на данном рисунке показывает динамику притока капитала по отношению к основному капиталу при ежегодном 10-процентном снижении так называемого налога на иностранный капитал. Снижение данного налога, включающего в себя различные виды контроля на рынке капитала, означает либерализацию движения такого капитала.

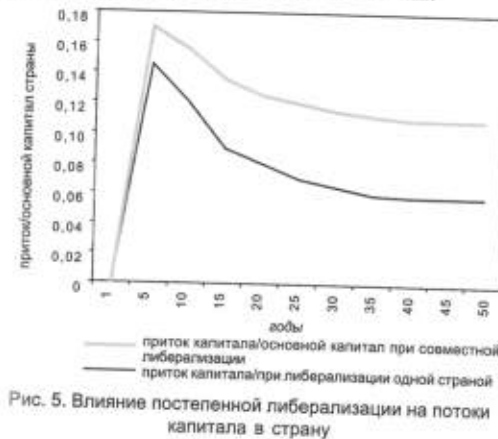

Рис. 5. Влияние постепенной либерализации на потоки капитала в страну

График показывает два варианта, когда страна либерализует рынок капитала одна и когда вместе с рядом других развивающихся стран. В обоих случаях ясно виден резкий скачок притока капитала в страну по отношению к основному капиталу. Это объясняется тем, что как только налог на иностранный финансовый капитал снижается, иностранные инвесторы сразу пересматривают свой инвестиционный портфель. В краткосрочном периоде иностранные инвесторы пытаются занять значительную часть акционерного капитала данной страны. Как только происходит корректировка портфеля инвестиций, потоки капитала начи-

нают снижаться, но до нового, более высокого «устойчивого уровня» притока капитала.

Как видно из графика, приток капитала в случае отдельной либерализации несколько больше, чем в случае одновременной либерализации всеми странами. Новый «устойчивый уровень» притока капитала в случае отдельной либерализации значительно выше, чем при совместной либерализации. Это объясняется высокими издержками при корректировке инвестиционного портфеля инвесторами в краткосрочном периоде.

Несомненно, что данное поведение потоков капитала является частным случаем, который зависит от специфики налога на иностранный капитал, представленный индивидуальной страной. Вероятно, что динамика потоков капитала может измениться при других начальных параметрах. Однако следует отметить определенную закономерность, присутствующую в независимости от специфических начальных параметров. Скачок притока капитала всегда присутствует, что означает наличие определенных рисков для такой развивающейся страны, как Казахстан, вставшей на пути либерализации.

В целом в Казахстане на протяжении ряда лет наблюдаются ежегодный, примерно 9-процентный, рост ВВП, улучшение показателей финансовой глубины, и посредничества, рост инвестиций, то есть налицо значительное улучшение макроэкономической обстановки в стране. Но даже при таких условиях снижение потоков капитала через определенный период времени будет неизбежно. Опыт иностранных государств показывает, что периоды резкого притока капитала и инвестиций неизбежно сменяются снижением притока. Такой фактор обязательно должен учитываться при регулировании иностранного капитала в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан, принятая Постановлением Правительства Республики Казахстан №753 от 28 июля 2003 года.
2. Статистические данные Национального банка Республики Казахстан // www.nationalbank.kz.
3. Bartolini, L., Drazen, A. When Liberal Policies Reflect External Shocks, What do we learn? // Journal of International Economics. – 1997. – #42. – Pp. 249–273.
4. Bachetta, Ph., van Wincoop, E. Capital Flows to Emerging Markets: Liberalization, Overshooting and Volatility. NBER Working Paper, April, 1998.
5. Johnston, R.B., Darbar, S.M., Echeverria, C. Sequencing Capital Account Liberalization. Lessons from the Experiences in Chile, Indonesia, Korea and Thailand, IMF Working paper 157.

Теоретические аспекты формирования механизма взаимодействия регионов и предприятий во внешнеэкономической сфере

ТЕКЕНОВ У.А., ДАУРЕНБЕКОВА А.Н.

Развитие устойчивых экономических связей между государствами и народами – реальность наших дней, вызванная ростом производительных сил и углублением международного разделения труда (МРТ). Тенденция к усилению взаимозависимости стран основывается на таком типе воспроизводственного процесса, который выходит за рамки региональных и национальных границ и выражается в интернационализации как самого процесса производства, так и рынка. Огромную роль при этом играют предприятия, организующие свою деятельность на международном уровне. Такие предприятия осуществляют производство, закупку товаров, сбыт и оказание разнообразных услуг не только на территориях регионов и национальных государств, но и далеко за границами стран базирования. Предприятиям такого рода отводится роль регуляторов рынка на микроэкономическом уровне. Используемые при этом методы организации международного производства разнообразны: от слияния отдельных предприятий и покупки акций иностранных фирм до образования международных группировок.

Часто при этом предприятия не занимаются чисто коммерческой, производственной или финансовой деятельностью, а сочетают в той или иной мере все стороны внешнеэкономической активности.

При этом необходимо всегда учитывать то обстоятельство, что предприятия действуют не в безвоздушном пространстве, а в каком-то конкретном регионе страны, который всегда отличается от других регионов какими-либо особенностями: наличием месторождений полезных ископаемых, выгодным экономико-географическим положением, наличием крупного производственного и науч-

но-технического потенциала, избытком трудовых ресурсов и так далее.

В условиях рыночного хозяйства при выходе предприятий на внешний рынок, учет всех позитивных и негативных факторов поддержки, которую может обеспечить им регион, играет немаловажную, если не сказать решающую роль во взаимосвязях предприятий с внешним рынком.

Поэтому рыночные отношения, которые развиваются в нашей республике вот уже второе десятилетие, предполагают, что процесс разрешения экономических противоречий в регионе и формирование для этого соответствующих пропорций и зависимостей осуществляются на основе взаимодействия различных уровней управления. В условиях экономических реформ роль и значение различных уровней управления в региональном воспроизводственном процессе меняются. До реформы слабо учитывались экономические противоречия в централизованно принимаемых решениях, что часто приводило к возникновению серьезных диспропорций в развитии и функционировании региональной системы. Министерства и ведомства, принимая социально-экономические и производственно-технологические решения, исходили из своих интересов, не учитывая интересы смежных предприятий, ассоциированных на территории региона. В этих условиях местные органы управления, сталкиваясь с противоречивыми тенденциями в развитии региона, в лучшем случае могли ставить вопросы перед вышестоящими органами управления. Экономическая реформа предусматривает усиление горизонтальных связей, основанных на экономической самостоятельности местных органов управления, что создает благоприятные условия для своевременного раз-

решения экономических противоречий в региональном воспроизводственном процессе.

Однако горизонтальные связи без воздействия вертикальных не в состоянии обеспечить гармоничное развитие экономических и социальных процессов, а также воздействовать на разрешение противоречий. Региональная система является частью экономического комплекса страны, ее развитие зависит от связей и отношений с другими регионами, с одной стороны, взаимодействия всех ее звеньев – с другой. Эти условия обеспечиваются существующими вертикальными и горизонтальными связями и отношениями. Взаимодействие этих двух групп связей обеспечивает открытый характер регионального воспроизводственного процесса.

Вертикальные связи выполняют регулирующие функции, нацеливая каждую региональную систему на выполнение ее главной функции – активное участие в территориальном и международном разделении труда, развитие своего хозяйства в соответствии с интересами экономики всей страны и мирового хозяйства. Вертикальные отношения и связи меняются в зависимости от конкретной стадии развития экономики страны, от уровня регионализации принимаемых управленческих решений.

Регламентирующим началом функционирования каждой региональной системы выступают вертикальные связи, обеспечивающие:

- 1) специализацию каждой региональной системы с учетом ее природно-климатических, ресурсных возможностей и географического положения с целью эффективного участия в территориальном и международном разделении труда;
- 2) долю национального дохода страны, направляемую на расширенное воспроизводство каждой региональной системы;
- 3) межрегиональное и международное взаимодействие и кооперацию производства, обмен продукцией промежуточного и конечного потребления;
- 4) формирование товарных рынков;
- 5) развитие непродуцирующей сферы в соответствии со стратегической целью выравнивания уровней жизни населения регионов страны;
- 6) рыночно-плановые методы управления социально-экономическими процессами.

Эти вертикальные связи реализуют принятую пространственную стратегию и региональную политику с учетом места, роли каждого региона страны, его участия в территориальном и международном разделении труда

и выполнении своих обязательств перед экономикой страны и мировым хозяйством.

Наряду с этими связями, существуют вертикальные связи, обеспечивающие развитие и функционирование единичных воспроизводственных процессов в каждом регионе:

- 1) техническую и технологическую политику, диктуемую интересами научно-технического прогресса;
- 2) инвестиционную политику;
- 3) схемы внутри- и межотраслевого кооперирования;
- 4) важнейшие параметры пространственной производственной деятельности, отрасли;
- 5) перераспределение прибыли между предприятиями;

6) внешнеэкономический аспект развития фирмы (предприятия, объединения);

7) участие в решении общерегиональных задач экономического и социального развития.

Углубление экономических реформ ослабляет эту группу вертикальных связей, так как в условиях рынка многие функции передаются непосредственно предприятиям. Поскольку предприятия являются не только звеньями отраслевых систем, но и элементами единой региональной системы, пользуются региональными ресурсами и услугами инфраструктурных отраслей, у них должны быть и обязательства не только перед отраслью, но и перед регионом.

Горизонтальные отношения и связи между звеньями региональной системы управляются местными органами управления, ибо они заинтересованы в комплексном развитии хозяйства и эффективном их участии в территориальном и международном разделении труда.

Региональный воспроизводственный процесс функционирует под воздействием различных уровней управления, причем каждый из них имеет свои цели.

Центральные (республиканские) и отраслевые органы управления, а также предприятия рассматривают региональную систему, реализуют в регионе общенациональную и отраслевую стратегию, а предприятия – свою стратегию. Но региональная система, участвуя в территориальном и международном разделении труда, озабочена также и тем, чтобы обеспечить комплексное, пропорциональное развитие, и поэтому совершенно правомерно ставит перед каждым уровнем управления определенные требования.

В этой связи важно определить:

- а) какие принципы должны быть положены в основу взаимодействия различных уров-

ней управления с тем, чтобы каждый из них обеспечивал бы решение своих первичных интересов и способствовал бы эффективно-му участию региона в территориальном и международном разделении труда;

б) какими свойствами должен обладать механизм, обеспечивающий эффективный процесс функционирования регионального воспроизводственного процесса;

в) при каких условиях возможно согласованное взаимодействие, исключающее противоречивые решения и обеспечивающее надежность функционирования региональной системы.

Для обеспечения надежного взаимодействия различных органов управления в регионе, на наш взгляд, необходимы:

- действенная система материальных и моральных стимулов;

- тщательная экономическая оценка всех выгод и потерь от участия региона в территориальном и международном разделении труда;

- обеспечение условий для быстрого и гибкого экономического маневрирования при возникновении ситуаций, порождающих непредвиденные ограничения и возможность риска;

- ответственность за соблюдение общеэкономических интересов страны в процессе комплексного социально-экономического развития региона.

При этом интересы, связанные с производственной деятельностью предприятий и отраслей, регламентированы и соответственно ограничены рамками действующего хозяйственного механизма, поэтому межотраслевое взаимодействие в этой области всегда обеспечено системой правовых и экономических рычагов, гарантирующих надежность выполнения взаимных обязательств. Совершенно другая ситуация в межотраслевом взаимодействии складывается при решении социально-экономических, природоохранных и производственных задач общерегионального характера, а также при организации ВЭС с предприятиями и отраслями других стран, ибо в этой области нет четких норм и правил, регулирующих взаимоотношения и делающих их обязательными для всех заинтересованных предприятий, ведомств и региональных систем, участвующих в реализации преимуществ территориального и международного разделения труда.

Как видно, что главная роль в развитии региональных систем принадлежит предприятиям и объединениям, ибо в условиях экономических реформ на этом уровне практи-

чески решаются наиболее важные вопросы производства совокупного общественного продукта и национального дохода, а также организации рациональных внешнеэкономических связей.

Все это говорит о том, что фактический механизм функционирования рыночной экономики может быть представлен как взаимное наложение организационной структуры производительных сил и структуры производственных отношений. Только в этом случае простое скопление элементов производительных сил окажется возможным интерпретировать как производственные единицы и хозяйственные группировки (цехи, предприятия, отрасли и так далее), ибо только выявление реальной природы отношений между участвующими в производстве людьми, реальными целями их деятельности дает ключ к разграничению технологических и экономических границ производственных ячеек (и особенно границ более крупных хозяйственных совокупностей).

Следовательно, рыночное производство можно рассматривать как совокупность производственных ячеек – предприятий, которые образуют более крупные хозяйственные группировки (объединения, отрасли, территориальные комплексы и так далее).

Фактически вследствие многообразия экономических связей и неоднозначности своих целей предприятия одновременно входят в различные хозяйственные группировки (по крайней мере, в отраслевые и территориальные). Поэтому организационную структуру рыночного производства образует переплетение всего множества частных структур, включающих предприятия, другие организации, их группировки. Вся совокупность таких организационно и экономически обособленных хозяйственных подсистем или звеньев разных уровней, а также существующих между ними сложных организационных связей, отражающих функциональную природу и уровень иерархии хозяйственных организаций, составляет организационную структуру рыночного производства.

Сегодня уже устарело традиционное представление о рыночном производстве как совокупности обособившихся предприятий-товаропроизводителей, кооперированные связи которых обеспечивают функционирование всей хозяйственной системы. В экономике формируются многоуровневые хозяйственные системы, в которых устойчивые производственно-технологические, экономические и внешнеэкономические связи обеспечива-

ются единством целей и организационным единством.

Включение в эти отношения интегрированных совокупностей первичных звеньев [типичным носителем такой формы, например, в странах с развитым рыночным хозяйством стала корпорация, в странах с переходной (транзитной) экономикой – промышленное и производственное объединение] определяет уже не абсолютную, а частичную экономическую и, следовательно, организационную обособленность первичного звена.

Формирование хозяйственных звеньев разных уровней и определенное ограничение в связи с этим самостоятельности предприятий не означают, однако, стирания различий между предприятием как первичным звеном организационной структуры и другими ее звеньями. Другое дело, что само предприятие качественно изменилось. Организационная структура предприятия в Казахстане прошла два основных этапа развития. На первом этапе оно формировалось, действовало и развивалось как производственно-техническая единица (фабрика, завод, транспортное предприятие, предприятие связи, строительное и прочее). Предприятие здесь выступает как компактно расположенная на единой территории совокупность производственных, обслуживающих и управленческих подразделений.

На втором этапе развития произошла определенная пространственная дезагрегация сложившегося ранее заводского производства, образовались единые производственно-хозяйственные комплексы – производственные объединения, в состав которых входят самостоятельные предприятия, производственные единицы, филиалы. Именно производственное объединение как современная форма многозаводского предприятия становится одной из ведущих форм первичного звена в условиях рыночной экономики.

При рассмотрении хозяйственных звеньев в качестве элементов организационной структуры рыночного производства из тезиса об относительном (то есть неполном) характере их экономической и организационной обособленности вытекает принципиально важное следствие.

Главная особенность относительной экономической обособленности заключается в том, что через организационно-экономические связи данного звена с другими звеньями организационной структуры реализуется определенная часть экономических отношений, обеспечивающих и дополняющих производственно-хозяйственную деятельность по вы-

пуску конечного продукта и обеспечению всего расширенного воспроизводства. Например, выпуск конечного продукта для реализации на внешнем рынке обеспечивается только частично в процессе осуществления экономических функций конкретным хозяйственным звеном [в частности, такие необходимые функции, как изучение спроса, ее сбыт на внешнем рынке, обеспечение необходимыми ресурсами, выполняются конкретным предприятием при непосредственном или косвенном участии государства в лице местных (региональных) органов управления, а также органов межотраслевого и отраслевого управления (Министерства индустрии и торговли, Министерства финансов и других)].

Таким образом, вся совокупность экономических функций, необходимых для производства конечного продукта, предназначенного для реализации на внешнем рынке, распределяется между хозяйственным звеном (предприятием) и государством (в лице региона).

Однако реформа экономики в Казахстане качественно изменила сущность предприятия, его место и роль.

В условиях командной, планово-централизованной экономики системы предприятие представляло собой производственно-технологический комплекс. Предприятия, которые производили экспортную продукцию, осуществляли свою деятельность в рамках монополии государства на внешнюю торговлю и все формы ВЭД.

Одно из направлений экономических реформ – передача внешнеэкономических функций на уровень предприятий. В условиях рыночной экономики предприятие является главным звеном, в основе образования и деятельности которого лежат экономические факторы. Эта роль предприятия обусловлена следующим:

- оно является звеном национального хозяйства, на нем создаются товары и услуги;

- предприятие – участник ВЭД является звеном мирового воспроизводственного процесса;

- оно – источник поступления валюты;

- внешнеэкономическая деятельность предприятия способствует расширению рабочих мест и так далее.

Одновременно в условиях рыночной экономики предприятия приобретают экономическую самостоятельность, их деятельность основана на принципе самоокупаемости, они сами отвечают по своим обязательствам и так далее. Основой деятельности каждого предприятия является производственный процесс,

который направлен на изготовление продукции, выполнение работ и создание услуг. Получив самостоятельность в осуществлении ВЭД, предприятия должны сами принимать решения относительно производства продукции и способов ее продвижения к импортеру. При этом они столкнулись с массой проблем. Приспособление предприятий к работе в рыночных условиях, сложное само по себе, происходило при следующих условиях:

- изменение форм собственности (разгосударствление, приватизация);
- становление правовых основ ВЭД;
- необходимость производства конкурентоспособной продукции;
- овладение искусством выбора партнера, выхода на внешний рынок и прочие.

Для многих предприятий, занимавших прочные позиции на казахстанском рынке, экспортные поставки стали дополнительным источником получения выручки от реализации части своей продукции за рубежом. Как правило, это были предприятия, отличавшиеся высокими темпами роста, обладавшие возможностями для выпуска конкурентоспособной продукции. Экспортная активность их в части случаев объяснялась сужением или насыщением внутреннего рынка и другими неблагоприятными факторами, оказывающими влияние на продажу товаров на внутреннем рынке, необходимостью сохранить кадры и так далее. Подобное положение было характерно для казахстанских предприятий топливно-энергетического, металлургического комплексов и других.

При осуществлении внешнеэкономической деятельности необходимо учитывать, что, во-первых, ВЭД – это органическая часть производственно-коммерческой деятельности, и если на предприятии она осуществляется неэффективно, то никакая внешнеэкономическая деятельность просто невозможна; во-вторых, ВЭД – это специфическая деятельность, поскольку она ориентирована на внешний рынок, где более жесткая конкуренция, более высокие требования к качеству товара, требуются специальные знания и опыт и так далее, и, в-третьих, ВЭД – это комплексная деятельность, включающая как вопросы производства, так и его финансирование, техническое качество продукции, проблемы выхода на внешний рынок и так далее.

Таким образом, в условиях рыночной экономики предприятие – самостоятельно хозяйствующий субъект, созданный в соответствии с действующим законодательством для производства продукции, выполнения работ, ока-

зания услуг в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли. Предприятия самостоятельно осуществляют свою деятельность и распоряжаются выпускаемой продукцией, реализуя ее на внутреннем и внешнем рынках, а также полученной прибылью.

Отмена монополии государства на внешнюю торговлю и представление всем юридическим и физическим лицам права выхода на внешний рынок породили множественность участников (субъектов) ВЭД. Участие во ВЭД, как правило, не требует специальных разрешений.

Субъектами ВЭД стали не только предприятия-производители, но и коммерческие структуры, внешнеэкономические объединения министерств и ведомств, межотраслевые комплексы, международные объединения, консорциумы, совместные предприятия и прочие. Все субъекты обладают равными правами, но в осуществлении самой ВЭД имеют специфику, например, в формах выхода на внешний рынок, в осуществлении основных и обеспечивающих операций и так далее.

Функции предприятий – участников ВЭД многообразны, и они могут обособляться, то есть субъекты ВЭД могут осуществлять только производство экспортной продукции, а организационно-консультационные вопросы на себя может взять маркетинговая фирма, также являющаяся субъектом ВЭД. Обособиться могут и коммерческие предприятия, которые принимают на себя функции по обеспечению основной экспортно-импортной операции, например, по страхованию, транспортировке и прочим.

Прежде всего, следует выделить предприятия, которые производят продукцию и сами ее экспортируют.

Большую часть субъектов ВЭД составляют предприятия, которые являются посредниками.

К субъектам внешнеэкономической деятельности относятся специализированные внешнеэкономические организации министерств и ведомств, которые обслуживают ВЭД государственного уровня. К таким субъектам относятся внешнеторговые организации – государственные агенты, на которые возлагаются закупки и поставки продовольствия из-за рубежа и за рубеж, например «Государственная продовольственная корпорация».

Субъектами ВЭД являются совместные предприятия, то есть предприятия с иностранными инвестициями на территории Казахстана.

Помимо предприятий и организаций, субъектами ВЭД выступают государственные органы – министерства, акиматы регионов (областей), а также зарубежные компании и государственные органы.

Большую группу субъектов ВЭД составляют общественные объединения. Это организации, которые создают предприятия, осуществляющие ВЭД, и их целью является содействие ВЭД входящим в них предприятиям. К общественным объединениям относятся торгово-промышленные палаты, различные ассоциации, союзы, объединения производителей, экспортеров и прочие.

Субъектами ВЭД выступают и ассоциации внешнеэкономического сотрудничества с зарубежными странами, а также межгосударственные организации и их представительства на территории Казахстана. Целый ряд представительств международных организаций работает в регионах Казахстана с начала 90-х годов и оказывает большую помощь, поддержку и услуги участникам ВЭД в виде консультирования, информирования, обучения, составления бизнес-планов и прочих услуг.

При этом общественные объединения казахстанских юридических лиц – участников ВЭД создаются для обеспечения защиты интересов членов объединений, представления их общих интересов, повышения эффективности и упорядочения экспорта и импорта, избежания недобросовестной конкуренции, развития и укрепления внешнеторговых связей с иностранными лицами и их объединениями.

Однако не допускаются использование объединений для монополизации и раздела внутреннего рынка, ограничения условий конкуренции для не входящих в них участников ВЭД, дискриминация в любой форме казахстанских и иностранных лиц в зависимости от участия в объединениях, а также использование таких объединений на внешнем рынке.

При этом в основе необходимости внешнеэкономической деятельности как для отдельной страны в целом, так и для ее совместных предприятий лежат, прежде всего, экономические интересы.

На уровне предприятий развитие внешнеэкономической деятельности означает новые возможности использования преимуществ международной производственной кооперации и увеличения степени экономической свободы в выборе наиболее эффективных путей для решения важных производственных задач:

1. Свобода экономического маневра производственными ресурсами с опорой на широчайшие возможности мирового рынка: замена более дорогих отечественных компонентов производства на более дешевые импортные, использование зарубежных лицензий и ноу-хау для снижения издержек производства, привлечение более дешевой рабочей силы из-за рубежа, перенос части производственного процесса в более благоприятные зарубежные условия и прочие.

2. Свобода выбора направлений и форм реализации произведенной продукции с максимальной прибылью. Проблема эффективной реализации произведенной продукции всегда была и остается приоритетной задачей любого предприятия, работающего в условиях рыночной экономики. Обостряющаяся конкуренция на национальном рынке по мере его насыщения однотипной продукцией толкает предприятия к поискам более благоприятных зарубежных рынков сбыта.

3. Свобода в выборе производственного партнера по кооперации, в наибольшей степени отвечающего экономическим интересам предприятия. Проблема выбора партнера для эффективного разделения производственных функций на основе кооперации требует тщательного изучения участников рынка данной продукции как внутри страны, так и за рубежом. При этом принимается во внимание множество экономических, организационных, а иногда и политических факторов, определяющих выбор такого партнера (технологическая совместимость, надежность, совпадение экономических интересов, благоприятный торгово-политический режим, географическое расположение, взаимовыгодность кооперационных поставок, возможности обмена результатами НИОКР, перспективы дальнейшего расширения и углубления производственного сотрудничества и так далее). Естественно, что расширение географии поиска такого партнера для производственной кооперации за рамками национальных границ позволяет осуществить такой выбор наиболее эффективно.

4. Свобода в выборе путей и возможностей повышения технического уровня производства и конкурентоспособности производимой продукции укрепления экспортного потенциала как закономерного результата в международной производственной кооперации.

5. Включаясь в международную производственную кооперацию, предприятие становится участником международного воспроизводственного процесса как единого цело-

го, отдельные части которого тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, что создает определенную основу для экономической стабильности отдельных звеньев воспроизводственной цепи.

Как видно, предприятия (объединения, фирмы, компании) – это основные ячейки рыночного хозяйства, которые решают все вопросы, связанные с конечными результатами производства, с выбором наиболее выгодных партнеров на внешнем рынке для кооперации и взаимодействия, а также определяют четкую позицию в выборе используемых технологических схем и в достижении мировых стандартов по качеству выпускаемой на экспорт продукции, соответствующему требованиям мирового рынка для реализации только одной (основной) цели управления экспортной деятельностью на этом уровне – максимизации прибыли.

Для достижения настоящей цели используются следующие функции:

- формирование и реализация производственной программы, обеспечивающей производство экспортируемой продукции с установленными издержками;

- формирование и реализация маркетинговой программы, направленной на реализацию продукции по максимальным ценам и в максимальных объемах и на исследование потребностей рынка в продукции, производство которой могло бы быть организовано на мощностях предприятия;

- проведение НИОКР, направленных на организацию производства продукции с повышенными конкурентными качествами.

Возможности осуществления данных функций ограничиваются финансовыми и иными ресурсами, находящимися в распоряжении предприятия. В общем случае на этом уровне в достаточном объеме реализуются производственная функция и функция НИОКР в то время, как функция маркетинга, осуществление которой на уровне мировой хозяйственной системы требует значительных затрат, реализуется в недостаточной степени и требует поддержки со стороны других уровней организации экспортной деятельности. В наших условиях, когда ресурсы большинства предприятий истощены, эффективная организация экспортной деятельности на рассматриваемом уровне возможна лишь при активной внешней поддержке всех осуществляемых на нем функций.

Основные же цели управления экспортной деятельностью на уровне региона – это повышение эффективности функционирова-

ния регионального хозяйственного комплекса, обеспечение импорта товаров и услуг в необходимых объемах, расширение базы налогообложения и повышение уровня занятости населения региона.

Решение этих задач достигается путем стимулирования расширения объемов производства продукции, в первую очередь – с максимальными показателями рентабельности, вовлечения в товарооборот ранее неиспользуемых ресурсов региона, проведения активной международной политики, направленной на формирование эффективной территориально-географической структуры экспорта.

С другой стороны, на уровне регионов должна отслеживаться внутренняя потребность в экспортируемых товарах и услугах и при необходимости – приниматься меры, направленные на ограничение экспорта стратегически значимых для региона товаров и услуг.

Для достижения этих целей используются следующие функции согласования интересов региона и предприятий:

- формирование структурно-отраслевых и территориально-географических приоритетов развития экспортного комплекса региона, то есть определение номенклатуры продукции, экспорт которой в наибольшей степени соответствует интересам региона, и наиболее эффективных внешних рынков ее реализации;

- проведение активной структурной политики, направленной на повышение эффективности функционирования экспортного комплекса региона. Реализация этой функции предусматривает, в первую очередь, выделение дополнительных ресурсов для осуществления наиболее эффективных производственных программ предприятий, в том числе инвестиционных программ. Поэтому возможности исполнения данной функции ограничиваются объемом ресурсов, которые могут быть выделены для этой цели. В настоящее время функция оптимизации структуры не может быть реализована в полном объеме;

- формирование и реализация региональных маркетинговых программ, с одной стороны, обеспечивающих предприятия региона необходимой информацией о конъюнктуре мирового рынка по соответствующей номенклатуре товаров, с другой – стимулирующей продвижение продукции предприятий региона на наиболее эффективные рынки сбыта путем заключения соответствующих соглашений (в пределах компетенции субъек-

та республики), расширения международных контрактов, развития инфраструктуры ВЭД. Исполнение этой функции требует выделения относительно небольших объемов ресурсов, поэтому она может и должна быть реализована даже в условиях кризисных явлений в экономике региона;

- проведение научно-исследовательских работ, направленных на определение наиболее эффективных путей реализации экспортного потенциала региона и его использования для ускорения процессов реконструкции и развития всего регионального хозяйственного комплекса региона. Оптимальной формой организации данной функции может стать формирование и реализация Программы развития экспортного комплекса региона, включающей в себя приоритетные производственные и маркетинговые программы предприятий-экспортеров.

- ограничение экспорта товаров и услуг, необходимых для обеспечения потребностей других предприятий региона или оказывающих неблагоприятное влияние на конъюнктуру внутреннего рынка региона. Реализация данной функции на этом уровне может осуществляться субъектом (регионом) республики либо самостоятельно – при условии предоставления необходимых полномочий (квот, прав лицензирования и прочих), либо через вышестоящие органы республики. Значимость этой функции определяется соотношением цен внутреннего и мирового рынка и уменьшается по мере их выравнивания;

- экспорт товаров, ресурсов и услуг, находящихся в собственности субъекта (региона) республики, то есть самостоятельное осуществление ВЭД. Но эффективное использование этой функции в настоящее время затрудняется отсутствием необходимой нормативно-правовой базы.

Однако при этом, управляя региональным воспроизводственным процессом, местные органы власти не обязательно должны вторгаться в сферу решения внешнеэкономических вопросов развития предприятий (объединений, фирм, компаний), ибо это идет вразрез с рыночными принципами управления региональной экономической, которые предполагают самостоятельность предприятий (объединений, фирм, компаний) в выборе наиболее эффективных решений внешнеэкономических вопросов. Но в то же время управлять региональным воспроизводственным процессом, не касаясь внешнеэкономической деятельности предприятий (объединений, фирм, компаний), расположенных на терри-

тории региона, невозможно. Известно, что каждое предприятие в состоянии нормально работать при наличии надежных горизонтальных связей, направленных на использование как региональных ресурсов, так и ресурсов внешнего рынка.

При этом механизм управления воспроизводственным процессом в регионе должен отвечать, на наш взгляд, следующим требованиям:

- 1) он должен служить интересам комплексного социально-экономического и внешнеэкономического развития региона, обеспечивая взаимовыгодные производственно-экономические связи между всеми звеньями региональной системы, а также ее рациональные внешнеэкономические связи с мировым хозяйством;

- 2) в наборе рычагов механизма управления непременно должны преобладать экономические, взаимодействующие с правовыми и организационно-административными;

- 3) он должен быть основан на долгосрочных экономических регуляторах, учитывающих региональные условия функционирования. Нормативный аппарат должен состоять из двух частей: а) финансово-экономических нормативов, устанавливаемых центральными (республиканскими) органами и регламентирующих поведение региона и отдельных его звеньев по линии вертикальных связей (внешнеэкономических, межотраслевых и так далее); б) нормативов, формируемых управляющими центрами территории для осуществления внутрирегиональной, пространственной, социально-экономической политики;

- 4) механизм должен обеспечивать как внешнеэкономическое, так и межотраслевое взаимодействие в решении социально-экономических и внешнеэкономических задач, то есть в осуществлении внешнеэкономической и инвестиционно-строительной политики;

- 5) рычаги этого механизма призваны участвовать в формировании сложившихся пропорций. Они должны быть нацелены на формирование новых пропорций в соответствии с тенденциями дальнейшего развития системы;

- 6) важное место в механизме управления воспроизводственным процессом в регионе, в формировании его рациональных внешнеэкономических связей с мировым хозяйством, в эффективном выходе и закреплении на внешнем рынке предприятий и фирм принадлежит системе маркетинга.

Организованная преступность в современных условиях

ТЕМЕРБЕКОВ А.А.

Преступность как криминологическое понятие представляет собой относительно массовое социальное явление, складывающееся из всей совокупности совершаемых в стране преступлений за определенный период времени. Ныне в мире, в том числе и в Казахстане, процесс глобализации в обществе негативно отразился на преступности. Преступность давно переросла рамки чисто профессионального интереса специалистов-криминологов и работников правоохранительных органов. Ее воздействие коснулось общества, всех его институтов, в том числе структур власти и управления. Сущность преступности сводится не только к тому, что она явление объективное, но и к тому, что она явление социальное, то есть связана с человеческим обществом и его закономерностями [1]. С позиции права, преступность возникла вместе с зарождением человеческого общества, трансформировавшегося на основе воздействия ряда факторов в государство, которое от имени всего общества устанавливало правовые границы поведения и санкции за их нарушение.

Для ученых и практических работников объектом внимания является преступность как социально-правовое явление, свойственное природе общественного организма как объективная наличность, опосредуемая через сознание и волю индивидов. Следовательно, процесс формирования преступности в целом подчинен определенным закономерностям, обусловленным происходящими в общественном организме преобразованиями, порою и потрясениями (катаклизмами). Ныне в число основных методологических принципов конкретных социальных и правовых исследований прочно вошла идея комплексности. Однако методологическая разработка данного принципа нуждается, разумеется, в дальнейшем совершенствовании. Особенно это относится к правоведению, что обусловлено, прежде всего, сложностью, взаимосвязанностью и взаимозависимостью объекта социального познания. «Комплекс-

ный подход, будучи направлен на целостное восприятие объекта, не исключает, а, напротив, допускает рассмотрение последнего под различными точками зрения, с точки зрения нескольких общественных потребностей и социальных целей, и, следовательно, включает в себе целый ряд взаимосвязанных аспектов, ни одним из которых в познании, получении и анализе социальной информации нельзя пренебрегать» [2].

Преступность как совокупность социальных явлений и процессов возникла в результате негативного опыта взаимодействия индивидуумов с обществом и его членами по поводу удовлетворения своих потребностей противоправными способами. Вследствие этого определенная часть общества ассоциируется, в ее параметрах устанавливаются сложные внутренние связи и отношения, в результате структуризации которых возникает совместная преступная деятельность. На основе совместной деятельности и общности целей и установок психологического характера формируется особая социальная общность людей, развивающаяся по собственным законам и нормам. Внутри преступности как целостной системы возникают подсистемы с автономными функциями, проявляющиеся в образовании различных видов преступности и форм преступных общностей. Как правило, это процесс инвариантен и происходит независимо от исторических форм социума, государства и систем борьбы их с преступностью.

Поскольку в наиболее широких определениях прогресс рассматривается как константа, процессуально не подлежащая качественному изменению, так и ее обратная сторона – регресс или деградация – имеет неизменный, но постоянно совершенствующийся вместе с прогрессом в ходе поступательного или ускоренного социального движения. С этой позиции преступность в определенных качественных параметрах как действие одной из сторон противоречия процессуально выступает социальной константой, различаясь

количественными показателями и в массовом описании адекватностью типу социума, в границах которого данная преступная система существует. Так, в мировой уголовной статистике установлена статистическая закономерность, согласно которой граница преступности, точнее контингента преступников, в среднем составляет примерно 5,6% от общей численности населения [3]. При этом отклонения от нормы опять-таки совпадают с наличием кризисных явлений в конкретном обществе. По мнению В.И.Шульги, подобный значимый и универсальный характер преступности своим следствием имеет невозможность в принципе быть побежденной здоровыми социальными силами, так как «преступность становится частью нашей реальности, нашей социальной природы, ликвидация которой может привести даже к социальным катаклизмам» [4].

Не все просто с описанием конкретных преступлений, если данный процесс рассматривать как следствие социальных противоречий, преступной системности и ее внутренних закономерностей. Конкретное преступление возникает как результат противоречия между отдельной личностью и ее микросоциальным окружением или обществом в целом, только на ином, индивидуальном, уровне и в конкретной жизненной ситуации. Причины конкретного преступления опосредуются причинами преступности как явления, и на криминологическом уровне «всеобщей» причиной существования единичных преступлений называется отчуждение индивида от общества [5]. Как следствие этого, оно порою приводит к серьезным социально-нравственным деформациям личности, которые уже сами выступают конкретными причинами конкретных преступлений, совершаемых конкретными личностями.

В отмеченном ключе социального системного аспекта мы рассмотрим некоторые качественные особенности организованной преступности как симптома и феномена именно процесса глобализации на все, в том числе негативные, стороны социальной жизнедеятельности.

Организованная преступность является одной из разновидностей преступности в целом, представляя собой сложное социальное явление [6]. Организованная преступность, наряду с общеуголовной, экономической и другими видами, выступает по отношению к преступности как социальному феномену как подсистема к системному явлению более широкого диапазона. В то же время сама орга-

низованная преступность по отношению к собственному организационному строению, структуре и функциям является аналогичной более развитой социальной системой. Это означает необходимость видеть в ней такое целостное объединение, которое обладает новыми не количественными, скорее всего, качественными характеристиками, не содержащимися в образующих ее компонентах и на современном этапе «маркирующими» качественное изменение всей совокупности преступности как социально организованной модернизированной системной целостности.

В любом случае системные качества могут быть описаны в границах комплекса методологических принципов:

- сущность и качественная специфика данной системы;

- состав, характеристика образующих ее частей, доминанты как основу, на которой система держится; противоречия между частями системы или системой как целым, являющихся источниками ее развития;

- структура системы, внутренняя взаимосвязь, координация и субординация составляющих ее структурных элементов;

- функции, основные направления деятельности системы в целом или ее каждой отдельной части;

- интегральные факторы, объединяющие части в целое, обеспечивающие ее системность и совершенствование, развитие и взаимодействие с иными системами;

- коммуникации с внешней средой, пути и формы, способы связи с другими системными объектами, в том числе с системой, внутренней составляющей которой является конкретная данная система;

- история, генезис возникновения, становления и функционирования, тенденции и перспективы системного развития [7].

В целом организованная преступность как характерная часть общей преступности также относится к классу явлений социальной природы. Возникая в недрах последней как ее потенциально возможное новое системное качество, преступность в целом заключает в себе действие всех новых и социально значимых тенденций уголовного мира: групповой, профессиональной, экономической, интеллектуальной. Именно в отмеченных областях преступности в последнее время криминологами фиксируется тесное переплетение целеполагания, организации и функций. Вместе с тем по ряду исследований наблюдается сокращение регистрируемой преступности на фоне параллельно опережающих темпов

роста латентной. Уменьшение регистрируемой и увеличение латентной преступности происходит за счет того, что связь между видами преступности стала настолько органически тесной, что фактически они слились в самостоятельную систему, приведшую к качественному изменению сущности и параметров всей преступности.

Качественно новые внутренние свойства связаны с иной степенью уровня самоорганизации преступности. И именно с появлением той совокупности конкретных преступлений, их видов и следствий, которые объединяются родовым понятием организованной преступности. Таким образом, организованная преступность, как справедливо отмечает А.И.Долгова, совершенно особое криминальное явление, целостное и, по существу, не дифференцируемое на ее различные виды. Речь может также идти об особом субъекте организованной преступности – устойчивом организованном преступном формировании, действующем как единый слаженный организм. Системность организованной преступности проявляется в единой, системной преступной деятельности, в которой преступления – это только отдельные звенья целостной системы [8].

Качественно новым признаком организованной преступности как социальной системы и характеризующей ее в качестве системообразующего явления можно считать ее способность ставить и достигать общие цели. Таковыми в криминологической литературе приводятся: получение сверхдоходов, легализация преступной деятельности и преступных общностей, а не просто удовлетворение тех или иных потребностей, как это имеет место быть в общей системе преступности. От групповой преступности организованная взяла общность и совместимость при совершении преступной деятельности; от профессиональной – высокий уровень знаний и навыков, становясь при этом источником социального существования; от экономической – принцип сверхобогащения и методику добывания материальных средств экономическими методами и способами, коррупционизм из отдельного вида преступлений превратился в механизм политического и социально-экономического обеспечения организованной преступности.

Состав организованной преступности как системы также значительно отличается новыми качествами составляющих ее компонентов по сравнению с качествами компонентов общей преступности. Составляющими частями

организованной преступности являются организованные преступные формирования, организованная преступная деятельность и управление формированиями и процессом их деятельности.

Организованная преступная группа рассматривается как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения, как правило, ряда преступлений. Ее отличают несколько примитивный уровень организации управления, общность целей и интересов, разделение функций и непосредственное личное устойчивое взаимодействие ее членов для достижения общей цели. Четко выраженной организационной структурой еще отсутствует, а административная функция не выделяется в качестве самостоятельной. Хотя отношения между членами группы не формализованы, социальные роли достаточно строго дифференцированы, имеет место специализация по сферам преступной деятельности.

Преступная организация (сообщество) – это объединение лиц или организованных групп для совместной преступной деятельности более сложной внутренней структурой с выделением самостоятельных функций руководства, непосредственного совершения преступления и обеспечения выживания преступной организации. Это более высокий уровень структурной организации. При наличии строгой иерархизации отношений, ролевой статус членов организации определяется характерными выполняемыми функциями. Непосредственное общение заменяется на опосредованное. Членство в преступной организации уже обязательно, а переход из одной преступной организации в другую может жестко пресекаться. Преступная деятельность направлена на достижение поставленной цели и носит характер расширенного воспроизводства, при этом численный состав колеблется в пределах от десятков и более количествах лиц. Соответственно формулировке п. 4 ст. 31 УК, преступная организация создается для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, что, разумеется, требует наиболее высокого организационного преступного образования.

Организованному преступному формированию как социальной организации также присуща иерархичность, как структурная, так и функциональная. Для достижения общей цели создается такой социальный институт, как управление. В прямой зависимости от социальной позиции и социальной роли каждого члена в организации устанавливается его со-

циальный статус. Управление в организованном сообществе выделяется уже в самостоятельный вид преступной деятельности, с определением для нее специализированных лиц или органов.

Следует отметить, наряду со ст. 31 УК, устанавливающей особую форму соучастия в виде совершения преступления преступным сообществом (организацией), в ст. 235 введен состав создания или руководства преступным сообществом, участия в преступном сообществе. Создается в плане теоретическом и практическом применении этих норм сомнение в их согласованности, следовательно, встает вопрос о целесообразности наличия в УК двух параллельных норм, конкурирующих по поводу одного и того же уголовно-правового явления. В связи с этим также не мешало бы обратить внимание на необоснованность упрека, высказанного в работе «Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы». Владивосток, 1999. – С. 57. Думается, автору должно быть известно, что аналогичные уголовные правовые нормы, упомянутые выше, содержатся и в УК РФ (ст.ст. 35, 2110) [9].

Как социальная организация преступное сообщество выполняет управленческие функции, такие, как идеологическое обеспечение, координационная деятельность, контроль, карательная функция и другие. Поскольку они входят в единую систему преступной деятельности в качестве опосредующих, хотя и руководящих функций, то, в силу проблемности законодательства и сложности определения доказательной базы каждого конкретного преступления, они не только не попадают под уголовный запрет, но и имеют тенденцию в последнее время действовать практически легально. Имея официальный статус определенной экономической или общественной структуры, все-таки преступные сообщества открыто взаимодействуют с органами государственной власти и управления, зачастую получая от них властную поддержку и, в свою очередь, поддерживают власть мощным криминальным экономическо-материальным ресурсом.

В орбиту функционирования преступного сообщества втягивается значительная часть населения, рассматривая их в качестве как бы альтернативных органов власти и правосудия. Таким образом, по мере ослабления государственного влияния на социальные и экономические процессы и усиления на этом фоне влияния на них преступных структур, образуется мнимый баланс общественных инте-

ресов, имеющий для реального развития социума тяжкие социальные последствия.

Целостность преступного формирования практически в любой из его форм связана с интеграцией факторов, влияющих на ее управляемость и расширение обратных социальных связей. Эти связи позволяют определить границы организованной преступности как системного образования, как прямо, так и опосредованно находящегося под внешним влиянием. Чем выше уровень организации системы, тем она более зависима от внешней среды, но и в большей степени оказывает обратное влияние на эту среду. В частности, организованные преступные формирования обладают коррупционными связями с органами власти как необходимым механизмом и условием собственного существования. Однако уже через коррупционеров, организованно или индивидуально, преступность сама формирует необходимые элементы воздействия на социум в своих интересах, включая в этом случае, как правило, государственных служащих и управленческих работников иных служб в свои ряды. Нередко в их состав входят и работники правоохранительных органов, военных ведомств и представительных органов власти.

Выявление криминологически значимых черт и свойств организованной преступности как системно структурированного социального явления необходимо не только для формулирования уголовно-правовой характеристики с целью выработки конкретных правовых мер борьбы с ней и совершенствования профилактических мер государственного и социального контроля, но и для понимания того жесткого факта, что современная преступность «вписывается» в мир глобализации намного быстрее и эффективнее, чем социальная политика государства, чья деятельность суть возможность как нормального социального развития, так и снижения вала преступности и ее тяжести путем пресечения негативного воздействия социальных криминогенных детерминант. Организованная преступность на постсоветском пространстве привлекает серьезное внимание западных, в том числе американских, аналитиков [10]. Определяя пути совершенствования социальных, экономических и правовых мер борьбы с организованной преступностью, необходимо, прежде всего, исходить из специфики ее причинного комплекса. Факторы, входящие в названный комплекс, во многом сходны с общими причинами преступности. Таким образом, как точно замечает А.И.Долгова,

«преступность – это не инородное тело в организме общества, а результат специфической деформации его характеристик, существующих в нем отношений, их перерождения» [11]. Вместе с тем своеобразие преступности определяется, прежде всего, ее, к сожалению, интегрированностью во властные отношения. Организованная преступность как никакой иной вид преступности коренится в деформации государственности. Именно от состояния целостности, консолидированности институтов государства зависят остальные его параметры. Разумеется, эта согласованность будет являться естественной, если государство как социальный регулятор, как инструмент согласования общественных, государственных, корпоративных и частных интересов само строится на началах свободы, справедливости и гуманизма. Личность и государство, по справедливому мнению Ю.Б.Мельникова, должны находиться в сбалансированных отношениях на основе взаимного уважения, гуманизма и социальной гармонии. «Без ущемления прав и свобод личности, но и без произвола чиновника или частного лица. Иначе возникает огромная пропасть между народом и государственной властью, глубокое отчуждение личности от государства» [12].

Из наиболее существенных государственных деформаций представляется возможным отметить криминализацию власти: ее коррумпированность (коммерциализацию); проникновение во властные структуры представителей преступного мира; замену государственных функций организованной преступностью как теневой политической силой [13].

Касаясь ресурсов правоохранительной системы, можно сказать следующее: если организм не справляется с потоком болезнетворных вирусов, как внутренне присущих ему, так и внешних по характеру воздействия, он потенциально обречен на летальный исход, невзирая на теоретические интерпретации ограниченности собственных возможностей. Данный вывод практически универсален, его действию подчинено функционирование любых сложных систем в природе, обществе и создаваемой руками человека технике. Но в естественных системах, таких, как организм человека или животный вид, закономерность действует фатально, живое существо до конца борется со своим недугом. То, что предлагается иными криминологами, в лучшем случае аналогично постановке вопроса об эвтаназии. Чтобы избавить от стра-

даний, лучше умертвить. На карте стоят два совершенно несопоставимых социальных феномена – нормальная жизнедеятельность социального организма и его часть, зараженная патологией криминального образа жизни. До тех пор, пока организм в состоянии успешно противостоять болезнетворному влиянию своей пораженной части, в кардинальных, строже – экстраординарных, мерах нет необходимости. Но в том-то и суть, что, в ответ на вызов глобализации, формы организованной экономической и корыстно-насильственной преступности, в особенности наркотизм, терроризм, издевательство над людьми и торговля ими, принимают такой же глобальный размах. И оправдание бездействия негуманностью криминализации или неспособностью ресурсной базы правоохранительной системы не предотвратит неизбежного летального исхода для всей нормальной социализированной части населения. Таким образом, если не борьба против преступности, то альтернатива – не социальный контроль, а разворачивание борьбы против большинства населения собственного общества. И данный вывод тем опасней, чем сознательней он формулируется интеллектуальной криминологической элитой.

Дело еще и в том, что если размах, степень проникновения в различные социальные подсистемы имеют под собой объективное основание как обратная, негативная сторона действия закономерностей прогрессивного развития, то степень извращенности, аморальности, вседозволенности и жестокости, как новых, так и традиционных видов преступности, – всецело результат субъективных факторов, таких, как необоснованная уровнем развития системы общественных отношений декриминализация отдельных видов преступности, гуманизация ответственности за средние, тяжкие и особо тяжкие преступления, практическая отмена действия принципа неотвратимости и адекватности наказания за совершенные преступные действия и равенства граждан перед судом. Так правомерно ли ставить в вину криминализацию при квалификационном уровне следственного аппарата, который имеет профессиональное образование ниже 40%, и считать, раз такой аппарат, то предел борьбы с преступностью ограничен его профпригодностью? Мы считаем, что как раз привлечением 100% профессионального и чистоплотного с точки зрения служебной этики кадрового состава можно расширить возможности следствия, аналогично и

по иным отраслям уголовной юстиции. В противном случае не социальный диагноз, а правовой приговор – жизненная альтернатива социума. И, в отличие от гуманности в отношении применения смертной казни к особо опасным для него преступникам, вердикт суда присяжных криминологов обжалованию не подлежит. Своими научными изысканиями, лояльными к конкретным преступникам и преступности в целом, они безжалостно приговаривают нормальное жизнедеятельное общество к высшей мере, обрекая на уничтожение под давлением криминального мира или на прозябание на его периферии в качестве асоциализированной части, так как нормой станет не право, а образом социализации – асоциальность. Фактически речь идет не о выборе между здоровым и больным, а между двумя формами собственно патологии: кримократии или асоциальное™. И третьего по всем законам логики в социальной природе общества не дано.

В свете изложенного представляется важным определить сущностное своеобразие и специфику именно организованной преступности как сложно организованного системного социального явления. Отмечая результаты достаточного количества криминологических исследований, можно предположить, как отмечает И.Я.Гонтарь, что качественное различие между организованной и прочей общеуголовной преступностью заключается в том, что общеуголовная преступность представляет собой определенную сумму разнородных преступлений за определенный период времени на определенной территории. Ее таксонометрическая единица – отдельное преступление, обусловленное случайным стечением множества социальных факторов и требующее ретроспективной ответственности виновного. Отсюда уголовное право, уголовный процесс всегда обращены в прошлое к оценке и доказательству свершившегося события и не определяют состояние общеуголовной преступности в будущем. Организованную преступность по ее содержанию можно определить как разновидность асоциальной деятельности определенного количества членов общества, направленной на постоянное получение доходов, различных выгод не только способами, которые сами по себе являются преступными [14]. Данная интерпретация предполагает верность утверждения о том, как бы это ни «кошунственно», быть может, звучит, но «преступная организация есть разновидность трудового коллектива» [15].

В таком методологическом аспекте от общеуголовной преступности как конечного результата пересечения большого числа случайностей организованную преступность отличает ряд особенностей, присущих и иным видам человеческой деятельности, преследующим экономические интересы, а именно:

- 1) подобный вид деятельности неизбежно проявляется в обществе, где складываются отдельные условия для достижения конкретных экономических целей путем совершения определенных действий либо в отдельном регионе, либо на территории всей страны;
- 2) наличие относительной массовости ее участников, обладающих для этого необходимыми индивидуальными способностями;
- 3) объединение участников деятельности в различные формы для более успешного достижения общих целей;
- 4) выделение в таком объединении функциональных ролей;
- 5) постоянное воспроизводство деятельности;
- 6) необходимость согласования и координации деятельности и соблюдения сложившихся норм поведения;
- 7) наличие структур, выполняющих арбитражные функции;
- 8) быстрая адаптация к меняющимся социально-экономическим условиям.

Взгляд на организованную преступность как разновидность социальной деятельности, только негативной по сущности, целям и способам реализации целей, приводит к возможности появления новых факторов, имеющих значение криминогенных детерминант. Поскольку достаточно определено, хотя в такой же мере и условно, можно выделить два направления организованной преступности: корыстно-насильственное, базирующееся на традиционной «культуре» и структуре криминального мира, отличающееся от него особой жестокостью и тяжестью наносимого вреда, и корыстно-корпоративное направление деятельности представителей практически всех уровней организации бизнес-общества, проявляющееся в систематическом нарушении законодательства в целях получения максимального дохода, не всегда сопряженное с прямым применением насилия, – то и подходы к борьбе с ними можно представить как различные уровни уголовно-правового преследования и профилактических методов государственного и социального контроля. Во всем многообразии складывающихся между ними переплетений, эти качественные признаки проявляются достаточно устой-

чиво. Так, коррупция, отмечает И.Я.Гонтарь, является результатом приспособляемости обеих разновидностей социально-негативной деятельности к легальному контролю [16].

Существующее между ними различие требует разных правовых подходов в плане создания мер противодействия, направленных, прежде всего, на способы деятельности, и исключает возможность принятия единого универсального закона, направленного против организованной преступности. Об этом убедительно свидетельствует правотворческая практика других государств. Следует отметить, что и отечественная законодательная база по ограничению организованной преступности должна складываться, по мнению ряда исследователей, из нормативных актов, направленных против отдельных форм организованной преступности с учетом их социальной опасности и специфических черт. При этом считается, что в настоящее время особую опасность представляет, прежде всего, насильственная преступность в виде множества региональных преступных группировок и преступных сообществ, которые не следует смешивать с организованными группами, совершающими отдельные, пусть и тяжкие, преступления.

Мы не поддерживаем данную точку зрения, как не поддерживаем позицию о более лояльном характере деятельности преступных сообществ, якобы заинтересованных в ослаблении общей криминальной обстановки в регионе и стране в целом. Основная цель подобных объединений – получение любыми способами сверхприбыли. С этой позиции для их деятельности:

а) право не играет никакой сдерживающей роли, равно как и мораль, за исключением тех случаев, когда маскировка под них может принести реальную выгоду;

б) основной способ существования преступных сообществ – криминальное воспроизводство как в сферах получения максимальной преступной прибыли, так и воспроизводством собственной криминальной среды, уже резко отличной по качественным параметрам от воспроизводства нормального социума;

в) воспроизводится не часть существующей социальной системы, а параллельная система с асоциальными свойствами.

Это предельно важно как в теоретическом, так и в методологическом аспектах. Социологам и криминологам предстоит переосмыслить парадигмы преступности как «сагеллита» общества или дюркгеймовскую

идею социальной патологии. Когда системные свойства количественно достигают критической отметки границы меры качественной определенности, то в процессе бифуркации, согласно теории сложных, в том числе и социальных систем, возможен вариант скачкообразного изменения качества существующей системы. При достаточной количественной базе объективно прогрессивного характера в результате формируется эквипотенциальная система более высокого уровня, а противодействующие ей процессы и элементы отбрасываются на периферию развития или «падают» на более низкий уровень качества структурной организации. Если лидирующим фактором выступает действие элемента, ансамбля элементов или подсистема негативного качества, то прежняя система распадается, уступая место не новому, более высокому уровню организации, а инверсии лидирующей подсистемы в структурно организованную социальную форму. Сообщество останется, но в нем все качественные, определяющие характер жизнедеятельности характеристики в качестве социальных детерминант будут подчинены или кримократии, или примут форму асоциальности^{TM}. Люди останутся прежними, нормы поведения, организации общественного воспроизводства в материальной и непроизводственной сферах станут подчиняться иным, асоциальным с позиции ментальности нашей современной цивилизации, закономерностям.

С позиции изложенного, наблюдающийся процесс попыток замены легальной власти и юстиции на свои теневые формы криминальной власти и юстиции является одной из самых серьезных угроз, связанных с вызовом глобализации в международной и национально-государственной социальных системах, как в форме прямого действия, так и опосредованно через негативные изменения индивидуального и общественного сознания, особенно его правовой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каиржанов Е.И. Преступность – явление социальное. Криминологический журнал. Предупреждение преступности. – 2002. – №1 (3). – С. 27.
2. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. – М., 1985. – С. 165.
3. Ли Д.А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. – М., 1998. – С. 38.
4. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999. – С. 46.
5. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток, 1989. – С. 98.

6. Мауленов Г.С. Организованная преступность / Криминологическая характеристика и профилактика современных проявлений преступности в Республике Казахстан. – Алматы: Данекер, 2001. – С. 38.
7. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М., 1981. – С. 17–18.
8. Организованная преступность. – М., 1998. – С. 4–5.
9. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999. – С. 57.
10. Organized Crime and Corruption in Russia: Implications For US And International Law. Scott P. Boylan // Fordham International Law Journal, 1999. – Vol. 19.
11. Долгова А.И. Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы. – М., 1997. – С. 14.
12. Организованная преступность: тенденции, перспек-

13. Скоблинов П. «Теневая юстиция»: формы проявления и реализации // Российская юстиция. – 1998. – №10; Поздняков Э.А. Философия государства и права. – М., 1995; Экономический порядок и криминальная конкуренция. – Челябинск, 1996 и другие.
14. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999. – С. 152.
15. Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // В сб.: Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. – М., 1997; Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999. – С. 152.
16. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999. – С. 153.

Административные барьеры в развитии предпринимательства (теоретическое осмысление)

СУЛЕЙМЕНОВА Г.К.

Из учебников общей экономической теории мы знаем, что условия конкуренции создают барьеры вхождения на рынок, заставляют экономических агентов работать по определенным правилам, соответствующим специфике рынка. Как выяснялось, помимо рыночных барьеров в экономике существуют и административные барьеры. Административные барьеры – удел не только развивающихся экономик¹ и переходных обществ, они в той или иной степени имеются и в экономически развитых странах².

Парадоксальность ситуации переходных обществ заключается в том, что, несмотря на

все усилия независимых государств развивать многоукладную рыночную экономику на базе частной собственности и предпринимательства, в их экономике присутствует высокий уровень административных барьеров (бюрократизации экономики). Поэтому целью данной статьи стало теоретическое обоснование понятия административные барьеры (АБ).

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ

В постсоциалистических странах переходный период сопровождался ростом транзакционных издержек. Факторами, снижающими стимулы к предпринимательской деятельности и ограничивающими возможности экономических агентов прогнозировать перспективы принимаемых ими решений в этих условиях, явились: (1) неопределенность будущего экономического и политического порядка, что особенно заметно сказывается при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность полученных ими приобретений; (2) резкая ломка институциональной структуры общества, то есть «правил игры», по которым

¹ Данная проблема нашла отражение в работе Э. Де Сото «Иной путь. Невидимая рука в третьем мире» (М.: Катафаге, 1995). Он ввел понятия «цена подчинения закону» и «цена внезаконности». Согласно автору, каждый предприниматель сравнивает свои издержки и выгоды от использования той или иной цены и выбирает наиболее приемлемую.

² Результаты исследований Всемирного Банка, проведенных в 69-ти странах в 1997–1998 годах, где было опрошено более 3600 предпринимателей, позволяет утверждать: институциональные барьеры существуют во всех странах, но значимость отдельных факторов разная [1]. Аналогичные результаты дали исследования 2004 года, где были опрошены предприниматели уже 130-ти стран мира [2].

привыкли действовать экономические агенты; (3) неспособность государства обеспечить исполнение законов и контрактов, а потому предприниматели шли на дополнительные затраты при осуществлении сделок [3]. В результате предприятия избирали краткосрочную стратегию, а самыми выгодными занятиями стали торговля, перераспределение ими операций на черном рынке.

На наш взгляд, основная причина заключалась в слабости институционального фундамента независимых государств, сформированного в 1991–1997 годах, которая проявлялась в том, что институты, то есть новые «правила игры», действуют в неполную силу³. Несовершенство формальных институтов, обростание их новыми неформальными правилами способствуют широкому распространению административных барьеров в экономике.

Если на начальных этапах реформы был актуальным вопрос поддержки предпринимательства, затем создание условий для его развития, то на нынешнем этапе актуальность приобретают вопросы защиты его от внешних посягательств, повышение действенности механизма enforcement'a.

Последнее объясняется тем, что стремление структурировать и упорядочить организацию малого бизнеса на деле обернулось высокими темпами развития государственных институтов, роста транзакционных издержек и гипертрофии регистрационных процедур, связанных с регистрацией, перерегистрацией, контролем и отчетностью и так далее. В результате, вместо системы поддержки, сформировалась устойчивая система барьеров, которая тормозит развитие предпринимательства и воспроизводит рентаобразующие отношения [5].

Согласно мнению ученых, в России административные барьеры как способ регулирования хозяйственной деятельности возникли

³ С позиции теории институты будут действенными, если работают все его составные элементы. На практике же были утверждены «правила игры», но механизм enforcement'a (инстанции и процедуры, обеспечивающие соблюдение этих правил) работает слабо. Слабый механизм enforcement'a не был в состоянии упорядочивать поведение рыночных агентов и делать его предсказуемым. Капелюшников связывает это несовершенство институциональной матрицы переходных обществ, которые выражаются в: (а) невыработанности общих правил в важных отраслях (например, купля-продажа земли); (б) параллельном существовании противоречивых друг другу норм, которые открывают простор для их произвольного толкования и применения; (в) не функционируемости «хороших» законов, потому что никто и ничто не заставляет с ними считаться [4].

в ответ на товарную интервенцию начала 90-х годов [6]. Факторами, способствующими и воспроизводящими административные барьеры, называются: избыточная формализация, наличие специфического ресурса у создателей АБ (возможности производства формальных норм государством), высокая норма прибыли от инвестиций в строительство АБ, обоснование необходимости АБ [7].

В России введение в деловой и правовой оборот термина «административные барьеры» произошло на рубеже 1995–1998 годов. В тот период в нашей стране преимущественно писали и говорили о проблемах развития малого предпринимательства: правовых, экономических, политических. Содержание отдельных проблем подразумевало наличие административных барьеров в отечественной экономике. Непосредственно об административных барьерах заговорили в последние 2–3 года. Х.Кусаинов считает, что за позициями «превышение полномочий», «вымогательство», «нарушение законодательства» проглядываются «барьерные интересы» [8].

Теоретическое обоснование термина «административные барьеры» вызывает много споров и обсуждается на многих уровнях.

Приведем некоторые рассуждения по этому поводу. В резолюциях ряда научно-практических конференций по проблемам предпринимательской деятельности административные барьеры определены как «специфические трудности развития бизнеса, обусловленные несовершенством государственного регулирования и контроля, либо сознательным ущемлением интересов малого предпринимательства со стороны государственных органов и отдельных чиновников» [9], или как «субъективные для МСБ «барьеры входа» на рынок, вызванные, прежде всего, тем, что действующие правила и механизм государственного регулирования хозяйственной деятельности «настроены» на относительно невысокие темпы подготовки и принятия решений в соответствии с бюрократическими принципами работы и оплату из собственных средств бизнесменов труда бюрократов, создающих эти барьеры (которые требуется затем преодолевать бизнесменам самостоятельно)» [10].

Согласно подходу А.Аузана, П.Крюковой, административные барьеры в экономике – «это установленные решениями государственных органов правила, соблюдение которых выступает обязательным условием ведения деятельности на рынке, вводящие платежи за прохождение бюрократических проце-

дур» [11]. Х.Кусаинов считает, что данное определение очень емкое, которое можно уточнить в части платежей. На его взгляд, речь должна идти об *искусственных мерах*, приводящих к расходам потребителей услуг, зачастую многократно превышающих установленные тарифы, при этом разница между «реальным» и «номинальным» платежом действительно проходит мимо бюджета [12]. На наш взгляд, эту разницу уместнее будет называть «коррупционный налог», который является навязанным или добровольным платежом в личный бюджет представителей государственных органов управления.

Согласно положению межведомственной комиссии по преодолению АБ в развитии предпринимательства в РФ «административные барьеры представляют собой действия органов исполнительной власти, выраженные в виде принятия нормативных, распорядительных документов, противоречащих действующему законодательству и нормативным актам РФ, а также связанные со злоупотреблением и превышением своих полномочий при проведении им контроля и надзора за деятельностью субъектов предпринимательства» [13].

По мнению А.Дягтерева и Р.Маликова, «АБ являются препятствиями, возникающими при организации и осуществлении предпринимательской деятельности вследствие введения нормативными актами органов государственного (федерального и регионального) и муниципального управления дополнительных бюрократических процедур и правил, предусматривающих возмездный характер их преодоления» [14].

Если внимательно посмотреть, то во всех определениях присутствуют элементы: «трудности (проблемы)», «правила», «платежи». Последние два элемента подталкивают нас к рассмотрению административных барьеров в качестве «институтов». Потому что, как и институты, они содержат правила и санкции. Возможно, что они не простые институты (правила). Авторы некоторых работ пишут, что АБ являются особыми (или особого вида) институтами [15; 16].

Тщательное изучение существующих проблем, барьеров, встречающихся в развитии предпринимательства, свидетельствуют о том, что они могут быть созданы преднамеренно и непредумышленно. При этом создатели АБ преследуют следующие цели:

- (а) получение ренты;
- (б) лоббирование интересов определенного круга лиц;

- (в) уменьшение уровня риска;
- (г) покрытие материальных и нематериальных расходов.

В первых двух случаях происходят целенаправленные действия, связанные со злоупотреблением и превышением своих полномочий на различных стадиях экономической деятельности.

В докладе Всемирного Банка действия предприятий, использующих коррупцию для придания правилам выгодной для них формы в ущерб остальному обществу, названо «захватом государства»; проблемы, породившие коррупцию в процессе проведения в жизнь новых законов, правил и постановлений, названы «административной коррупцией» [17].

Между государственными органами управления (и финансовыми учреждениями) и предпринимательскими структурами присутствует низкий уровень доверия. Вот поэтому в третьем случае для предотвращения «риска потерь» эти органы вводят многоступенчатую стадию сбора согласовательных и разрешительных документов на определенную деятельность и получение кредита.

К тому же представители государственных органов управления, ограниченные в финансовых возможностях, считают оправданным покрытие материальных и временных расходов на оформление и подпись справок и других документов. Поэтому в четвертом случае они устанавливают плату и сборы.

Из вышеизложенного следует, что в задаче административных барьеров входит обеспечение необходимого уровня доходов, снижение уровня риска, покрытие материальных и моральных издержек структур, выдающих необходимые документы.

Главная функция институтов – экономия транзакционных издержек. К сожалению, административные барьеры выполняют обратную функцию, то есть вызывают рост транзакционных издержек. На наш взгляд, данное обстоятельство оправдывает специфику АБ как особых институтов.

С другой стороны, всякое правило может быть рассмотрено в качестве барьера, так как ставит ограничительные рамки деятельности. С позиции предпринимателей, большая часть правил может быть воспринята как барьеры, потому что они препятствуют быстрому росту и максимизации прибыли. С позиции государства, все создаваемые правила призваны упорядочить деятельность государственных и предпринимательских структур и защитить внутренний рынок. Однако обе стороны

понимают, что существуют некоторые правила, которые действительно являются барьерами.

Предумышленно созданные административные барьеры выражаются в утверждении формальных институтов, не облегчающих процесс обмена, а, наоборот, осложняющих их. По этому поводу П.Крючкова пишет: «...административные барьеры можно рассматривать как формальные обязательные правила ведения хозяйственной деятельности на рынках товаров и услуг, устанавливаемые органами государственной власти и местного самоуправления, частные издержки, от введения которых для хозяйствующего субъекта, подпадающего под их действие, превышают частные выгоды от введения с учетом эффекта дохода» [18].

Например, схема аренды помещений, где государственные структуры создали целую систему. В результате арендатор (представитель малого бизнеса) сталкивается с глубокоэшелонированной, разветвленной сетью государственных структур, занимающихся вопросами недвижимости различных форм собственности. Такая схема действий выстраивает за собой целый институт альтернативного поведения в государственных структурах (финансовых учреждениях) и в рамках действующих нормативов служит дополнительным источником их содержания [19].

Непредумышленные административные барьеры появляются из-за ограниченной рациональности законодателя и изменений институциональной среды. Они легче поддаются корректировке и отмене, поскольку отсутствуют силы, непосредственно заинтересованные в их поддержании и создании [20].

Таким образом, рассмотренные определения административных барьеров подчеркивают, что они появляются на базе формальных правил. Их создание определено выгодами и издержками предпринимателей и создателей АБ.

⁴ Небольшая экономическая история республики имеет множество примеров, когда, несмотря на выполнение всех формальных правил, предприниматель не получал доступ к необходимым ресурсам (благам), так как действовали жесткие неформальные правила получения доступа к ресурсам (благам), суть которых заключалась в оставлении «шалки» (определенного процента от получаемой суммы) конкретным лицам. «Шалка» служила гарантией того, что предприниматель получит кредит в банковской структуре или выиграет тендер.

⁵ В результате один и тот же барьер на уровне нормативной практики и на уровне административного исполнения имеет разные стоимостные характеристики [21].

⁶ Асимметрия в отношениях между экономическими агентами экономической системы может существовать в сле-

На наш взгляд, некоторые административные барьеры можно рассматривать как некие неформальные институты, создающиеся в рамках формальных институтов. Например, для получения доступа к некоторым ресурсам, помимо выполнения всех формальных правил, необходимо иметь связи с конкретными людьми, прийти с ними к определенному соглашению⁴. Только выполнение известного алгоритма действий дает гарантии предпринимателю получить необходимый ресурс⁵. На наш взгляд, их появление, прежде всего, связано с ментальностью нашего общества. Не всегда экономические агенты уверены в том, что достаточно выполнения формальных правил для получения необходимых ресурсов.

В целом малый бизнес через систему государственного регулирования рыночных отношений испытывает двойное давление. С одной стороны, это чрезмерно разросшиеся административные системы и процедуры, с другой стороны, это коррупция, успешно использующая АБ в целях получения дополнительных, неучтенных доходов.

Мы ранее писали, что фактически формальные институты переходных обществ – это новые «правила игры» со слабым enforcement'ом. В то же время административные барьеры – это формальные (и неформальные) институты с действенным enforcement'ом. Санкциями, в случае административных барьеров, являются возникающие барьеры, ограничения, асимметрия в отношениях между агентами⁶. Санкции вступают в силу, если предприниматель отказывается (или не знает кому) платить коррупционный налог.

В принципе предприниматель имеет выбор: платить или не платить коррупционный налог. В случае если предприниматель платит коррупционный налог, то он получает доступ к необходимым ресурсам. Если не платит, то у него возникают барьеры вхожде-

ющих форм: (1) асимметрия в распределении собственности на определенный вид ресурсов; (2) неравная эластичность спроса на блага (ресурсы), которыми обладают стороны трансакции; (3) неравная значимость для сторон трансакции ресурсов, которыми обладают стороны обмена; (4) различная величина издержек для сторон обмена, связанных с выходом из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников получения ресурса; (5) отсутствие равновесия спроса и предложения на конкурентном рынке; (6) асимметрия в распределении информации между сторонами обмена или отношений «принципал-агент»; (7) асимметричный характер распределения специфических ресурсов; (8) асимметрия покупательной способности агентов; (9) неравный доступ к ресурсам принуждения или насилия [22].

ния, ограничения в доступе, а также риск упущенной выгоды.

Таким образом, наличие административных барьеров как институтов связано с существованием экономической власти⁷. Именно экономическая власть позволяет представителям органов исполнительной власти разрабатывать новые правила или дополнять уже существующие правила в целях их совершенствования, злоупотребления или лоббирования интереса определенного круга лиц. Экономическая власть, позволяющая производить неэффективные, но рентообразующие формальные правила, усиливается отсутствием ответственности за производство таких норм.

В результате административные барьеры проявляются двойным образом в виде неэффективных формальных институтов и неформальных институтов, действующих вокруг формального института.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ И/ЛИ «СИСТЕМНЫЕ» БАРЬЕРЫ

Исследованиями доказано, что на практике для предпринимателя административные барьеры, прежде всего, идентифицируются с административной системой, которая трактуется и персонализирует барьерные правила. Если теория вопроса трактуется административные барьеры как правило, то «реальная жизнь идентифицирует их с администрацией» [24]. И основное противоречие развивается не между правилом и бизнесом, а между бизнесом и администрацией, которая с успехом преломляет любые законодательные инициативы в собственных интересах. Поэтому основной тормоз развития малого бизнеса – это не столько административные барьеры, сколько административная система.

Также, на взгляд ученых, в экономике стран СНГ присутствуют не столько административные барьеры, сколько «системные барьеры». Этот барьер уже не является следствием административного произвола, ибо целая система, вместо того чтобы стать действенным инструментом развития и регулирования малого бизнеса, на деле становится преградой на пути ведения бизнеса. Ведь барьеры созданы в системе (1) регистрации, перерегистрации, контроля и отчетности бизнеса; (2) кредитования бизнеса; (3) налоговой сферы; (4) аренды помещений. Системным этот барьер становится, так как ведет к транс-

⁷ Это и есть специфический ресурс Б-актора, о котором пишет П.Крючкова [23].

формации всего института предпринимательства в сторону встраивания альтернативных отношений, не подконтрольных государственным органам. То есть в сторону увеличения «серой»⁸ составляющей, переводя одновременно дополнительные транзакционные затраты в сферу теневых отношений.

Сложившуюся ситуацию П.Крючкова объясняет следующим образом: высокая прибыль на «рынке административных барьеров» вызывает приток конкурентов, предлагающих иные способы их преодоления с более низкими издержками. Альтернативные пути могут быть легальными, полулегальными и нелегальными. Последние две как раз ведут к росту «серой» экономики [26].

Расчеты Басаревой, Brown, Earl показали, что криминальная обстановка содействует предпринимательству [27; 28]. Преступные группы могут облегчить поставку товаров за счет обхода бюрократических рогадок или защиты поставок от грабителей и тем самым способствовать повышению эффективности работы.

На наш взгляд, ситуацию с административными барьерами можно переложить на микроэкономическую модель рынка, как и институты. Это связано с тем, что административные барьеры являются особыми институтами (правда, с обратным эффектом). Соответственно они предлагаются в особом рынке административных барьеров.

Участниками рынка выступают экономические агенты и представители государственных органов управления. Спрос на административные барьеры (D_{AB}) выражают определенный круг аффилированных лиц, заинтересованных в получении особых условий ведения бизнеса или просто денежных вознаграждений. Формальные институты (со всеми признаками АБ или просто АБ), в соответствии со спросом, предлагают (S_{AB}) представители государственных структур. С учетом того, что издержки разработки и внедрения новых институтов очень высоки, то и цена будет (установлена) достаточно высокой.

Аффилированные лица заплатят необходимую сумму разработчикам, если NPV по-

⁸ На Западе любой бизнес либо «черный», либо «белый». Если предприятие зарегистрировано, оно – «белое». Если же работодатель использует нелегальную рабочую силу, торгует оружием – в официальных реестрах такого бизнеса не найти. В России же появилась специфическая форма ведения бизнеса – это «серый» бизнес, практически неотделимый от легального, которая выражается в сокрытии объемов производства, занижении прибыли и других [25].

ложителен ($NPV > 0$). То есть предприятия, лоббирующие разработку и принятие определенных законодательных актов, обеспечивающих будущий доход для них, рассчитывают чистую текущую стоимость инвестиций (NPV) в создание АБ. Формулу чистой текущей стоимости инвестиций (NPV) в создании АБ предложили А. Дегтярев и Р. Маликов [29].

По мнению авторов формулы, величина NPV^1 также отражает оценку потерь общества от данного административного барьера.

Величина спроса на «рынке административных барьеров» будет небольшой. Это связано с тем, что не все экономические агенты в состоянии заплатить необходимую сумму. Но мы не исключаем ситуации, когда экономические агенты могут объединить усилия. Результатом таких действий будет «захват государства».

В данном случае «рынок административных барьеров» может рассматриваться как олигополистический рынок, где несколько крупных предприятий устанавливают свои правила ведения бизнеса, а другим, более мелким, предприятиям, действующим на данном рынке, только и остается следовать этим правилам.

Ученые показали ситуации, которые сопровождаются операционными издержками. Они сгруппированы сообразно условиям прохождения стадий производства, оборота и текущей деятельности: АБ на входе предприятий на рынок (лицензирование, разрешение, регистрация, согласование проектной документации); АБ, связанные с допуском товаров на рынок (сертификация, идентификация, маркирование); АБ, связанные с административными издержками предпринимателей в процессе текущей деятельности (инспекционная деятельность, контроль и надзор, делопроизводство, документооборот, отчетность) [30; 31; 32]. Соответственно можно предположить, что на «рынке административных барьеров» предлагаются 3 типа барьеров: 1) барьеры, связанные с входом на рынок; 2) барьеры, связанные с допуском товаров на рынок; 3) препятствия в организации текущей деятельности.

Таким образом, можно сделать заключение, что административные барьеры существуют на всех этапах ведения бизнеса. Повсеместное их существование модифицирует их в «системный барьер». Если формальные правила, создающие административные барьеры, можно отменить, то неформальные правила (норма, традиции дачи взяток, свой представитель в государственных и/или финансовых структурах) трудно отменить. По-

следние превращены в норму поведения общественных предпринимателей. И каждый новый предприниматель должен следовать этим нормам, в противном случае они столкнутся с непониманием со стороны других экономических агентов.

ПРЕОДОЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ

Преодоление любого вида барьера сопровождается издержками и потерями. Преодоление экономических барьеров требует повышения конкурентоспособности предприятия, то есть инвестиционных вложений в развитие техники, технологий, человеческого капитала. Преодоление административных барьеров требует больших денежных расходов, а именно осуществления официальных и теневых выплат⁹. Предприятие функционирует эффективно, если окупаются все издержки. Поэтому издержки включаются в стоимость производимой продукции (товаров и услуг).

От административных барьеров несут потери не только предприятия, но и общество в целом. Они делятся на прямые и косвенные. Прямые потери связаны с завышением розничных цен предприятиями вследствие включения в них издержек преодоления АБ. Косвенные потери связаны с недопроизводством ВВП из-за снижения эффективности использования имеющихся ресурсов [34].

Методология измерения количественных потерь, связанных с преодолением административных барьеров, находится на стадии разработки. Общепринятой является подсчет денежных затрат и затрат времени на выполнение тех или иных процедур.

Ученые, государственные структуры, общественные организации предлагают различные пути устранения АБ. Вместе с тем некоторые предумышленно созданные АБ трудно устранить из-за сопротивления заинтересованных групп (представителей государственных структур или коммерческих структур), извлекающих статусную ренту. Это объясняется наличием «эффекта блокировки» (lock in effect) [35; 36]. Последнее обуславливает мультипликацию барьеров, введение дополнительных способов контроля и регулирования. Таким образом, ученые приходят к мнению, что «барьерная» система регулирования является самоподдерживающейся. П. Крючкова при-

⁹ Эти выплаты по своей экономической природе являются разновидностью транзакционных издержек, поскольку представляют собой не плату за ресурсы, а плату за право пользования ими [33].

дит к выводу, что в барьеростроительстве существует цикл, но этот цикл представляет собой устойчивую систему. Общий подход к борьбе с АБ она определила следующим образом: снижение «инвестиционной привлекательности» административного «барьеростроения» за счет повышения издержек введения административного барьера и снижения выгоды от его функционирования (в том числе рассеивание ренты).

Таким образом, существует необходимость совершенствования институтов, регулирующих предпринимательскую деятельность. В первую очередь следует провести ревизию всех формальных правил и выявить среди них неэффективные, противоречащие с другими формальными правилами. Заметим, что работа проводится систематически как со стороны государственных структур, так и общественных объединений предпринимателей. Однако результативность не столь высока. На наш взгляд, это связано с тем, что большая часть предпринимателей еще не осознают необходимость объединения усилий для действия в качестве институциональных предпринимателей¹⁰. Хотя в последнее время общественные объединения предпринимателей проявляют активность в консолидации своих усилий в разрешении собственных проблем. Во-вторых, необходимо способствовать повышению уровня доверия между экономическими агентами за счет стабилизации экономических и политических процессов. Эти и другие меры в конечном счете позволят разработать и внедрить новые правила, что повлечет за собой постепенное исчезновение и/или устранение неэффективных правил, сдерживающих развитие предпринимательских структур.

ЛИТЕРАТУРА

- Басарева В.Г. Институциональные особенности развития малого бизнеса в регионах России. Научные доклады. №02/02. Консорциум экономических исследований и образования. – М., 2002. – 60 с. (С. 18).
- Doing Business in 2004: Understanding Regulation. Report of World Bank. Интернет-источник: <http://www.worldbank.org/DoingBusiness>.
- May В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 124–137 (С. 131).
- Капелюшников Р. Где начало того конца? (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 138–156.
- Маньков В.С. Институциональные аспекты в государственном регулировании малого бизнеса // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. – 2004. – №2. – С. 20–44 (С. 21).
- Аузан А., Крючкова П. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. – 2001. – №5. – С. 73–88 (С. 78).
- Крючкова П. Снятие административных барьеров в экономике // Вопросы экономики. – 2003. – №11. – С. 65–77 (С. 68–71).
- Кусаинов Х. Реформы и барьеры в экономике // Альфа-ри. – 2002. – №6. – С. 21–23 (С. 22).
- Малые предприятия в России: состояние, проблемы, перспективы. – М., 1999. – С. 69.
- Материалы Форума по развитию предпринимательства и предприятий в РФ. Интернет-источник: <http://www.rcmse.ru>.
- Аузан А., Крючкова П. Указ. соч. С. 73.
- Кусаинов Х. Указ. соч. С. 22.
- Положение межведомственной комиссии по преодолению АБ при развитии предпринимательства. Интернет-источник: <http://www.rcmse.ru>.
- Дегтярев А., Маликов Р. Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства // Вестник МГУ. С. 6. Экономика. – 2003. – №6. – С. 42–58 (С. 48).
- Крючкова П. Указ. соч. С. 66.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч. С. 49.
- Грей Ш., Хеллман Дж., Райтерман Р. Борьба с коррупцией в переходный период-2. Коррупция в отношениях между предприятиями и государством в странах Европы и ЦА в 1999–2002 годах. С. 2. Интернет-источник: <http://www.worldbank.org>.
- Крючкова П. Указ. соч. С. 66.
- Маньков В.С. Указ. соч. С. 21.
- Крючкова П. Указ. соч. С. 67.
- Маньков В.С. Указ. соч. С. 30.
- Дементьев В. Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. – 2004. – №3. – С. 50–64 (С. 51).
- Крючкова П. Указ. соч. С. 69.
- Маньков В.С. Указ. соч. С. 30.
- Там же. С. 39–41.
- Крючкова П. Указ. соч. С. 72.
- Басарева В.Г. Указ. соч. С. 18.
- Brown, D., Earl, J. Competition, geography, and firm performance: Lessons from Russia. Paper presented at CEPR/WDI Annual International Conference on Transition Economics. – Moscow, 2–5 July, 2000.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч. С. 56–57.
- Аузан А., Крючкова П. Указ. соч. С. 78.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч.
- Morisset, J., Neso, O.L., 2002. Administrative Barriers to Foreign Investment in Developing Countries. Policy Research Working Paper, #2848.WB and IFC FIAC:21 // <http://econ.worldbank.org>.
- Исследование административных барьеров в экономике / Под руководством В.Л. Тамбовцева. Заказ ИНП «Общественный договор». 2001 год // <http://www.inp.ru/main.html?code=-42>.
- Аузан А., Крючкова П. Указ. соч. С. 74.
- Там же. С. 80.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч. С. 56.
- Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория: Учебник. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – 336 с. (С. 317).

¹⁰ Институциональный предприниматель – индивид или группа индивидов, объединяющих ресурсы для изменения существующей системы формальных ограничений [37].

ложителен ($NPV > 0$). То есть предприятия, лоббирующие разработку и принятие определенных законодательных актов, обеспечивающих будущий доход для них, рассчитывают чистую текущую стоимость инвестиций (NPV) в создание АБ. Формулу чистой текущей стоимости инвестиций (NPV) в создание АБ предложили А.Дегтярев и Р.Маликов [29].

По мнению авторов формулы, величина NPV^1 также отражает оценку потерь общества от данного административного барьера.

Величина спроса на «рынке административных барьеров» будет небольшой. Это связано с тем, что не все экономические агенты в состоянии заплатить необходимую сумму. Но мы не исключаем ситуации, когда экономические агенты могут объединить усилия. Результатом таких действий будет «захват государства».

В данном случае «рынок административных барьеров» может рассматриваться как олигополистический рынок, где несколько крупных предприятий устанавливают свои правила ведения бизнеса, а другим, более мелким, предприятиям, действующим на данном рынке, только и остается следовать этим правилам.

Ученые показали ситуации, которые сопровождаются операционными издержками. Они сгруппированы сообразно условиям прохождения стадий производства, оборота и текущей деятельности: АБ на входе предприятий на рынок (лицензирование, разрешение, регистрация, согласование проектной документации); АБ, связанные с допуском товаров на рынок (сертификация, идентификация, маркирование); АБ, связанные с административными издержками предпринимателей в процессе текущей деятельности (инспекционная деятельность, контроль и надзор, делопроизводство, документооборот, отчетность) [30; 31; 32]. Соответственно можно предположить, что на «рынке административных барьеров» предлагаются 3 типа барьеров: 1) барьеры, связанные с входом на рынок; 2) барьеры, связанные с допуском товаров на рынок; 3) препятствия в организации текущей деятельности.

Таким образом, можно сделать заключение, что административные барьеры существуют на всех этапах ведения бизнеса. Повсеместное их существование модифицирует их в «системный барьер». Если формальные правила, создающие административные барьеры, можно отменить, то неформальные правила (норма, традиции дачи взятки, свой представитель в государственных и/или финансовых структурах) трудно отменить. По-

следние превращены в норму поведения общественных предпринимателей. И каждый новый предприниматель должен следовать этим нормам, в противном случае они столкнутся с непониманием со стороны других экономических агентов.

ПРЕОДОЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ

Преодоление любого вида барьера сопровождается издержками и потерями. Преодоление экономических барьеров требует повышения конкурентоспособности предприятия, то есть инвестиционных вложений в развитие техники, технологий, человеческого капитала. Преодоление административных барьеров требует больших денежных расходов, а именно осуществления официальных и теневых выплат⁹. Предприятие функционирует эффективно, если окупаются все издержки. Поэтому издержки включаются в стоимость производимой продукции (товаров и услуг).

От административных барьеров несут потери не только предприятия, но и общество в целом. Они делятся на прямые и косвенные. Прямые потери связаны с завышением розничных цен предприятиями вследствие включения в них издержек преодоления АБ. Косвенные потери связаны с недопроизводством ВВП из-за снижения эффективности использования имеющихся ресурсов [34].

Методология измерения количественных потерь, связанных с преодолением административных барьеров, находится на стадии разработки. Общепринятой является подсчет денежных затрат и затрат времени на выполнение тех или иных процедур.

Ученые, государственные структуры, общественные организации предлагают различные пути устранения АБ. Вместе с тем некоторые предумышленно созданные АБ трудно устранить из-за сопротивления заинтересованных групп (представителей государственных структур или коммерческих структур), извлекающих статусную ренту. Это объясняется наличием «эффекта блокировки» (lock in effect) [35; 36]. Последнее обуславливает мультипликацию барьеров, введение дополнительных способов контроля и регулирования. Таким образом, ученые приходят к мнению, что «барьерная» система регулирования является самоподдерживающейся. П.Крючкова прихо-

⁹ Эти выплаты по своей экономической природе являются разновидностью трансакционных издержек, поскольку представляют собой не плату за ресурсы, а плату за право пользования ими [33].

дит к выводу, что в барьеростроительстве существует цикл, но этот цикл представляет собой устойчивую систему. Общий подход к борьбе с АБ она определила следующим образом: снижение «инвестиционной привлекательности» административного «барьеростроения» за счет повышения издержек введения административного барьера и снижения выгоды от его функционирования (в том числе расписание ренты).

Таким образом, существует необходимость совершенствования институтов, регулирующих предпринимательскую деятельность. В первую очередь следует провести ревизию всех формальных правил и выявить среди них неэффективные, противоречащие с другими формальными правилами. Заметим, что работа проводится систематически как со стороны государственных структур, так и общественных объединений предпринимателей. Однако результативность не столь высока. На наш взгляд, это связано с тем, что большая часть предпринимателей еще не осознают необходимость объединения усилий для действия в качестве институциональных предпринимателей¹⁰. Хотя в последнее время общественные объединения предпринимателей проявляют активность в консолидации своих усилий в разрешении собственных проблем. Во-вторых, необходимо способствовать повышению уровня доверия между экономическими агентами за счет стабилизации экономических и политических процессов. Эти и другие меры в конечном счете позволят разработать и внедрить новые правила, что повлечет за собой постепенное исчезновение и/или устранение неэффективных правил, сдерживающих развитие предпринимательских структур.

ЛИТЕРАТУРА

- Басарева В.Г. Институциональные особенности развития малого бизнеса в регионах России. Научные доклады. №02/02. Консорциум экономических исследований и образования. – М., 2002. – 60 с. (С. 18).
- Doing Business in 2004: Understanding Regulation. Report of World Bank. Интернет-источник: <http://www.worldbank.org/DoingBusiness>.
- May В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 124–137 (С. 131).
- Капелюшников Р. Где начало того конца? (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 138–156.

¹⁰ Институциональный предприниматель – индивид или группа индивидов, объединяющих ресурсы для изменения существующей системы формальных ограничений [37].

- Маньков В.С. Институциональные аспекты в государственном регулировании малого бизнеса // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. – 2004. – №2. – С. 20–44 (С. 21).
- Аузан А., Крючкова П. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. – 2001. – №5. – С. 73–88 (С. 78).
- Крючкова П. Снятие административных барьеров в экономике // Вопросы экономики. – 2003. – №11. – С. 65–77 (С. 68–71).
- Кусаинов Х. Реформы и барьеры в экономике // Альпари. – 2002. – №6. – С. 21–23 (С. 22).
- Малые предприятия в России: состояние, проблемы, перспективы. – М., 1999. – С. 69.
- Материалы форума по развитию предпринимательства и предприятий в РФ. Интернет-источник: <http://www.rcmse.ru>.
- Аузан А., Крючкова П. Указ. соч. С. 73.
- Кусаинов Х. Указ. соч. С. 22.
- Положение межведомственной комиссии по преодолению АБ при развитии предпринимательства. Интернет-источник: <http://www.rcmse.ru>.
- Дегтярев А., Маликов Р. Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства // Вестник МГУ. С. 6. Экономика. – 2003. – №6. – С. 42–58 (С. 48).
- Крючкова П. Указ. соч. С. 66.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч. С. 49.
- Грей Ш., Хеллман Дж., Райтерман Р. Борьба с коррупцией в переходный период-2. Коррупция в отношениях между предприятиями и государством в странах Европы и ЦА в 1999–2002 годах. С. 2. Интернет-источник: <http://www.worldbank.org>.
- Крючкова П. Указ. соч. С. 66.
- Маньков В.С. Указ. соч. С. 21.
- Крючкова П. Указ. соч. С. 67.
- Маньков В.С. Указ. соч. С. 30.
- Дементьев В. Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. – 2004. – №3. – С. 50–64 (С. 51).
- Крючкова П. Указ. соч. С. 69.
- Маньков В.С. Указ. соч. С. 30.
- Там же. С. 39–41.
- Крючкова П. Указ. соч. С. 72.
- Басарева В.Г. Указ. соч. С. 18.
- Brown, D., Earl, J. Competition, geography, and firm performance: Lessons from Russia. Paper presented at CEPR/WDI Annual International Conference on Transition Economics. – Moscow, 2–5 July, 2000.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч. С. 56–57.
- Аузан А., Крючкова П. Указ. соч. С. 78.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч.
- Morisset, J., Neso, O.L., 2002. Administrative Barriers to Foreign Investment in Developing Countries. Policy Research Working Paper.#2848.WB and IFC FIAC:21 // <http://econ.worldbank.org>.
- Исследование административных барьеров в экономике / Под руководством В.Л.Тамбовцева. Заказ ИМП «Общественный договор». 2001 год // <http://www.inp.ru/main.html?code=42>.
- Аузан А., Крючкова П. Указ. соч. С. 74.
- Там же. С. 80.
- Дегтярев А., Маликов Р. Указ. соч. С. 56.
- Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория: Учебник. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – 336 с. (С. 317).

Политико-культурологические детерминанты евро-американской историографии в освещении истории Центральной Азии 1970–1980-х годов

БЫРБАЕВА Г.Б.

С укреплением статуса союзных республик, основывавших свое устройство на советской идеологии интернационального общежития и стандартах установленного этногруппового поведения, «местные элиты, которые избежали чисток зачастую ценой демонстративного покаяния и отречения, тем не менее явились резерватом сохранения национальных традиций, обеспечив тем самым соединительное звено между национальными лидерами, уничтоженными в 1937–1938 годах, и молодым поколением» [1]. Это способствовало жизнестойкости социальных организмов в виде советских наций путем инкорпорации представителей местной интеллигенции не только в культурную и научную сферы, но и в структуры госуправления и государственной службы. Посредством этого она содействовала трансформации массового сознания от регионального тождества через котел интернационализации к локальным идентичностям.

Поэтому вопросы выживания и преемственности интеллектуального потенциала в советской зоне Центральной Азии, наряду с социально-политическими условиями, сложившимися в регионе, занимали и занимают в евро-американской историографии региона ведущее место в контексте соотношения национального самоопределения (национализм) и национальной политики (унификация). «Наиболее сильные и не поддающиеся культурной ассимиляции среди нерусских этнических групп сумели, несмотря ни на что, четко и ясно выдвинуть требования в отношении своих национальных прав, и эти требования звучат все тверже и настоятельнее в последние два десятилетия (1970–1980-е годы – Г.Б.)» [2]. Основная позиция западной шко-

лы востоковедения новейшего времени основывается на том, что этническое возрождение того периода выражалось в первую очередь через политическую элиту союзных республик, однако его идеи генерировались и внутри более широкой среды возродившейся национальной интеллигенции, занятой в области культуры. Причем «Центральная Азия является регионом, где все новшества в местное общество – культурные, социальные или политические – передаются и внедряются, главным образом, молодыми людьми» [3], чья лояльность «выше, чем лояльность элиты западных регионов страны, особенно Прибалтики» [4].

Между тем политические элиты были задействованы и во властных структурах и поэтому пребывали в двусмысленном положении. «Новая местная элита, с одной стороны, ассимилировалась с русским этносом, а, с другой – эта же самая элита стала выразителем самосознания нации и ее интересов, содействуя проведению в своих республиках политики наибольшего благоприятствования коренному населению» [5]. Она была заинтересована в сохранении существующего положения вещей и несла ответственность перед центром за осуществление его политики в республиках, от успеха которой напрямую зависела их будущая карьера. «Новая элита считает, что обрела свой статус благодаря советизации, которая дала ей современные профессиональные навыки, а также используемые ею экономическую и социальную структуры. С другой стороны, она страдает от парадоксов советского общества: система гарантирует меньшинствам образование, но отказывает в мобильности мусульман в центр... Члены советской мусульманской эли-

ты имеют коренные интересы в системе, но поскольку сама система задерживает их продвижение на межреспубликанском уровне, то это толкает их на укрепление своих позиций в своих же республиках» [6].

Это формировало климат все возрастающего чувства разочарования от постоянного пребывания во второстепенном статусе и непризнании Центром реальных интересов на местах. Тех интересов, которые расширяют брешь между ними и простыми людьми. «Признательны ли не доминирующие группы населения, пережившие духовный подъем в области образования, той нации, которая господствует в этой сфере? Примеры современной истории говорят скорее о чувстве обиды, чем благодарности: более образованные из представителей местного населения способны к более глубокому пониманию и ощущению неудовлетворенностью своей социально-экономической и политической зависимостью от господствующей нации, несмотря на благожелательность последней, которая хотела бы, чтобы к ней относились как к покровительнице» [7]. Таким образом, феномен советской национальной интеллигенции имел двойную направленность. Будучи официально призванной поддерживать господствующую идеологию в качестве одного из инструментов социальной инженерии, она одновременно была настроена на мобилизацию этнической, обеспечивая себе тем самым широкую социальную поддержку.

Поэтому элиты стремились подкрепить ее и удовлетворить интересы единоплеменников средствами, доступными в рамках этой системы, большей частью путем манипулирования политическим преимуществом. «Двойственность между федеральным государством и унитарной партией признавала “национальную форму”, создающую необходимую экономическую и культурную базу для национального самовыражения, а также бюрократические структуры и правовые инструменты, посредством которых этнические требования могут легитимно выдвигаться. Это дало возможность центробежным силам разделить страну по линиям межэтнического расхождения» [8]. В политической сфере, как отмечают зарубежные аналитики, они делали нажим на более широкое участие во властном управлении и, как следствие, в выработке самостоятельного политического курса. «Значение политики модернизации на рост и энергетику национального сознания меньшинств вряд ли можно переоценить. Она снаб-

дила горючим материалом процесс осознания своего социального неравенства путем усиления и углубления величины этнического конфликта. Вновь образовавшаяся и образующаяся элита закладывает основы непреклонного соперничества с русскими на политической арене и в сфере рынка, и этот процесс сейчас только начинается. Само формирование этих элит было частью процесса модернизации; без них не была бы возможной ясная артикуляция национальных требований и их трансформация в политическое действие» [9].

Однако более отчетливо эти признаки были выражены в сфере культуры. «Узаконенные в идеологических понятиях, они устанавливали эмоциональные связи и поддержку с местным населением. Борьба за культурные права олицетворялась требованиями более широкого использования национальных языков в образовании (на уровне специального и высшего образования доминировало преподавание на русском языке), средствах массовой информации и других культурных потребностях. Все эти требования были нацелены на максимизацию национального содержания и на использование традиционных форм в творческом самовыражении. В исторической науке имел место открытый конфликт между представителями нацменьшинств и федеральными историографами в толковании прошлого. Очевидность этнического конфликта во всех этих областях свидетельствует о прямом вовлечении местных политических элит в продвижение национальных интересов» [10].

Интеллигенция в данном случае, в особенности ее творческий сегмент, выступила в качестве посредника, связующего звена, вливая традиционную культуру в новые меха «социалистического реализма». Особенно рельефно данная тенденция проявилась в исторической науке и писательской деятельности. Сама угроза национальной самобытности явилась побудительным стимулом для возрождения: «Идущая в Советском Союзе дискуссия о периоде Сталина особенно ярко разгоралась там, где имелись национальные проблемы и сталинский террор, а также ужасы “революции сверху” в период конца 1920-го начала 1930-х годов, которые изображались как насилие центральной советской власти по отношению к нерусским народам» [11]. Писательской же средой национального самовыражения послужило богатое историческое прошлое тюркских народов, которое было задействовано в качестве генерирующего пас-

сионную энергию источника. «С 1960-х годов важнейшей формой выражения национального самосознания стала выступать беллетристика. Ее влияние по сравнению с историографией еще шире. Многие писатели, достигшие успехов в поэзии и прозе наших дней, пытаются понять глубину своих национальных традиций... Мотивы сталинского реализма – уборку хлопка и любовь к трактору – в сегодняшней литературе заменили поиски культурных корней и наследия прошлого. В центре внимания находятся народные сказания и легенды, эпосы, описывающие обширные периоды собственной истории» [12].

Расхождение советской реальности с идеализированным прошлым порождало и внутренние противоречия, легко обнаруживаемые западной критикой в произведениях центральноазиатских авторов. «Конфликтом между традиционным и новым в жизни казахов проникнуты все работы... Большинство избранных произведений посвящено казахскому аулу, в котором живут простые пастухи и колхозники. Сами авторы вышли из этой среды и чувство ностальгии к негородскому образу жизни их отцов и дедов отчетливо прослеживается почти во всех рассказах. Поэтому становится понятным, почему писательский сентиментализм по отношению к традиционной жизни казахов находит выражение в форме обращения к старине» [13]. С точки зрения культурологического подхода западная аналитика в данном случае склонна интерпретировать творческую жизнь в Центральной Азии с позиций перехода конфликтной ситуации между прошлым и будущим в качественно новую коллизию. «На уровне современных символов Олжас Сулейменов и Чингиз Айтматов обращаются к *Ур-Тюркиш* (*Ur-Türkische* – древнетюркской доисламской духовной силе и племенным мифам и ценностям). Книга О.Сулейменова «Аз и Я» расценивается всеми тюркскими народами СССР как реабилитация их культуры прошлого. В такой же мере и произведения Ч.Айтматова восхваляют благородство и преемственность этнического наследия через тотем Оленихи («Белый пароход»); этническую преданность и сострадание через священный образ волчицы («Плаха») и этническую связь со всем миром через вечно живущий и вездесущий дух *Жер-Суу* – богини земли и воды, символ жизни и природы («Материнское поле»). В теоретическом отношении все то, на что ссылаются эти писатели и пытаются воссоздать, является совокупностью ценностей, отражающих одновременно традиционное и новое.

Фактически, если говорить марксистскими терминами, это «базис» национального строительства, который способен генерировать суперструктуру государственности» [14].

Тем не менее диалектика национального самоопределения посредством культуры среди национальной элиты эпохи позднего социализма, в отличие от прямого политического противодействия первых лет советской власти, носила более завуалированный под коммунистическую риторику характер. Она не касалась основополагающих устоев общественного строя, и не только из-за приобретенного опыта репрессалий и децимаций в сталинскую эпоху, хотя этот фактор в западных работах по региону никогда не снимался с повестки дня. «В 1953 году местная элита, рожденная до Октябрьской революции 1917 года, познала ужасы сталинской эпохи: разгром басмаческого движения в конце 1920-х годов и его последствия, геноцид казахского народа (более 1,5 млн человек, исчезнувших в середине 1930-х годов), физическая ликвидация всей дореволюционной интеллектуальной элиты, частичное разрушение в период 1928–1943 годов исламских религиозных институтов, начатый во время последней мировой войны, но не завершённый геноцид 1942–1943 годов (более 1,5 млн депортированных горных мусульман Северного Кавказа). Поколение 1953 года было ужасно травмировано и боялось русских» [15]. И хотя партийное руководство отказалось от применения массового террора, но ни в коем случае от репрессивных мер. «Решение национального вопроса в Советском Союзе без применения репрессий немислимо по определению» [16]. Тем не менее в западной аналитике выделяется и ряд других причин трансформации стратегического и тактического поведения интеллектуальной и политической элиты Центральной Азии, для которой стала характерной все «возрастающая самоуверенность» [17].

В первую очередь это определялось курсом партии в отношении советской интеллигенции на национальных окраинах. По-прежнему актуальным на повестке дня оставался вопрос о советской идентичности в русле эволюционного развития по восходящей линии: расцвет – сближение – слияние. Причем магистральное направление было нацелено на все ту же унификацию. «Тенденция ликвидации этнических и национальных особенностей и замена их простейшей единой формой «советская культура», основана на следующих принципах: общность территории (СССР), единая идеология (марксизм-ленинизм), еди-

ная политическая партия (КПСС), единство цели (построение коммунизма), единая экономическая система планирования, гармонизация отношений между классами, пролетарский интернационализм» [18]. Не утратила своего значения и функциональная нагрузка на культурологический компонент. «Природа ленинской национальной политики сформулирована в ключевой фразе – «национальное по форме, социалистическое по содержанию». Она означает то, что если значительное внимание уделяется сохранению внешних форм национальных культур этнических меньшинств, то определенная миссия возложена и на них. Таким же образом и власть на местах предназначена для того, чтобы проводить единую политику коммунистической партии и советского государства» [19]. Положение дел в данном случае играло в пользу режима, поскольку предыдущие чистки в культурной сфере позволили ему начать отсчет времени почти с чистого листа. Поэтому: «Одной из известных целей национальной политики советского режима было создание новых национальных культур для каждой правомочной нации Советского Союза. Эти новые культуры должны были быть национальными по форме и социалистическими по содержанию и были обязаны воспитывать массы на практике социализма и пролетарского интернационализма» [20]. Среди косвенных причин выделялась и долговременная изолированность региона от внешнего мира. «С 1923 года опустился плотный Железный Занавес, который изолировал советских мусульман от остального мусульманского мира: были нарушены все контакты между советскими мусульманами и их собратьями за границей. Паломничество в святые места в Саудовской Аравии и шиитские города – святыни Ирана (Кум, Машхад) были запрещены, территория Центральной Азии и Кавказа стала недоступной для несоветских мусульман, а сами советские мусульмане стали невыездыми. Изоляция от остального Дар ул-Ислам (Мусульманского мира – Г.Б.) была усугублена изменением алфавита: арабская письменность в 1929 году была заменена на латиницу, а позже, перед второй мировой войной, вновь изменена на кириллицу» [21].

В целом представлялось, что создана совершенно новая прослойка образованных людей, которая верой и правдой будет служить советскому государству. Разрушив традиционную местную элиту и ликвидировав экономические и политические основы для независимой местной власти, «советское пра-

вительство создало новую элиту. И если новая элита выдвигает требования, то они связаны лишь с внутренними проблемами, никоим образом не касаются вопросов об отделении, считая, что вхождение в советскую систему несет больше преимуществ, чем путь этнических конфликтов» [22]. Поэтому предусматривались и некоторые послабления в отношении национальных культур. «Допускалась возможность культурных различий, а борьба велась против отдельных устоев и обычаев, которые могли стать источниками национализма» [23]. С другой стороны, осознавалось, что «культура была областью, в которую федеральное правительство не могло вторгнуться без возбуждения старых антагонизмов и потери поддержки со стороны меньшинств, расположения которых оно искало» [24]. Поэтому у национальных элит образовался некоторый выбор стратегии поведения. И в данном случае далеко не риторическим вопросом перед западной аналитикой предстает проблема адекватности образа действий советской мусульманской элиты в реалиях послабления режима. «Члены мусульманской элиты – исключительно сельского происхождения, что связано со специфическими чертами мусульманского общества. В данном отношении они являются продуктом традиционной социализации и поэтому сохраняют крепкие связи с традиционной общиной. Относительно незначительная группа детей современной городской элиты, которая склонна к русификации, является исключением из этого правила. Другая важная характеристика современной элиты состоит в том, что большинство предпочитает гуманитарно-социологическое образование в ущерб научно-техническому из-за языковых проблем и желает учиться там, где можно познакомиться с «национальным наследием». Все эти характеристики свидетельствуют о сильном сопротивлении ассимиляции согласно русским, «советским» культурным стереотипам и их симпатии в пользу мусульманской национальной идентичности» [25].

Крупномасштабные итоги советизации и модернизации в годы советского правления актуализировали в качестве национальных интересов предмет развития культуры в целом, а также языка и традиций, повергнувшихся если не ассимиляции, то, во всяком случае, остановившихся в своем развитии. «Модернизация и последующие за ней существенные подвижки в уровне жизни, размещении населения, а также демографические тенденции имели важные долгосроч-

ные экономические и политические последствия. Различные темпы социальной мобилизации этнических меньшинств и, как следствие, отсутствие изменений в их относительно низком положении по уровню развития означают, что русские продолжают оставаться "имущими", в то время как большинство остальных пребывают в статусе "неимущих". Тем не менее ощущение второсортности повлекло за собой рост ожиданий и инстинктивных потребностей со стороны этнических групп, которые, в свою очередь, усилили этнический конфликт и национальные притязания» [26]. Результаты искусственно армирования советской культуры за счет языковой культуры этнического большинства низвели языки местного населения до бытового уровня их пользования. По-прежнему констатировалось, что «русские являются эксклюзивной нацией, в отношении которой сохраняется не раз официально осуждавшийся принцип культурной автономии, согласно которому представителю любой нации, независимо от места проживания, гарантировано наличие культурных и общественных учреждений, где они могли бы пользоваться родным языком» [27]. В то же время это не соблюдалось по отношению к националам: «В союзных и автономных республиках... общественные науки и некоторые другие дисциплины читаются сегодня только на русском языке, студенты принуждаются к тому, чтобы писать дипломные работы на русском языке. Это противоречит советской традиции, сложившейся в 1920–1930-х годах, когда советским республикам предоставлялась широкая автономия в области культуры» [28].

Определенная диспропорция на уровне сегрегации прослеживалась и в кадровой политике. «Еще и сегодня (на конец 1970-х годов Г.Б.) европейское меньшинство доминирует в самых высоких административных и политических сферах республик Центральной Азии» [29], а «самостоятельный подбор кадров на эти посты, как правило, пресекается центром... В последние годы в республиках усилилось соперничество за ключевые посты во власти и возникли разногласия правомерности предпочтительного отношения к местным кадрам» [30]. Связь русификаторских тенденций и кооптация национальной элиты в органы власти находилась, по мнению западных аналитиков, в непосредственной увязке со стратегией унификации. «Руководство осознает неизбежность большего участия нерусской элиты в управлении государством

и поэтому стремится как можно больше русифицировать элиту в языковом отношении, поскольку в этом случае она будет менее подвержена автономистским и сепаратистским тенденциям» [31]. С другой стороны, «фундамент более позднего варианта коренизации лежит в политической консолидации и экономическом развитии. Подготовка кадров местной национальности дала возможность в последующем десятилетии продвинуться значительно дальше, чем это было возможно в 1920–1930-х годах» [32].

Успехи же в этой стратегии объяснялись возросшими амбициями местного «класса номенклатуры», когда «чтобы воспрепятствовать переходу ответственных постов в руки русских, национальная элита должна сама хорошо владеть русским языком» [33]. Более того, в евро-американской историографии раскрывается определенная модель, когда посредством приобщения к культуре этнического большинства изыскиваются механизмы этнической самозащиты. «Политика русификации, осуществляемая в Центральной Азии, заставила представителей местных национальностей приспособляться к ней в целях сохранения своей самобытности» [34].

В результате всего этого между центром и национальной периферией в политическом и культурологическом плане сложилась временная обстановка сносного, терпимого существования. С одной стороны, «важную роль в победе Советской власти на местах сыграла способность большевиков привлечь на свою сторону влиятельные слои нерусских национальностей, часть которых они все же сохранили в новом советском государстве... Составленный из них "новый класс должностных лиц" оказал огромное влияние на упрочение режима и системы. Создание подобных групп высших должностных лиц из представителей следующих поколений наименьшинств является решающим фактором стабильности государства» [35]. В то же время «что касается тюрков, полностью сохранивших свою религию и идентичность, то они осознают, что время работает на них и они не так уж и притеснены» [36]. Естественно, что сложившийся *modus vivendi* должен был рано или поздно привести к глубокому кризису не только в социально-политической сфере, но, что самое главное, в мировоззренческой.

Вклад евро-американской историографии региона в том и заключается, что она смогла разглядеть данный перелом, в то время как отечественное общественное сознание пребывало в эйфории воспеваания пресловутой дружбы

народов. Сочетание политологического и культурологического подходов в целостности исторического повествования позволило ей скоординировать две взаимосвязанные составляющие процесса формирования нового национального самосознания через образ национальной интеллигенции Центральной Азии новейшего времени. Фокусировка на этих двух составляющих дала возможность выявить главный итог советской национальной политики: «Сила центробежных тенденций в советской Азии отражает провал русификации и советизации, неприемлемость инородных культур, разочарование экономическими результатами социализма и, как следствие, падение влияния концепции социалистического интернационализма как отражения политической лояльности и как системы, которая способствует экономическому и социальному развитию» [37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Carrère d'Encausse, H. The National Republics Lose Their Independence. – In: Central Asia. 130 years of Russian dominance, a historical overview. 3-d edition. – Durham and London, 1994. – P. 265.
2. Rakowska-Harmstone, T. The Soviet Union. – In: Protection of Ethnic Minorities: Comparative Perspectives. – New York, etc., 1981. – P. 119.
3. Allworth, A. Regeneration in Central Asia. – In: The Nationality Question in Soviet Central Asia. – New York, 1973. – P. 4.
4. Simon, G. Nationalitätenprobleme und die Regierbarkeit der Sowjetunion. Köln: Berlinen des Bundesinst. für ostwiss. und internationale Studien, 1984. – S. 18.
5. Rakowska-Harmstone, T. Minority Nationalism Today: An Overview. – In: The Last Empire: Nationality and the Soviet Future. – Stanford, 1986. – P. 255.
6. Critchlow, J. Sings of Emerging Nationalism in the Muslim Soviet Republics. – In: The Soviets in Asia. – Mechanicsville (Maryland), 1972. – P. 23.
7. Rywkin, M. The Impact of Socio-economic Change and Demographic Growth on National Identity and Socialization // Central Asian Survey. – London, 1984. – Vol. 3. – No.3. – Pp. 82–83.
8. Rakowska-Harmstone, T. The Soviet Union. Pp. 128–129.
9. Rakowska-Harmstone, T. Op. cit. Pp. 129–130.
10. Rakowska-Harmstone, T. Op. cit. Pp. 136–137.
11. Halbach, U. Sowjetische Nationalitätenproblematik: Zu ihrer Rezeption in der sowjetischen Öffentlichkeit // Ost-europa. Stuttgart, 1988. – Jg. 38. – H. 4. – S. 270.
12. Simon, G. Das nationale Bewußtsein der Nichtrossen in der Sowjetunion. // Bericht des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. – Köln, 1986. – Nr.47. – Ss. 15, 30.
13. Mozur, J. Rec. ad. op.: The Voice of the Stepper: Modern Kazakh Short Stories. – Moscow: Imported Publications, 1981 // World Literary Today. – Norman, 1983. – Vol. 57. – No.2. – Pp. 349–350.
14. Imart, G.G. Kirgizia – Kazakhstan: A Hinge or a Fault-line? // Problems of Communism. – Washington, 1990. – Vol. XXXIX. – No.5. – P. 10.
15. Bennigsen, A. L'Asie Central Sovietique Durant la Période 1956–1986. // Central Asian Survey. London, 1988. Vol. 7. No. 2/3, P. 103.
16. Simon, G. Nationalitätenprobleme und die Regierbarkeit der Sowjetunion. S. 5.
17. Mortimer, E. Faith and Power: The Politics of Islam. – London, 1982. – P. 388.
18. Smith, G. Soviet Politics: Continuity and Contradiction. – London, 1988. – P. 309.
19. Rakowska-Harmstone, T. Recent Trends in Soviet Nationality Policy. – In: The Soviets in Asia. – Mechanicsville (Maryland), 1972. – P. 8.
20. Conquest, R. Soviet Nationalities in Practice. – New York, 1967. – P. 63.
21. Bennigsen, A. Soviet Muslims and the Muslim World. – In: Soviet Nationalities in Strategic Perspective. – London, 1985. – P. 216.
22. Warshofsky-Lapidus, G. Ethnonationalism and Political Stability. The Soviet Case // World Politics. – Princeton, 1984. – Vol. 36. – No.4. – P. 580.
23. Jacobs, D.N., Hill, T.M. Soviet Ethnic Policy in the 1980's: Theoretical Consistency and Political Reality. – In: Soviet Politics. Russia After Brezhnev. – New York – Westport, London, 1985. – P. 169.
24. Hazard, J.N. The Soviet System of Government. – Chicago, London, 1980. – P. 116.
25. Rakowska-Harmstone, T. Islam and Nationalism: Central Asia and Kazakhstan under Soviet Rule // Central Asian Survey. – London, 1983. – Vol. 2. – No.2. – P. 60.
26. Rakowska-Harmstone, T. The Soviet Union. P. 127.
27. Simon, G. Russen und Nichtrossen in der UdSSR: Zu den Ergebnissen der Volkszählung von 1979. – Köln: Ber. des Bundesinst. für ostwiss. und intern. Studien, 1981. – Ss. 18–19.
28. Bilinsky, Ya. Expanding the Use of Russian or Russification?: Some Critical Thoughts on Russian as a Lingua Franca and the "Language of Friendship and Cooperation of the People of the USSR" // Russian Review. – Stanford, 1981. – Vol. 40. – No.3. – P. 327.
29. Karpat, K.H. The Turkic Nationalities: Turkish-Soviet and Turkish-Chinese Relations. – In: Soviet Asian Ethnic Frontiers. – New York, etc., 1979. – P. 118.
30. Warshofsky-Lapidus, G. Ethnonationalism and Political Stability. The Soviet Case. Pp. 568, 569.
31. Simon, G. Nationalitätenprobleme und die Regierbarkeit der Sowjetunion. S. 16.
32. Fierman, W. Language Development in Soviet Uzbekistan – In: Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future. – Berlin, 1985. – P. 215.
33. Carrère d'Encausse H. Die Nationalitätenfrage auf der Tagesordnung des Kreml. – In: Politische Kulture, Nationalitäten und Dissidenten in der Sowjetunion. Ausgewählte Beiträge zum Zweiten Weltkongress für Sowjet- und Osteuropastudien. – Berlin, 1982. – S. 94.
34. Rywkin, M. Soviet Central Asia and the State. – In: Conference on Study of Central Asia. March 10–11, 1983. – Washington, 1983. – P. 59.
35. Matuszewski, D. Empire, Nationalities, Borders: Soviet Assets and Liabilities. – In: Soviet Nationalities in Strategic Perspectives. – London, Sydney, 1985. – P. 78.
36. Besançon, A. La question nationale. // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. – Paris, 1989. – Vol. xxx. – No.3–4. – P. 227.
37. Hunter, Sh. Nationalist Movements in Soviet Asia // Current History. – Philadelphia, 1990. – Vol. 89. – No.549. – P. 325.

Рецензия

Burghart D.L. Sabonis-Helf Th. (eds.) In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century. – Washington, DC: NDU, 2004. – XXII + 478 pp.

ЛАУМУЛИН М.Т.

Фундаментальный труд «На дорогах Тамерлана: путь Центральной Азии в XXI-й век» под редакцией сотрудника Национального оборонного университета США Д.Бургхарта и профессора Национального военного колледжа США Т.Сабонис-Хелф принадлежит к разряду популярных в американской политологии изданий в серии коллективных монографических работ. Данная работа освещает современную (постсоветскую) историю нашего региона и пытается охватить максимально широкий круг вопросов. Следует заметить, что Бургхарту и Сабонис-Хелф как редакторам издания это во многом удалось: книга состоит из трех частей: Политические изменения, Экономические проблемы и Вопросы безопасности – и 21-й главы. К написанию этой коллективной монографии редакторы привлекли ряд известных американских политологов, а также некоторых казахстанских и киргизских авторов.

В вводной главе, давшей название всей книге, Д.Бургхарт изложил свое видение центральноазиатской проблематики. Американский исследователь исходит из того, что регион унаследовал политическую систему, сложившуюся более 600 лет назад – еще при Тимуре. Оставим на совести автора этот тезис, поскольку, по мнению компетентных историков, центральноазиатские народы, как и многие другие народы Евразии, адаптировали и использовали в течение столетий политическую систему, восходящую к монгольской эпохе. Но д-р Бургхарт искал броское название для своей книги и нашел его, апеллируя к Тамерлану.

После короткого экскурса в историю региона, Д.Бургхарт начинает рассматривать современную ситуацию в Центральной Азии. Свой подход он сформулировал следующим образом: старое вино в новые мехи? То есть, центральноазиатские государства, изменив свой формальный внешний статус, с внутренней точки зрения сохранили главные типологические черты политического устройства и

системы управления прежних эпох. Автор считает, что центральноазиатские общества пронесли через советскую эпоху в неизменном виде традиционную систему отношений и кланово-племенную организацию. По его мнению, общественно-политические модели во всех пяти республиках региона близки друг к другу как по внешним признакам, так и по своей природе.

Тем не менее Д.Бургхарт считает, что, прежде чем делать выводы по всему региону, необходимо рассмотреть каждое государство Центральной Азии в отдельности. Начав свой анализ с Казахстана, американский автор пришел к выводу, что наша страна находится в крайне неудачном геополитическом положении, будучи окруженной по всем четырем направлениям источниками угроз своей безопасности: с севера – Россией, на востоке – Китаем, на юге – исламским миром и на западе – Каспийским морем с его неурегулированным правовым статусом. При этом Бургхарт рассматривает эти факторы в качестве стратегических, определяющих долговременное развитие страны. Легко заметить, что этот автор находится в плену распространенных штампов и представлений о Казахстане и регионе в целом. При этом он допускает даже фактические и хронологические ошибки.

В отношении Кыргызстана Д.Бургхарт делает вывод, что главными проблемными узлами этой республики являются Ферганская долина, угроза со стороны воинствующего исламского радикализма, трения с Узбекистаном. Говоря о политической карьере первого президента А.Акаева, автор приходит к удивительным выводам: Акаев по своему образованию и карьере подавал надежды на успешное проведение демократических реформ в политике и рыночных в экономике, но «под давлением соседей его политика стала в политическом плане более репрессивной» (с. 11).

Анализируя положение Узбекистана, Д.Бургхарт относит к его преимуществам тот

факт, что республика практически не граничит с внешними геополитическими акторами – Россией, Китаем и Ираном. Собственные энергетические ресурсы также играют на пользу независимой и самостоятельной политики этой страны. По словам автора, узбеки чувствуют свое превосходство и рассматривают себя в качестве доминирующей силы в регионе, имея на это основание. Но, как следствие, у Узбекистана имеются пограничные и территориальные проблемы со всеми соседями. Основной головной болью Ташкента является борьба с «исламской оппозицией», репрессии против которой только усиливают социальное напряжение. Но нет никаких признаков того, что Каримов изменит репрессивный характер своей политики (что и подтвердили события в Андижане в мае 2005 года, добавим мы вслед за автором).

Таджикистан, по мнению американского ученого, наиболее полно из стран региона отвечает представлению «несостоявшегося государства» (failed state). К этому привели такие факторы, как разрушительная гражданская война, близость к Афганистану, соприкосновение с угрозой радикального исламизма и наркоторговля. Оценки Бургхарта в отношении Туркменистана еще более резкие. Это единственная республика Центральной Азии, которая после обретения независимости была отброшена в своем развитии назад. Помимо схожих проблем с другими государствами региона, главная беда Туркменистана – это деспотический и вздорный режим Туркменбаши с его культом личности, по своей карикатурности превзошедший сталинский.

Точкой отсчета новой геополитической ситуации в Центральной Азии Бургхарт, как и подавляющее число экспертов, считает события 2001–2002 годов, в результате которых государства региона были вовлечены в антитеррористическую операцию США в Афганистане. Это стало возможным, отмечает автор, благодаря позиции России и ее президента, пустившего американцев в традиционную зону своего влияния. Но изменения политической ситуации стали катализатором других процессов в сфере безопасности: ШОС стал приобретать черты региональной организации военного характера.

Размышляя о будущем развитии региона и его безопасности, Д.Бургхарт считает, что государства Центральной Азии должны больше внимания уделять сохранности и целостности своих территорий. Для этого им необходимо, прежде всего, укреплять вооруженные силы, которые у большинства находятся

в плачевном состоянии. Некоторый прогресс наблюдается в рамках программы ПИМ НАТО, но стратегические цели военного планирования у центральноазиатских государств расходятся с принципами НАТО. Каждое государство, развивая свои оборонные возможности, исходит из того, чтобы сохранить военный баланс с соседями. Обеспечение стабильности и безопасности является, в свою очередь, залогом экономического развития.

Нормальное экономическое развитие, считает Д.Бургхарт, заложит основы для политических изменений и реформ. Стратегические интересы США состоят в том, чтобы не допустить развития событий в регионе по уже известным сценариям (имеется в виду Иран), а наилучшим вариантом был бы пример Южной Кореи (сначала экономические реформы, потом – демократические). Интересы Запада в целом и Америки в особенности состоят в том, «чтобы защитить государства Центральной Азии для их же собственного блага» (с. 20). Этот в высшей степени странный вывод Д.Бургхарта базируется на убеждении, что режимы в регионе могут постичь судьба империи Тамерлана, которая рухнула в одиночестве после его смерти. Таким образом, стабильность в Центральной Азии носит чрезвычайно хрупкий характер и дает право, как считает автор, Соединенным Штатам на вмешательство в дела государств региона «в их собственных интересах».

Политические процессы в Центральной Азии в книге рассматривает У.Мерри (Совет по внешней политике). Его характеристика политических режимов в регионе по-сталински лаконична: национальные по форме, советские по содержанию. Расшифровывая свой тезис, Мерри считает, что высшие политические классы в Центральной Азии по-прежнему живут по имперской инерции, сохраняя привычки, повадки, мышление и (русский) язык советской эпохи. Этот автор не согласен с расхожим убеждением, что сложившиеся в регионе политические модели являются одной из форм т.н. «азиатского деспотизма». По его мнению, государственные модели стран Центральной Азии двигаются не «по пути Тамерлана», а регрессируют в сторону уже хорошо известной системы, чьим олицетворением являются такие аббревиатуры, как КПСС и КГБ. Но в целом, признает американский исследователь, политическую и экономическую судьбу государств региона определяют такие объективные факторы, как география (внутриконтинентальное положение) и геология (природные ре-

сурс). Мерри сравнивает местные политические режимы с двуликим Янусом – комбинацией постколониальных и несоветских форм управления.

Он разделяет точку зрения, что эти режимы пока успешно справляются со своими задачами, но в своем развитии они неустойчивы. Сильный отпечаток на развитие своих государств оказывают личности их лидеров. В этой связи Мерри приводит параллели: туркменского президента С.Ниязова («мегаломаньяка», по выражению автора) он сравнивает с румынским коммунистическим лидером Н.Чаушеску и центральноафриканским «императором» Ж.Б.Бокассой. Для бывшего президента Кыргызстана А.Акаева (по его выражению, политика джефферсоновского типа) он находит параллель в лице лидера Зимбабве Р.Мугабе, который также поначалу внушал надежды на демократизацию, но потом вступил на путь укрепления режима личной власти. В отношении таджикского президента Мерри воздерживается от персональных характеристик, учитывая, что Таджикистан представляет собой отдельный случай в регионе. Но эта республика напоминает автору страны франкофонной Африки, которые многие десятилетия являлись, по сути, военными протекторатами Франции.

Казахстан благодаря своим нефтяным богатствам ассоциируется у Мерри с такими странами, как Индонезия и Нигерия, с которыми автор проводит политические и экономические параллели. И, наконец, свой список Мерри завершает Узбекистаном, который из всех стран региона остается наиболее верен своим советским корням. И.Каримов имел в начале 1990-х годов самые лучшие перспективы как в экономическом, так и в политическом плане, считает Мерри. Но в результате он создал неререформируемую в принципе систему с чрезмерным государственным контролем во всех областях жизни и массовыми репрессиями политических противников и на религиозной почве. В разные периоды своего правления Каримов напоминал различных политических лидеров: на первом этапе – иранского шаха, который, как и Каримов, позднее мечтал возродить древнее величие своей страны. Затем Каримов своей антирелигиозной политикой стал напоминать Кемалю Ататюрку. Можно также было провести параллели между Каримовым и китайскими реформаторами постмаоистской эпохи. Но, в конце концов, режим, созданный Каримовым, стал отвечать известному афоризму: он знает, как подавлять и доминиро-

вать, но не знает, как приспособиться к меняющимся условиям. Исходя из этого объяснения, на сегодняшний день только один режим напоминает ташкентский – это Пхеньян, рэюмирует Мерри.

К числу объективных, но негативных факторов, влияющих на формирование политических систем в странах региона, автор относит географическое соседство с Россией, Ираном, Пакистаном и Китаем, подающими не совсем удачные с точки зрения Запада примеры для подражания. Дело не только в «стабильности» – этим знаковым паролем и закливанием всех авторитарных режимов. По мнению Мерри, государства региона должны приступить к глубочайшей политической и экономической трансформации, чтобы избежать повторного попадания в «советскую трясиину», а примером для них должны выступить страны Восточной Европы, и чем быстрее, тем лучше.

Другой известный исследователь Г.Глизон (ун-т. Нью-Мексико) также дает классификацию государств региона, которые он подразделяет на три группы (в зависимости от начала реформ): стартовавших рано, поздно и вообще не начинавших реформы. Для каждой республики региона он находит свою формулу, которая должна максимально емко характеризовать характер экономической системы. Казахстан, по Глизону, это «петрократия», то есть экономика, основанная на нефтяных доходах, в дверь которой уже стучит так называемая голландская болезнь. Экономический путь Кыргызстана, считает автор, характеризовался тем, что Кыргызстан «приобретал друзей (имеется в виду благоволение Запада и международных финансовых институтов), но при этом терял основу»; то есть реформы были проведены некомпетентно, хотя и под надзором Запада.

Экономическое (как и политическое) развитие Таджикистана можно охарактеризовать как борьбу за выживание в буквальном и переносном смысле. Экономика этой республики была разрушена физически, кроме того, она развивается изолированно от своих соседей. Экономику Туркменистана Г.Глизон называет «новым султанатом». Тем не менее он высоко оценивает экономический потенциал этого государства и его перспективы. Глизон считает, что все надежды на экономическое реформирование Туркменистана были перечеркнуты известным покушением на Ниязова в конце 2002 года.

К основным характеристикам Узбекиста-

нальная консолидация и общественный консенсус. В этой части американский исследователь продемонстрировал практически полное непонимание происходящих в Узбекистане процессов, считая его наиболее успешным государством в Центральной Азии с точки зрения сохранения политической стабильности руководством республики. Очерк об Узбекистане он завершает на мажорной ноте, пребывая в уверенности, что после начала антитеррористической операции и превращения Ташкента в стратегического партнера США решение проблемы дальнейшего реформирования Узбекистана – только вопрос времени.

К проблемам экономического развития так называемого петрогосударств (Казахстана и Туркменистана) возвращает глава, написанная соредктором книги Т.Сабонис-Хелф. Американская исследовательница не случайно выбрала эти две республики региона. Как и многие другие западные эксперты, она придерживается распространенной точки зрения, что в мире существует группа государств (в основном членов ОПЕК), к которым она относит и эти два государства Центральной Азии и которым присущ схожий ряд патологических тенденций в политическом и экономическом развитии: недостаток транспарентности, отсутствие разделения властей в управлении, хроническое и несправедливое распределение национального богатства и властных компетенций, высокий уровень государственной задолженности и перманентная тенденция в поведении государственных служащих жить за счет коррупционной ренты.

Дж.Морони (РЭНД Корпорейшн) рассматривает в своем разделе проблемы безопасности Центральной Азии с точки зрения ее многостороннего характера. Она считает, что обеспечение безопасности в регионе требует сотрудничества в рамках различных многосторонних организаций, к которым она относит соответственно НАТО, ЕС, СНГ, ОБСЕ, ШОС и ГУАМ. Делая ретроспективный анализ развития ситуации в этой сфере, Морони исходит из того, что после распада СССР в Центральной Азии образовался вакуум с точки зрения безопасности. Первая половина 1990-х годов характеризуется тем, что центральноазиатские республики попытались разыграть «западную карту», чтобы ослабить влияние России на регион. В результате позиции Москвы к середине десятилетия ослабли, а Запад начал превращаться в полноценного геополитического актора в этом регионе. Но Запад в этот пери-

од не был способен играть специфическую роль в области безопасности.

В 1990-е годы проявились различия в подходе НАТО и Евросоюза в их стратегии в Центральной Азии: Атлантический альянс проводил политику «открытых дверей» (приглашение к сотрудничеству в рамках ПИМ), а Евросоюз – политику «мягкой безопасности» (торговля, экология, права человека, борьба с наркоторговлей, помощь в создании инфраструктуры и так далее), в том числе используя инструменты ОБСЕ. Но обе организации не были успешны по своим результатам. Не в лучшем смысле себя зарекомендовало СНГ, чья риторика и бездейственность стали напоминать поведение ЕС. Роль ШОС с точки зрения безопасности региона стала серьезно рассматриваться только после появления в регионе американцев. Эта организация таит в себе определенный уровень риска: если влияние России упадет, то Китай неизбежно начнет играть более активную роль в обеспечении своих стратегических интересов, прежде всего в энергетике и экономике. В целом Морони приходит к выводу, что государства Центральной Азии в большей степени склонны сотрудничать на многосторонней основе, принимая участие в разнообразных международных организациях, чем изолироваться, хотя тенденция к фрагментации в регионе достаточно сильна.

М.Орсмен (директор Китайско-Евразийского Форума) свой материал посвятил возвращению Китая в Центральную Азию. С его точки зрения, после исторической Таласской битвы (751 год), когда Китай был вытеснен из региона, он через тысячу с лишним лет возвращается в Центральную Азию. Точкой отсчета следует считать октябрь 2002 года: Китай проводит впервые в своей истории военные маневры на территории иностранного государства. Этим государством оказался Кыргызстан. Это событие показало огромное значение Центральной Азии для КНР. В отношениях с центральноазиатскими государствами Пекин защищает свои стратегические и дипломатические интересы на трех фронтах и преследует три главные цели.

Первая является частью генеральной стратегии Китая по созданию вокруг себя мирного и конструктивного окружения. Главным инструментом на этом направлении для Пекина является ШОС. Вторая цель состоит в установлении по возможности максимально тесных политических и экономических связей со странами региона. Третья цель китайской дипломатии предполагает использование цен-

тральноазиатского фактора для выстраивания отношений с двумя другими крупными игроками в регионе – Россией и Америкой. В 1990-е годы была вполне очевидна заинтересованность Китая в обеспечении своей национальной безопасности в СУАР, а также военно-стратегической стабильности на границе. В новом столетии стратегическими приоритетами КНР в Центральной Азии становятся энергетические и торгово-экономические.

Орсмен приходит к выводу, что будущий успех или провал китайской стратегии в Центральной Азии будет во многом зависеть от жизнеспособности ШОС. В ответ ШОС сможет доказать свою эффективность, если в полной мере заработает антитеррористический центр этой организации в Ташкенте. Но, по-видимому, Пекин принимает во внимание вероятность в будущем заката ШОС, а также тот факт, что он не сможет открыто доминировать в этой организации вследствие присутствия России. Исходя из этих соображений, Китай все больше делает акцент на двустороннем сотрудничестве с центральноазиатскими участниками ШОС и добивается в этой области больших успехов. Несмотря на то, что в настоящий момент Центральная Азия не принадлежит к главным внешнеполитическим приоритетам Пекина, в будущем Китай будет наращивать здесь свое влияние. Эта задача для Пекина значительно облегчится, если США свернут свое присутствие, а Россия сосредоточится на внутренних проблемах и окончательно повернется лицом на Запад.

Таким образом, Орсмен практически не сомневается, что китайское влияние на регион в будущем будет расти, по крайней мере, будет расти стремление китайского руководства к обеспечению стратегических интересов КНР. А к прежним (борьба с сепаратизмом и обеспечение стабильности на границе) добавляются новые: не допустить использования центральноазиатских государств Соединенными Штатами против безопасности КНР (стратегическое окружение Китая), игнорировать монополию России на данный регион. Эти мотивы уже несут в себе серьезные геополитические вызовы в будущем. Заканчивая свое эссе, Орсмен делает предположение, что всем трем державам, у которых к тому же совпадающих интересов и целей в регионе больше, чем разногласий, придется учитывать позиции друг друга и вольно или невольно сотрудничать между собой (к чему их вынуждают общие интересы в других регионах и областях мировой политики). Иде-

альным вариантом было бы конвергенция интересов США, России и Китая и объединение их усилий в целях создания более безопасной, процветающей и стабильной Центральной Азии.

Проблему взаимоотношений США и России в Центральной Азии затрагивает в главе, посвященной региональной безопасности, Р.Бреннон (Национальный военный колледж). Три главных игрока в регионе в сфере безопасности, по его мнению, это – Америка, Россия и сами центральноазиатские государства. Рассматривая внешнюю политику России в регионе с момента прихода к власти В.Путина, автор отмечает ее транзитный характер. Провозгласив первоначально после прихода к власти концепцию защиты российских национальных интересов в ближнем зарубежье, Путин к 2003 году пришел к мысли, что для его страны предпочтительнее сотрудничать с Западом, чем игнорировать его. Тем не менее даже до сих пор российскую политику в Центральной Азии трудно назвать «внешней», настолько тесными узами она связана с этим регионом.

Для России Центральная Азия – это, прежде всего, зона стратегического значения для обеспечения национальной безопасности. Именно на этом базируется понимание Москвой действий США в регионе после 11 сентября. Примечательно, что Путин поддержал и адаптировал новую концепцию национальной безопасности Буша в части борьбы с международным терроризмом в своих интересах. В американской стратегии в регионе переплелись три элемента: внутренние реформы, к которым Вашингтон побуждает местные режимы, проблемы безопасности и энергетические интересы. В своей оценке ситуации Бреннон исходит из того, что интересы США и РФ в регионе совпадают. Но, с другой стороны, обе державы признают стратегическое значение Центральной Азии для своих национальных интересов.

Прогнозируя развитие событий в будущем, Бреннон рисует два сценария, и оба они выходят далеко за рамки Центральной Азии. Согласно первому варианту развития событий, разногласия внутри антитеррористической коалиции усиливаются; Россия выходит из коалиции и начинает по тем или иным причинам поддерживать враждебные Западу силы в мире. После провала попытки интегрироваться на Запад, в России к власти приходят воинствующие националисты, коммунисты и военные. Центральноазиатские режимы под крылом Москвы становятся все

более авторитарными и репрессивными. Соседствуя друг с другом, западные и российские военные контингенты постепенно переходят к конфронтации. Регион становится источником ОМУ и постепенно превращается в пороховую бочку.

По другому, альтернативному, сценарию к 2011 году антитеррористическая коалиция одерживает триумфальную победу. Среди победителей, наряду с США и Россией, и государства Центральной Азии. Россия полностью интегрируется в западные структуры, а НАТО, приняв Россию, переименовывается в «Организацию Евро-Атлантического договора по безопасности». В Центральной Азии действуют на совместных базах американские и российские войска, а также силы других членов расширенного альянса. Россия полностью интегрируется на правах демократического и рыночного государства в мировые структуры, а ее влияние в Центральной Азии приветствуется и поддерживается Соединенными Штатами. В конечном счете, Центральная Азия становится моделью стабильного региона, в котором силы США и России действуют рука об руку.

Завершает книгу глава, написанная О.Оликер (РЭНД Корпорейшн), которая фактически представляет собой заключение ко всей монографии. Естественно, что речь в ней идет об интересах США. Американская исследовательница подчеркивает, что американские интересы в регионе носят безусловный политический характер, а экономические (помимо энергетических) интересы минимальны. В настоящее время интересы США по-прежнему, как и в 2001–2002 годы, определяются задачами военно-стратегического характера в Афганистане. Наиболее слабым звеном в регионе исследовательница считает Узбекистан, который уже давно находится под угрозой дестабилизации, инсценированной радикальными исламистами извне. Кроме того, Ташкенту приходится напрягать силы, чтобы сохранять неафишируемый паритет с Казахстаном, за спиной которого стоит мощь России. По-видимому, США благожелательно относились к такому направлению в политике Узбекистана.

Но для Соединенных Штатов сохранение партнерских отношений с Россией в глобальном контексте важнее, чем вступление в конфронтацию с Москвой из-за центральноазиатских государств. Этот фактор Оликер считает определяющим для национальных интересов Америки. С другой стороны, в интересах США привлечение в регион как можно

большого количества партнеров (страны ЕС, Турция), чтобы ситуация в регионе не выглядела как монополия России на влияние. Создается представление, что аналитик РЭНДа не уверена в долговременном сохранении присутствия США в регионе. Она считает, что интересы США, как и России, состоят в том, чтобы побудить государства Центральной Азии самим решать свои проблемы. Таким образом, цели американской политики в регионе автор видит в следующем: признание влияния России, но не ее контроля; интенсификация международного сотрудничества на основе мультилатерализма (США, Россия, Индия, КНР, ЕС); желательна также вступление США в ШОС на правах наблюдателя. Но центральным компонентом американской политики должно быть сохранение добрых отношений с Россией.

Таким образом, очевидно, что данная книга представляет собой фундаментальное исследование широкого комплекса проблем современного развития Центральной Азии. По ходу рецензирования мы остановились только на политических сюжетах, оставив вне поля зрения ряд глав, посвященных социальным, технологическим, экологическим и другим проблемам. Несомненным достоинством монографии является то, что в ней представлены разные взгляды и подходы к проблемам Центральной Азии. Наряду с критическими представлениями о нашем регионе, традиционными для западной политологии, в книге представлены новые и порой необычные суждения о развитии региона. В то же время в некоторых работах доминирует расхожее и поверхностное представление о Казахстане как только о нефтяном государстве и при этом игнорируется тот большой путь, который проделала республика на стези диверсификации экономики и политических реформ. Представления о других государствах региона также страдают порой засильем устоявшихся штампов и нуждаются в более аналитическом и объективном подходе. Но в целом книга дает западному читателю достаточно информативное представление о современной Центральной Азии и сохраняет свою актуальность до настоящего времени, за исключением событий, прошедших в Кыргызстане в марте и Узбекистане в мае 2005 года. После ухода Акаева и восстания в Андижане современная история этих государств вступила в новую фазу. Надеемся, что она найдет в будущем своих авторов среди многочисленных западных специалистов по Центральной Азии.

Summary

Possible ways of Korean peninsula problem in frameworks of Conference on Interaction and Confidence-building measures in Asia

Abisheva M.A. – PhD in political sciences, Research Secretary of KazISS under the President of RK

Shaimerzhanov T.T. – Research Officer of External policy unit, KazISS under the President of RK

Presently Korean peninsula is being engaged in geopolitical confrontation of leading regional actors, where the interests of Russia, USA, China and Japan are interlaced in one tie, and each of these states has own view on the problem. It is historically formed that Korean people was separated by ideological feature more than 50 years ago, and however, presently the circumstances for rapprochement of two states of one nation have appeared, abovementioned processes form difficultly understandable conflicts of interests of external powers.

Thus, foreign policy initiative of the Republic of Kazakhstan has a chance to be applied in favour of regional security maintenance, in particular, in solution of "Korean question" - there are all the suppositions for it, from approaches to the problem and finishing with similarity of positions on the methods of its solution. From this view, Kaz-

akhstan needs actively to develop the cooperation in frameworks of Conference on Interaction and Confidence-building measures in Asia, attracting in particular Asian countries in solution of situation on Korean peninsula, so as traditional actors consider this problem through old stereotypes and follow traditional approaches (in this case the change of peace process participants is necessary). In view of, the question of cooperation intensification of Kazakhstan with the states of Korean peninsula and their attraction to participation in Conference on Interaction and Confidence-building measures in Asia for guaranteeing of all conditions for peace-making dialogue become urgent. Taking into account all the aspects of present situation given direction of Kazakhstan policy open great prospects for our country in case of peace and stability promotion in Asian region.

Islamic factor in North Caucasus: phantom of "Islamism" reached Russia?

Marzhev I.Z. – PhD in historical sciences, Deputy Chief of Expert Unit of Central State Examination Department, Russian Federation, Republic of Ingushetia

Actual questions of Islamic factor in North Caucasus are considered in the work. During the last decades of XX century the influence of Islamic factor on social-political life of most of states has become rather visible. In the last decade of previous century this process has got especial acuteness. If during 40 years period after the Second World War the political scientists built their considerations in frameworks of acted bipolar system, then in the beginning of the 90th question of search of new paradigm for international relations development has arisen. As the tension on "West-East" line as it seemed disappeared, and confrontations arisen in period new global system formation, required new approaches for their solution, the opinion was said that new front of tension will go through the line "North-South" or "South-West".

As serious barrier for peace in South of Russia still remains the problem of double standards. It is impossible to struggle for the unity of own country, at the same time rousing separatist moods around the neighbours. Dualism of Russian policy in Caucasus displays in Kremlin's approach to the problem of adjustment of situation in Chechnya. From one hand the statements that conflict in Chechnya is display of international terrorism are being sounded. If to start from this situation, the collective efforts of international community on its adjustments are required. But from the other the statements that all the events taking place Chechnya are the internal affair of Russian Federation follow the speech about involvement in adjustment process of international organizations.

Contemporary military conflictology about military security: problems and prospects

Fedoseev S.G. – Colonel, PhD in political sciences, Docent, Chief of Humanitarian Disciplines sub-faculty, National University of Defense

In the article author consider the problems and prospects of development of contemporary military conflictology of military security. Correspondingly, military conflict, as warfare, was represented in kind of dynamic picture of military actions of confronting sides, which starting from their political and strategic goals, economic and military facilities, and also views on military art, wage armed struggle, using various methods and forms of armed coercion application.

Thus, the differences of armed conflict from warfare started to be connected to the evaluation of this event from the side of community involved in it. If armed struggle touches safety of each personality, all

groups of society and state, defines all the spheres of their life activity, becomes main, determinant mean (method) of achievement of the main social and political goals, then the speech is about the war. If military factor touches just part of society, and achievement of the main goals of social groups non-involved in confrontation is realized in other struggle forms (ideological, diplomatic, psychological, economic, political and etc.), then it is possible to say about armed conflict. Correspondingly, if during the war transformation of all social-political life of society is intended, then for the conditions of armed conflict such deep transformation in activity of state and public structures is not intended.

Geopolitical factors of national security maintenance – component parameters of state policy of Republic of Kazakhstan

Tussupbayeva G.A. – Officer of KazISS under the President of RK

Specificity of considered geopolitical factors of Kazakhstan gives reasons for drawing-up of own definition of Kazakhstan national security. The problems of maintenance of national security of the states from external and internal dangers and threats always are in the center of attention of politicians and militaries. Collective methods of state security maintenance also have centuries-old history and in increasing degree become dominating tendency in contemporary international relations.

Presently with strengthening of processes of political humanization and anthropocentric ideology formation, establishment of priority of personal and social interests defense, which for the long time were

in subjecting to the state interests is being observed. Concept "national security" first of all should be understood as creation of favourable conditions for normal civilized and healthy life, free development and self-expression of citizens of Kazakhstan. Role of the state as institutional and ideologically organized form of power is concluded in making of these conditions secure. Creation of such a system of national interests, values and life style defense on the basis of existing internal potential and degree of these conditions achievement, which would not contradict with common tendency of international security system creation is index of effectiveness state's activity in sphere of national security maintenance.

Some aspects of the problem of political modernization of local state government

Kulzhanova G. – PhD in political sciences, Institute of Philosophy and Political Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan

In 1991 Republic of Kazakhstan, as new independent state needed to choose own way of political development. It was essentially important, so as the state should position in world community and take own place in international area. In internal political area it was necessary to define the logic of transformational political processes in context of formation of democratic political system.

First of all the attention was paid to the process of building of own state system. Besides, new independent state needed to reform many sides of social life activity. Received as legacy from USSR political system step by step was transformed into demo-

cratic. In its turn it required to solve many common and private state questions.

Perfection and change of mechanisms of state governance of all levels in aim of maintenance of productive and constructive interaction of all branches and levels of state power already in new conditions has become one of central directions of reformations of postsoviet Kazakhstan society. Thus, the problem on reformation of administrative-territorial structure of the Republic of Kazakhstan had been among the most important tasks of national level. On 8th of December 1993 Law of RK "About administrative-territorial structure of the Republic

of Kazakhstan" was passed, and on 19th of December 1995 Decree of President of RK, possessing the power of Law about changes to it was passed. There

Ethnic aspect on the elections in Mazhilis of the Republic of Kazakhstan *Ishmukhamedov Sh.A. – Professor, Al-Farabi Kazakh National University*

Kazakhstan is poly-ethnic state, where observance of rights equality of all the citizens is the condition of stability and prosperity. Developing in democratic political direction, appointment by election, pluralism of views, equality of rights and free expression of position are being understood as very important values. Political elections are the condition of expression of public and political changes, reforms realization, and reservation of effective state governance.

One of the most important and sufficient political problems of 2004 became the elections of deputies in Mazhilis of Parliament of the Republic of Kazakhstan. The elections were marked with active political participation of all state population on all the levels of

Number of oralmans in towns and urban-type communities of Eastern-Kazakhstan region (1991-2002)

Ualtaeva A.S. – competitor of History of Kazakhstan sub-faculty, Eastern-Kazakhstan State University named after. S.Amanzholov, Ust-Kamenogorsk

Sovereignty and Independence of the Republic of Kazakhstan became turning-point in development of ethnic Kazakhs migration. After long-term wandering the Kazakhs, who by fate's volition were beyond Kazakhstan, had got opportunity to return their historic Motherland and to join their native ethnoses. Kazakhs' move from Mongolia in February of 1991 had given the beginning to mass repatriation of Kazakhs from the countries of abroad.

Making the total, it is possible to conclude that according to approved by Government Program of demographic development of RK on 2001 – 2005 and sectoral Program of migration policy of RK on 2001–2010, the State has carried out great work on regulation of migrating population. In 2004 it is planned to receive 10000, and in 2005 16000 families by immigration. That huge army of people, who should adapt to life in new conditions. towns and urban-type communities of Eastern-Kazakhstan region have to become attractive for that category of

To the question of ecological crisis influence on social condition of population in transformation period (on example of Kyzyl-Orda region)

Italmasova R.B. – Kyzyl-Orda State University named after Korkyt-Ata

The most specific feature of natural conditions of Kyzyl-Orda region is its location in desert zone, sharply continental climate, high solar radiation bal-

ance. For human inhabitation Kyzyl-Orda region is considered to be discomfort by radiation, temperature, moist, wind and other natural and climate pa-

rameters. Region is a part of territory of ecological disaster because of Aral sea shrinkage. Water in Aral sea has decreased on 65%, salinity has increased on 33%. Salt volume on the bottom of dry sea has reached 107-114 milliiards of tons. On the experts' calculation as Aral's shrinkage about 70 thousands of tons of salt will accumulate on 1 sq. km of area, and will be spread when storm on distance to 500 km. Magnitude of salinity has increased on 2,5% (on comparing with long-term data), content of attenuated oxygen constantly decreases. Decrease of sea surface resulted to strengthening of climate continentality, to decrease of air humidity on 20-30%.

Difficult situation with drinking water supply has been occurred. Presently about 75% of population in Aral region use tap water, the others are obliged to use

Main issues and perspectives of development of transit potential of Eurasian Economic Community (EEC) member states (Part II)

Rakhmatulina G.G. – PhD in economics, main research fellow, KazISS.

One of the main goals of creation of the Eurasian Economic Community is the formation of the Single Economic Space that presupposes effective function of the common market of goods, capitals and human resources, unification of transport, energy and information systems.

Realization of the mentioned directions first of all presuppose coherent and effective use of the transit potential of the EEC, development of which will become an important factor of integration of Community states into the global economy.

This task has to be solved by undertaking practical measures of deepening integration interrelation of

open sources, where water does not respond to sanitary code. In some of inhabited localities brought water is used. Low quality of drinking water is the source of many diseases. In the total all it negatively influences on the region population's health.

As a whole it is possible to assert that as the main reason of increase as number, as and amount of diseases is lasting for 40 years negative ecological situation. Moreover, it is possible to consider as lost the most of territories in region, as it all are not suitable for inhabitation of humans. Correspondingly, it would be more worthwhile to help the people to move from the regions near to Aral sea and Bakonyr cosmodrome in more ecologically safe regions. So as inhabitation there is fraught with negative consequences and prospectless not only for present, but and for next generations.

the EEC member-states in the transport and energy fields. In this regard issues of the formation of the coherent principles of customs, tax and tariffs policy of the countries of "five" in the real sector of economy are of a great importance.

Article contains a detailed analysis of the state of the integration processes of the transport and energy complexes of the EEC countries, issues of the effective use of their transit potential and provides recommendations for its development taking into account the need to broaden trade and economy links of the Community countries in the perspective.

State regulation of the external loans

Panzabekova A.Zh. – junior research fellow of the Institute of Economy, MES RK

External loans are the supplementary source of the financial resources. Broadening the access to international financial markets is the important factor of lowering the risks of Kazakhstan banks. External loans facilitate significant broadening of the choice of sources of money and allow to attract them on a long-term basis. Attracting long-term loans from the foreign markets, banks acquire higher level of stability against short-term changes in the liquidity on the market and attain the possibility to satisfy customers demand in loans in USD or Euro without having to burden themselves with a long-term foreign currency risks.

During recent years in Kazakhstan under the conditions of a gradual decrease of obligations of a state and guaranteed by the state external debt there is a sustainable tendency in the increase of unguaranteed

part of the external debt. This dynamic comes from banks and corporations loan operations, which are not guaranteed by the state and which are continuing to attract resources from the external markets, by taking advantage of good loan conditions. At the same time gross external debt indicators are approaching critical level.

This circumstance provides for the need of implementation of the effective management system for process of attraction and use of external loans. In the article author offers measures for the formation of the optimal structure of external loans; for the increase of effectiveness of use of attracted finances; for diversification of a debt portfolio; for the formation of the balanced external debt structure.

Problems of self-financing and bank investment loans

Mabiev B.N. – economist, T. Ryskulov KazEU

Long term bank loan as the source for loaned financing of a long-term investments of a corporation is among the most important means of interaction of financial and real sectors of economy. By its role in the development of a partner relations it significantly surpasses short-term bank loans, which only for a short time link interests of a banker and a producer in the regards of financing working capital of the latter. Long-term banking loan forms primary integration links between corporation and bank that is provided by long periods of crediting, but mainly by the goals that are realized by them. As usual, it is a loan of an investment project, when bank practically becomes a financial co-executor, taking upon itself part of the risks of successful realization of the investment project of corporations-borrowers that need banking crediting for their investment expenses. Because of the lack of own financial resources in the

majority of corporations in the production sector of the economy that are needed for financial backing of the investment demand and because of the difficulties of obtaining the financial capital with the help of instruments of the underdeveloped national share market long-term banking loan is preferable among other external sources of financing the investments. As usual, Kazakhstan banks give loans for investments projects of acting and starting business that is geared towards acquisition, construction and repair of the real estate for entrepreneur activity; acquisition of the machinery and equipment; modernization and reconstruction of the production; another capital investments. Loan, credit line, accredited are the main forms of crediting. Nevertheless, such commonly used in the developed countries form as the syndicated crediting of borrowers in realization of a large investment projects.

The volatility problems of international flows of financial capital for Kazakhstan during their liberalization

Zhunisbekova L.S. – researcher, Finances and Credit sub-faculty, Kazakh Economic University named after T. Ryskulov

For the last years Kazakhstan's government has taken substantial actions on the way to liberalization of international movement of financial capital in Kazakhstan. Some of results have already been reflected on country's balance of payment. Some change of structure of capital's international movement is noticeable. Sufficient inflow of capital in form of direct and other investments has not only its advantages as additional resources for national development, but and some disadvantages as volatility of financial flows that is able to result in economic instability at least. Some reasons of sufficient amounts of international capital inflow in Kazakhstan, such as low

percent rates in developed countries, liberalization reforms in our country, growing integration of developed countries are shown in the article. Certain regularities of financial flows behavior defined in result of empiric studies of liberalization process in developing countries are considered. Decrease of capital's growth after sudden change is unavoidable fact for any economy even with stable macroeconomic indices. The experience of foreign countries has shown that periods of sudden change of capital and investment will change with decrease of inflow. Such factor should be taken into account during the regulation of foreign capital in Kazakhstan.

Theoretical aspects of the formation of mechanism of interaction between regions and corporation in the external economy sphere

Tekenov U.A. – PhD in economics, senior lecturer, dean of the faculty "Economy and International Relations", Ryskulov KazEU
Daurenbekova A.N. – PhD in economics, senior lecturer, Ryskulov KazEU

Development of the sustainable economic links between states and nations is today's reality that is caused by the increase of production forces and deepening of international labor division. Tendency towards interdependency is based on such a type of reproduction process that goes beyond frames of regional and national borders and is expressed in

internationalization of both the production process and the market. Great role is played by corporations that arrange their activity on the international level. Such corporations undertake production, goods acquisition, sales and services provision not only on the territory of regions and national state, but also far away from the basing country. Corpora-

tions that have this level have the role of market regulators on the microeconomical level. Methods of organization of international productions used during this process vary: from the mergence of separate corporations and acquisition of shares of foreign companies to the establishment of international groups.

Often these corporation undertake not only commercial, production or financial activity, but

combine, more or less, all sides of external economic activity. It has to be taken into account that corporations act not in the non-air space, but in some concrete region of the country, that always differs from other regions by its own specifications: presence of natural resources fields, advantageous economic-geographic positioning, presence of large production and scientific-technical potential, availability of human resources etc.

Organized crime in the modern conditions

Temerbekov A.A. – JD, senior lecturer, faculty of criminal law and criminology, law school, Al-Farabi KazNU

This article is devoted to several qualitative specifications of the organized crime, as a symptom and phenomenon of globalization, affecting all, including negative, sides of social activity. Organized crime, alongside with general crime, economic or other types, is positioned to crime as a subsystem to the systematic phenomenon of broader range. In general, organized crime as a endemic part of general crime also relates to the class of phenomenon of a social nature.

Crime as a criminological definition is relatively common social phenomenon, which is formed from the pool of crimes committed in the country during a certain period of time. Today in the world, as well as in Kazakhstan, process of globalization in the society has notably negatively reflected in crime. Crime has long ago overgrew frames of pure professional

interest of criminologists and law enforcement staff. It has affected the society, all its institutes, including power and administration structures. The essence of crime comes not only from the fact that it is an objective phenomenon, but to the fact that it is also a social phenomenon, that is, it is related to the human society and its regulations.

From the stated position, observed process of attempts to substitute legal power and justice by shadow forms of criminal power and justice, is one of the most serious threats, related to the challenges of globalization in the international and national social systems, both in the forms of direct action and in the mediated way through negative changes of individual and communal consciousness, especially its legal part.

Administrative barriers to the development of entrepreneurship

Suleimenova G.K. – senior research fellow, PhD in economics, senior lecturer, Kyzyl-Orda State University

Theoretical substantiation of the term administrative barriers causes many disputes and is discussed on many levels. Presence of administrative barriers as an institutions is related to the existence of economic power. It is exactly the economic power that allows representatives of executive power to develop new rules or amend them with the goal of their perfection, misuse or lobby of interests of certain figures. Economic power, that allows to develop not effective, but rent-forming formal rules is strengthened by the absence of the responsibility for production of such norms. As a result administrative barriers are emerging in a dual manner as not effective formal institutions and non-formal institutions that act around formal institution.

It is possible to draw a conclusion that administrative barriers exist on all stages of business activity. Their all-around existence modifies them into the

"systemic barrier". If formal rules that create administrative barriers, can be abolished, then non-formal rules (norm, tradition of giving bribes, representative in the state and/or financial structure) are hard to be abolished. Latter became the norm of action of national entrepreneurs. And every new entrepreneur has to follow these norms, in other case they will face misunderstanding from other economic agents.

Therefore, there is a need in perfection of institutes, regulating entrepreneur activity. First of all, revision of all formal rules revision and to reveal among them not effective, contradictory to other formal rules. We have to note that work is done systematically and from the part of state structures and entrepreneurs' public organizations. But efficiency is not so high. From our point of view, it is related to the fact that major part of entrepreneurs still does not understand the need of uniting the efforts to act as

institutional entrepreneurs. Although, during recent time, public associations are active in consolidating their efforts in resolving their problems. Secondly, it is needed to facilitate the increase the level of trust between economic agents by stabilizing economic and

political processes. These and other measures, at the end of a day allow to develop and implement new rules, that will lead gradual disappearance and/or elimination of not effective rules, that constrain the development of entrepreneur structures.

Political-cultural determinants of euroamerican historiography in the describing Central Asia history 1970-1980 years
Burbaeva G.B. – PhD political science

With the strengthening of a status of union republics, that base their structure upon the soviet ideology of the international hostel and standards of set ethno-group behavior, "local elites, that have escaped cleansing often at the expense of demonstrative repentance and renunciation, nevertheless, are the reservate of preservation of national traditions, thus securing link between national leaders, annihilated in 1937-1938 years and young generation".

That is why issues of survival and continuity of intellectual potential in the Soviet zone of Central Asia, along with socio-political conditions, developed in the region, were and are taking place in the euroamerican historiography of the region the leading place in the context of correlating national self-identification and national policy.

Nevertheless, dialectics of the national self-identification through culture among national elite of the late socialist era, unlike the direct political counteraction of the first years of soviet rule, have carried more camouflaged behind the communistic rhetoric character. It did not cover fundamental basis of the

social order, and not only because of the gained experience in repressions and decimations during the Stalin era, although this fact in Western works on the region has never been put off the agenda.

Large scale results of sovetization and modernization during the years of soviet rule have actualized the culture's development as a national interest, as well as language and traditions, that have undergone if not assimilation, but, in any case, stopped in their development. "Modernization and serious shifts in the level of life and population positioning that followed, as well as demographic tendencies had important long term economic and political consequences. Different paces of social mobilization of ethnic minorities, and, as a result, absence in changes in their relatively low position of the level of development mean that Russians continue to remain the "haves", while others remain the "have nots". Nevertheless, the feeling of being second-graded have caused the rise of expectations and instinctive needs from the part of ethnic groups who, in a turn, strengthened ethnic conflict and national aspirations.

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №2, 2005

- Абишева М.А.** – ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Бырбаева Г.Б. – кандидат исторических наук
Дауренбекова А.Н. – докторант КазЭУ имени Т.Рыскулова, доцент, кандидат экономических наук
Жунисбекова Л.С. – соискатель на кафедре «Финансы и кредит» Казахского экономического университета имени Т.Рыскулова
Италмасова Р.Б. – КГУ имени Коркыт-Ата
Ишмухамедов Ш.А. – преподаватель КазНУ имени аль-Фараби
Кульжанова Г. – ИФиП МОН РК, кандидат политических наук
Лаумулин М.Т. – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
Мабиев Б.Н. – экономист КазЭУ имени Т.Рыскулова
Марзиев И.З. – заместитель начальника экспертного отдела Управления Главгосэкспертизы РФ по Республике Ингушетия, кандидат исторических наук
Панзабекова А.Ж. – младший научный сотрудник Института экономики МОН РК
Рахматулина Г.Г. – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
Сулейменова Г.К. – старший научный сотрудник, доцент Кызылординского государственного университета, кандидат экономических наук
Текенов У.А. – декан факультета «Экономика и международные отношения» КазЭУ имени Т.Рыскулова, доктор экономических наук
Темербеков А.А. – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби, кандидат юридических наук
Тусупбаева Г.А. – сотрудник КИСИ при Президенте РК
Уалтаева А.С. – соискатель кафедры «История Казахстана» Восточно-Казахстанского Государственного Университета имени С.Аманжолова, г. Усть-Каменогорск
Федосеев С.Г. – полковник, начальник кафедры гуманитарных дисциплин Национального университета обороны РК, кандидат политических наук, доцент
Шаймергенов Т.Т. – научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК